

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

На правах рукописи

Чэн Цзяоцзяо

**Лингвотекстовая специфика газетного очерка
(категории темы и композиции)**

Специальность 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Т. В. Ицкович

Екатеринбург – 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Очерк как текстовой жанр: аспекты интерпретации	12
1.1. Публицистический функциональный стиль	12
1.2. Жанровые особенности очерка	25
1.3. Текст и текстовые категории	40
1.4. Функционально-смысловые типы речи (ФСТР)	59
Выводы	71
Глава 2. Категория темы в жанре очерка	73
2.1. Речевая специфика категории темы в очерках о природе	73
2.2. Речевая специфика категории темы в очерках о человеке (портретных очерках)	101
Выводы	122
Глава 3. Категория композиции в жанре очерка	124
3.1. Структурирование очерков о природе	124
3.1.1. Речевое оформление композиционных блоков (статический подход)	124
3.1.2. Типичные композиционно-тематические модели текста (динамический подход)	136
3.2. Структурирование очерков о человеке	153
3.2.1. Речевое оформление композиционных блоков (статический подход)	153
3.2.2. Типичные композиционно-тематические модели текста (динамический подход)	168
Выводы	194
Заключение	196
Список использованных словарей и справочников	200
Список использованной литературы	203
Список источников	250
Приложение. Тексты очерков В. М. Пескова	253

Введение

Диссертационное исследование посвящено категориально-текстовому описанию жанра очерка, который традиционно считается одним из ведущих жанров публицистики. «Очерк – художественно-публицистический жанр, в котором соединяется документализм (опора на реальные жизненные факты), аналитизм (исследовательское начало) и художественная форма текста» [Матвеева 2003: 214–215]. Сегодня жанр очерка утрачивает былую популярность, трансформируясь в другие жанры, обусловленные новой цифровой реальностью, например, лонгрида (проблемный очерк), тревел (путевой очерк) [см.: Клушина 2008]. В то же время очерки, ставшие классическими в российской журналистике, могут служить образцовым материалом, изучение которого способствует вычленению характерологических жанровых черт, модели жанра, позволяющей в дальнейшем продуцировать тексты очерков по образцу.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена важностью крупной научной задачи полного категориально-текстового описания функциональных стилей и жанров. В наибольшей степени сказанное относится к публицистическому стилю, роль и место которого существенно изменились в начале XXI века. Изучение функционирования очерка с позиций лингвистики текста на образцовом материале позволит выявить типологические черты жанра и субжанровых разновидностей очерка. Кроме того, актуальность разрабатываемой в диссертации темы определяется целесообразностью изучения творческого наследия выдающихся русских очеркистов, в ряду которых выделяется Василий Михайлович Песков (1930 – 2013).

Научная новизна исследования определяется общей неразработанностью проблемы лингвотекстового анализа жанра. В жанровом репертуаре публицистического стиля (статья, интервью, заметка и др.) очерк – один из репрезентативных жанров, недостаточно изученный в лингвистике как тип текста. Исследование очерка на основе категориально–текстового подхода к жанрово однородным речевым произведениям проводится впервые.

Степень изученности проблемы

Рассмотрение жанра как текстотипа в рамках определённого функционального стиля опирается на труды по функциональной стилистике и лингвистике текста [Ахманова 2004; Березин, Головин 1979; Будагов 1967; Васильева 1982; Виноградов 1963, 1980; Винокур 1959; Гальперин 1980; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Коренькова, Пушкарева 2010; Костомаров 1971; Крылова 2008; Купина, Матвеева 2013; Прохвятилова 2011; Сидорова, Савельев 2008; Степанов 1971; Сухомлинова, Синепупова 2010; Телия 1991; Трушков 2016; Щерба 1957].

В трудах ученых Пражской лингвистической школы реализована концепция, основу которой составляют «два определения – структурное и функциональное» [Пражский лингвистический кружок 1967: 7]. В наше время целый текст осознается как объект изучения лингвистики и стилистики текста. Природой данного объекта обусловлено то, что «важнейшим в стилистике текста следует признать не структурный, а функциональный аспект, принципом анализа которого является выяснение роли структурных компонентов и природы развёртывания текста для эффективной передачи содержания в соответствии с целями и задачами общения в той или иной коммуникативной сфере» [Кожина 2008: 51–52].

Различные подходы к описанию феномена текста [см.: Валгина 2003; Кайда 2005; Караулов 1987; Колшанский 1983; Кожина 1996; Кубрякова 1983; Кулибина 2001; Леонтьев 1997; Мельник, Тепляшина 2006; Покровская 2004; Тураева 1986] не снимают поиска его интегрального качества, и этим качеством обладает суперкатегория коммуникативности [Леонтьев 1997; Сидоров 1987], позволяющая обосновать системно-коммуникативный подход к лингвистическому исследованию речевого произведения. В общем, текст – это не просто комбинация слов, выражающая какое-то явление действительности, он должен «выражать актуальное отношение говорящего к действительности и его отношение к слушателю, реальному или мыслимому» [Пражский лингвистический кружок 1967: 445]. Типологизация функционирования литературного языка поддерживается устоявшейся системой функциональных стилей – «текстотипов,

отражающих основные виды человеческой деятельности» [Купина, Матвеева 2013: 22].

Жанр традиционно связан с функциональной стилистикой, где он понимается как видовой способ реализации функционального стиля [Крысин 1989: 44]. Большинство учёных бесспорно признает жанровую дифференциацию текстов одного стиля [Ампилов 1972; Беневоленская 1983; Гордеев 2015; Григорьева 2003; Зеленина 2014; Зотов 2018; Ким 2011; Клушина 2008; Колосов 1997; Конторович 1962; Кручевская 2010; Мао Дунь 1980; Маслова 1977; Мэн Анру 2018; Миночкина 1997; Одесский 2017; Скибицкая 2014; Тертычный 2017; Укуева, Жусуева 2016; Федотова 2014; Черепанов 1966].

Характеристика очерка как особого жанра, проблема его функционально-стилевой интерпретации осуществлена в научных работах [Ампилов 1972; Арзуманиян 2008; Гордеев 2015; Григорьева 2003; Гузанова 2013; Дзюба 2013; Зотов 2018; Краснов 2006; Ленобль, Канторович 1958; Мао Дунь 1980; Миночкина 1997; Мэн Анру 2018; Репонь 2021; Серебровская 1961; Скибицкая 2014; Тертычный 2017; Федотова 2014; Хайруллина 2001]. Ученые предлагают различные классификации жанра очерка [Дривалёва 2018; Ким 2011; Колосов 1997; Конторович 1962; Репонь 2021; Тертычный 2017; Укуева, Жусуева 2016; Черепанов 1966], в каждой из них выделяются проблемный, портретный [Беневоленская 1983; Зеленина 2014; Кручевская 2010] и путевой очерки [Маслова 1977; Панцеров 2004], что важно для нашего исследования.

Очерки В. М. Пескова изучаются в различных аспектах [Бушков 2015; Гукасова 2018; Куроедова 2010; Малышев 2014; Останина, Чутчева 2014]; отмечается высокий воспитательный потенциал текстов [Андропова 2020; Кустова 2020; Овчаренко 2020; Пономарева 2020; Проскурина, Проскурин 2020; Сушкова 2020]. Предметом внимания становится также личность очеркиста [Будаков 2020; Вязовой 2020; Кашкин 2020; Тулупов 2020].

Наименее детально изучены собственно текстовые особенности жанра очерка.

Материалом анализа послужили очерки широко известного журналиста В. М. Пескова, на эмпирическом материале которых выполнены разноаспектные исследования в области лингвистики [см.: Бушков 2015; Куроедова 2015; Малышев 2014; Сычёва 2012; Щеглова 2017]. С 1956 по 2009 год очеркист В. М. Песков опубликовал более 1700 очерков в газете «Комсомольская правда», в 2014 году издательский дом «Комсомольская правда» собрал и опубликовал его очерки в «Полном собрании сочинений» в 23 томах: «В соболином краю»; «С Юрием Гагариным»; «Ржаная песня»; «Туманные острова»; «Мощные реки»; «У Лукоморья»; «По зимнему следу»; «Мир за нашим окном»; «За порогом весны»; «Река и жизнь»; «Друзья из берлоги»; «Ключи от Волги»; «Запечатленные тайны»; «Таёжный тупик»; «Чудеса лунной ночи»; «В час высокой воды»; «Зимние перезвоны»; «Посиделки на закате»; «Про братьев меньших»; «Золотые закаты»; «Мир на ладони»; «Прогулки по опушке»; «Лесные жители». В диссертации проанализировано более 200 очерков, отобранных по принципу наибольшего охвата материала (изучаются очерки разных циклов, разных периодов творчества).

Объектом исследования в диссертационной работе является группа текстов, однородных по ситуации общения, способу реализации основной функции, стратегической цели коммуникации, замыслу автора и характеру адресованности, т.е. текстов одного жанра-текстотипа, а именно очерка.

Предмет анализа – категориально-текстовая и стилистическая специфика очерка, выявляемая на основании ряда типологических речевых признаков, отражающих текстовую и затекстовую реальности. Задача выявления специфики идиостиля В. М. Пескова в работе не ставится. Очерки данного автора берутся в качестве жанрового материала, образцовый характер которого является общепризнанным.

Методология и методы исследования. В данной работе используются общенаучные методы научного наблюдения, интерпретации, классификации; в рамках комплексного анализа материала реализована группа методов и приемов компонентного анализа, дефиниционного анализа, контекстологического анализа. Для решения поставленных задач была использована группа методов и приёмов

стилистического анализа. Основным методом исследования является категориально-текстовый анализ, опирающийся на интегральное качество текста – суперкатегорию коммуникативности, что позволяет обосновать системный подход к тексту как объекту лингвистического исследования.

Текстовая категория понимается как «отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и композитивными средствами» [Матвеева 2003: 353], при этом «категория текста рассматривается в качестве одного из взаимосвязанных существенных признаков его коммуникативно целесообразной системности» [Сидоров 1986: 431]. Целый текст рассматривается как коммуникативная система; текстовая категория как «одна из коммуникативных линий этой системы, материализованная языковыми средствами» [Матвеева 1990: 13–14].

Принцип отбора текстовых категорий для анализа в настоящей работе продиктован намерением определить такой состав категорий, который отражал бы основные коммуникативные составляющие текста, с учетом затекстовой коммуникативной ситуации. Текстовые категории, отобранные в настоящей работе для детального анализа, – это категории темы (отражает в тексте предмет речи, то есть ту реальность, с которой работает автор) и композиции (отражает развитие темы в тексте). Категория хронотопа (текстового времени и пространства) анализируется в качестве дополнительного материала во взаимодействии с опорными категориями темы и композиции. Аналогичным образом в план анализа включена категория оценочности.

Цель работы выявление особенностей очерка на основе текстовых типологических признаков данного жанра и специфики способов экспликации текстовых категорий.

Достижение цели осуществляется посредством решения следующих **задач**:

- 1) выделить объект исследования и отобрать репрезентативный текстовый материал для анализа;
- 2) последовательно выявить и описать средства и способы экспликации текстовых категорий темы и композиции в жанре очерка;

3) установить типологические особенности речевой реализации категорий темы и композиции, по которым можно классифицировать жанр очерка и его субжанры;

4) выявить и описать использованные в очерках логико-лингвистические по своей природе функционально-смысловые типы речи и установить их соотношение с жанровыми категориально-текстовыми реализациями;

5) составить суждение о взаимосвязанности и взаимодействии текстовых категорий и функционально-смысловых типов речи в рамках жанра очерка, обосновать вывод о лингвотекстовой специфике очерка как особого жанра (текстотипа).

Гипотеза исследования состоит в том, что очерк как текстотип отличается специфической реализацией и системными отношениями текстовых категорий. Очерковый текстотип характеризуется доминированием категории темы, от специфики которой зависит композиционное развитие текста на основе одного из функционально-смысловых типов речи (ФСТР). Два основных субжанра очерка (очерки о явлениях природы и портретные очерки) имеют разное функционально-смысловое выражение, а также своеобразное взаимодействие категории темы с другими текстовыми категориями.

Теоретическая значимость исследования определяется применением лингвотекстового анализа категорий темы и композиции с учетом категорий времени, пространства и оценочности. Полученные данные позволяют представить способы экспликации названных категорий, выявить закономерности и модели реализации текстовых категорий в жанре очерка, а также уточнить характеристики жанра очерка в рамках функционального стиля. Наблюдения и сформулированные выводы вносят вклад в развитие общей теории жанра очерка, способствуют получению целостной категориально-текстовой картины жанра.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов в учебных вузовских курсах «Культура речи и стилистика», «Стилистика современного русского языка», спецкурсах и спецсеминарах по стилистике, тексто- и жанроведению; могут применяться в

практике вузовского преподавания лексикологии, лингвокультурологии. Материалы работы окажутся полезными для журналистов, осваивающих речевые технологии создания очерка как текстотипа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Жанр очерка характеризуется тематической определенностью. В наиболее общем виде очерки В. М. Пескова на строго тематической основе образуют два субжанра: очерк о природе; очерк о человеке (портретный очерк). Субжанры очерка характеризуются разной значимостью текстовых категорий и комплексным категориально-текстовым решением. Для очерков о природе характерен комплекс текстовых категорий **тема + хронотоп**; для очерков о человеке – комплекс текстовых категорий **тема + оценка**.

2. Категория темы в жанре очерка характеризуется многообразием тематического представления: используются все типы тематических номинаций (базовые, субституты, таксономические, референтно тождественные, синонимические). Для очерков о природе характерна объектно-предметная тематическая цепочка. Очерк о человеке строится на субъектно-предметной (персонажной) цепочке. В жанре очерка может использоваться также Я-тема, которая имеет прямое отношение к оценочному содержанию текста.

3. Композиционное членение очерков определяется текстовой значимостью и пропорциями использования функционально-смысловых типов речи (ФСТР). В очерках о природе ведущим ФСТР является описание (статическое и динамическое). Композиционные блоки основной части текста соответствуют подтемам, в которых раскрываются отдельные аспекты описываемого предмета, явления. В очерках о человеке ведущим типом речи является повествование, что определяет типичные композиционные модели, характерные для данного субжанра: модель с хронологическим порядком изложения, когда события из жизни героя и соответствующие им подтемы отражены в тексте в естественной последовательности; модель с искусственным порядком изложения, когда расположение событий из жизни героя и соответствующих им подтем определяются замыслом и целеустановкой автора.

4. Оба субжанра имеют факультативные композиционные модели. В очерках о природе имеется композиционная модель с опорой на повествование (оно выстраивает композиционную рамку текста) и рассуждение (особенно в очерках, посвященных экологическим проблемам). В очерках о человеке дополнительные композиционные модели основаны на описании (портрет героя), рассуждении (истолкование поступков героя), а также их контаминации в различных вариантах: контаминация повествования и рассуждения (при изложении биографии героев) и описательно-повествовательная контаминация. В очерках о человеке категории времени и пространства, а также линия говорящего (авторское Я) играют вспомогательную роль и реализуются в виде композиционных связок.

5. Жанр очерка функционирует в зоне пересечения публицистического и художественного стилей; анализ средств выразительности показывает, что субжанр очерка о природе смещен в область периферии художественного, а субжанр портретного очерка – в область ядра публицистического стиля.

Степень достоверности результатов исследования определяется репрезентативностью изученного языкового материала, комплексом методов и приемов анализа, адекватных целям, задачам и рассматриваемому объекту, опорой на авторитетные теоретические источники.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены на международных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Журналистика в 2018 году: Творчество, профессия, индустрия», Москва, 2019; «IV Міжнароднай наукова-практична канферэнцыя, прысвечай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А. І. Наркевіча», Минск, 2019; Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований», Екатеринбург, 2019; Всероссийская с международным участием заочная научная конференция студентов и аспирантов высших учебных заведений «Слово и текст в культурном и политическом пространстве», Сыктывкар, 2020; Международный научный семинар «Аксиологические аспекты современных филологических исследований», Екатеринбург, 2020; X Международный конгресс по когнитивной

лингвистике «Когнитивные исследования языка: когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования», Екатеринбург, 2020; Международная научно-практическая конференция «Человек. Общество. Коммуникация – 2020», Великий Новгород, 2020; Международный научный конгресс «Современная наука, человек и цивилизация», Грозный, 2020; Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы филологии глазами молодых исследователей», Пермь, 2020; Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований», Екатеринбург, 2021. XI Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах», Челябинск, 2022. Всероссийская научная конференция молодых учёных с международным участием «Linguistica juvenis: междисциплинарные аспекты изучения русского языка», Екатеринбург, 2022. Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований», Екатеринбург, 2022.

Содержание диссертации отражено в 19 публикациях. В рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, опубликовано 4 статей.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (317 наименования), списка использованных словарей и справочников (20 наименований), одного текстового приложения. Общий объем диссертации 252 страниц (без учёта приложения).

Глава 1. Очерк как текстовой жанр: аспекты интерпретации

В данной главе ставится цель описания теоретической базы, на которой основан развернутый анализ категорий текста. Очерк как особый жанр рассматривается в рамках функционального стиля, а также как тип текста, характеризующийся своеобразием категориально-текстовой реализации.

1.1. Публицистический функциональный стиль

Жанр очерка, являющийся объектом изучения в настоящей работе, в современной лингвостилистике относится к публицистическому стилю [Тертычный 2017], что заставляет нас обратиться к характеристике публицистического стиля и его месту в парадигме функциональных стилей русского языка.

Согласно общепринятому мнению «стиль творится и выражается в речевой деятельности, в процессе употребления языка и запечатлевается в тексте» [СЭС: 2006: 511]. В процессе творения стиля следует учитывать не только внутрисистемные отношения языковых единиц, но и экстралингвистические факторы: человеческая деятельность, которая имеет социально-практическую природу, и психология человека. «Стиль представляет собой естественно сформированный результат длительного языкового варьирования в условиях естественного бытования языка» [Купина, Матвеева 2013: 10]. В процессе формирования стиля должны учитываться два внелингвистических фактора: человеческая деятельность, которая имеет социально-практическую природу, и психология человека. В. В. Виноградов еще в середине XX в. Предложил следующее определение: «Стиль – это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединённая совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 72].

Мысль о внелингвистической заданности стилей, роли общественной речевой практики в их формировании значительно усилена М. Н. Кожинной: «стиль – это свойства, признаки содержательного (смыслового) плана, обусловленные экстралингвистически, получающие реализацию через своеобразное построение (систему) материальных элементов – своеобразные «комбинации» языковых единиц, особое построение речи (текста), выступающее в качестве плана выражения» [Кожина 2008: 86].

В плане общего функционирования языка стиль рассматривается как «результат языкового варьирования: одна из речевых подсистем, связанная с определённой сферой речевого употребления, целью речевого общения и составом его носителей. В любом понимании термина, стиль характеризуется определёнными принципами отбора, трансформации, комбинации, композиции языковых средств в речевом произведении или группе речевых произведений» [Матвеева 2003: 341].

Функциональная стилистика, которая сосредоточена на взаимосвязи речевых произведений и сфер общественно-практической деятельности, сформировалась позже традиционных стилистических направлений (стилистики средств, экспрессивной стилистики) – лишь во второй половине XX в. [Стилистика и литературное редактирование 2016: 11]. Однако ее основы заложены в трудах М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. П. Якубинского, Е. Д. Поливанова. С 60-х гг. XX в. в соответствии с общим поворотом языкознания от структурной парадигмы к коммуникативно-функциональной возникает интерес к динамической модели языка, и функциональная стилистика становится одним из центральных направлений функциональной лингвистики.

Многие известные учёные признают факт влияния стилистики на процесс развития лингвистической науки. По словам И. Р. Гальперина, «стилистика начала расшатывать основы структурной лингвистики, заставляя исследователей включать в сферу своих наблюдений живые формы языка <...> Начался пересмотр канонов лингвистического анализа» [Гальперин 1980: 9]. Ю. С. Степанов пишет: «в противопоставлении развивающемуся учению о структуре языка <...>

стилистика стала осознаваться как общее учение об употреблении языка» [ЛЭС 1 1990: 493].

Определение оснований функционально-стилистической классификации русской речи прошло свой путь развития. В специальной литературе первоначально выделяются «стили, дифференцируемые в соответствии с основными функциями языка – общения, сообщения и воздействия» [Ахманова 2004: 456]. Данная трихотомия становится основой дифференциации функциональных стилей. В. В. Виноградов четко выделил три важнейшие функции языка, и на этой основе охарактеризовал функциональные разновидности: 1) обиходно-бытовой стиль, функция которого общение; 2) обиходно-деловой стиль, официально-документальный и научный стиль, с доминированием функции сообщения; 3) публицистический стиль и художественно-беллетристический стиль, которые в основном имеют функции воздействия [см.: Виноградов 1963].

Существенное уточнение в трактовке функционального стиля связано с ролью доминирующих типовых сфер деятельности и форм общественного сознания. Согласно определению М. Н. Кожиной «функциональный стиль – это своеобразный характер речи той или иной социальной её разновидности, соответствующей определённой сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» [Кожина 1993: 51]. Было выявлено, что каждый функциональный стиль обслуживает определенную разновидность внеязыковой деятельности, а также имеет свои языковые особенности, правила организаций языкового материала и собственную речевую систему [см.: Гадомский 2006; Кожина 2008; Разинкина 1989].

Функционирующий язык реализуется в разных сферах общения в зависимости от экстралингвистических факторов, которые влияют на языковую форму текстов, на отбор и организацию языковых средств. Факторами стилеобразования являются виды человеческой деятельности, целеполагание, ситуативные особенности общения, форма мышления, характер содержания

[см.: Лотман 1981; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. О. А. Крылова подробно исследует факторы стилиобразования и подразделяет их на субъективные и объективные. В числе субъективных факторов, относящихся к говорящим или пишущим, называются: «а) социально-экономические факторы: профессия, уровень образования, общественное положение, социальная принадлежность, и т. п.; б) факторы, имеющие психологическую природу: темперамент, особенность характера, настроение в момент речи; в) факторы, связанные с физиологическими особенностями человека: возраст и пол» [Крылова 2008: 40]; в числе объективных факторов, не относящихся к индивидуальным особенностям говорящего и пишущего, относятся, например: «а) форма речи (устная или письменная); б) вид речи (монолог, диалог или полилог); в) характер коммуникации (общественная, т.е. публичная, или личная); г) жанр речи (выступление на митинге, участие в диспуте, научный доклад, научно-популярная лекция, письмо, реклама, объявление, деловой документ: расписка, заявление, справка, акт, деловое письмо и т. д.); д) сфера общественной деятельности, в рамках которой осуществляется коммуникация» [Крылова 2008: 41]. В трудах М. Н. Кожиной (1968 и др.) различаются два типа экстралингвистических факторов. К базовым экстралингвистическим факторам относят формы общественного сознания, тип мышления, вид деятельности, цели и задачи общения; к второстепенным – тематику и содержание целостного высказывания (произведения), жанр и т. д., определяющие принципы отбора и сочетания языковых элементов и организацию речи, смысловую структуру текста.

Итак, функциональная стилистика – это «лингвистическая наука, изучающая закономерности функционирования языка в различных сферах общения, соответствующих тем или иным разновидностям человеческой деятельности, а также речевую системность складывающихся при этом функциональных стилей и иных функционально-стилевых разновидностей, нормы отбора и сочетания в них языковых средств» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 39].

К настоящему времени нет общепризнанной классификации функциональных стилей. Приведём следующие классификации функциональных

стилей. О. С. Ахманова выделяет следующие стили: обиходно-бытовой стиль, научный стиль, официально-документальный стиль, публицистический стиль и художественно-беллетристический стиль [Ахманова 2004]. В классификацию О. А. Крылова входят научный стиль, официально-деловой стиль, газетно-публицистический стиль, церковно-религиозный стиль и разговорно-обиходный стиль [Крылова 2008]. М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский выделяют шесть функциональных разновидностей русской речи: научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный, разговорно-обиходный стили [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. Е. Э. Грибанская, Е. В. Коренькова, Н. В. Пушкарева, М. Ю. Сидорова, В. С. Савельев, выделяют пять стилей: официально-деловой, научный, публицистический, художественный и разговорный стили [Грибанская 2017; Коренькова, Пушкарева 2010; Сидорова, Савельев 2008].

Анализируя приведенные выше классификации функциональных стилей, мы видим как их сходство, так и различия. Дело в том, абсолютную границу между различными функциональными стилями провести трудно, т. к. «стили литературного языка, реализуясь в многообразных речевых жанрах, связаны между собой, взаимодействуют друг с другом» [Крылова 2008: 54]. По мнению В. В. Виноградова, «эти стили соотносительны. Они отчасти противопоставлены, но в значительной степени сопоставлены <...> Иногда они находятся в глубоком взаимодействии и даже в смешении» [Виноградов 1963: 6]. Нельзя не согласиться с тем, что «для практического применения языка характерно взаимодействие стилей между собой – это явление называется ‘речевым потоком’» [Трушков 2016: 228]. Кроме того, один и тот же функциональный стиль называется разными учёными по-разному, например, Е. Э. Грибанская, М. Н. Кожина, Е. В. Коренькова, Н. В. Пушкарева, В. С. Савельев, М. Ю. Сидорова называют деловую речь официально-деловым стилем; О. С. Ахманова называет тот же стиль официально-документальным; А. Н. Гвоздев – деловым стилем. Со временем исследователи дополняют классификацию. Так, в нее включается религиозный стиль [Гадомский 2020; Ицкович 2011, 2013; Прохвятилова 1999, 2014].

Выделение публицистического стиля не вызывает возражений, во второй половине двадцатого века публицистический (газетно-публицистический) стиль признан большинством лингвистов [Вакуров 1978; Костомаров 1971; Солганик 2000, 2005, 2014].

Публицистический стиль – один из самых социально значимых функциональных стилей, его изучают многие учёные [см.: Золинова 2005, 2008; Клушина 2003; Костомаров 2019; Купина 2016; Ленкова 2010; Майданова 2006; Сабурова 2005; Солганик 2005, 2014; Сон 2009; Смурьгина 2008; Фёдоров 2006]. Публицистический стиль применяется в сфере общественной жизни, политики и СМИ, его цель – информировать адресатов и воздействовать на их сознание [см.: Грибанская 2017: 126–127; Яковлева 2008: 81–85]. Выделение публицистического стиля «обусловлено существованием политики как формы общественного сознания и соответствующей ей сферой деятельности и общения. Исходя из этого, логичнее было бы именовать ‘публицистический’ стиль ‘политическим’ или ‘политико-идеологическим’. Однако в традиции употребления утвердился термин ‘публицистический’, который мы и используем» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 342]. В наше время большинство учёных признают, что публицистический стиль «обслуживает политико-идеологические, общественно-экономические и культурные отношения. Именно поэтому возросла его значимость в современном мире <...> Он имеет характерный словарь, соотносимый с базовыми темами в СМИ. В нем формируются основные идеологемы, которые тиражируются СМИ и затем “оседают” в массовом сознании [Клушина 2003: 269].

Что касается сферы использования, то следует отметить связь данного стиля с широким набором общественных занятий и интересов, с разнообразными политико-идеологическими и культурными отношениями. По тематике «диапазон публицистического стиля практически неограничен: политика, идеология, философия, экономика, культура, спорт, повседневный быт, текущие события» [СЭС 2006: 312]. Неслучайно публицистику называют «летописью современности» [см.: Шевцова 2016]. Таким образом, «публицистическая сфера напрямую связана

с областью социальных отношений, сегодня ни одно современное общение не в силах нормально функционировать без системы массовой коммуникации» [Чжан 2011: 58].

Наряду с воздействующей также можно выделить такие функции публицистики, как «информационную, просветительскую, воспитательную, организаторскую, аналитико-критическую, гедонистическую (развлекательную)» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 344]. Главные задачи публицистического стиля заключаются в «сообщении новостей и их комментировании, а также в оценке фактов и событий», так что публицистический стиль реализует две главные функции языка – воздействующую и информационную [см.: Крылова 2008: 160; СЭС 2006: 312–313]. Обратимся к этим двум важным функциям.

Информационная функция начинала реализовываться в газетах и постепенно распространялась на радио, телевидение, интернет и т. д. С развитием техники средства коммуникации становятся все более разнообразными, также появляются различные каналы распространения информации [см.: Костомаров 1971: 9]. В советское время газета использовалась как основной канал распространения информации. Бумажные СМИ, по словам Чжана Юэбо, являются «корнем и историческим первичным местом становления и функционирования этого стиля, так как по своей сущности данный вид СМИ старше остальных» [Чжан 2011: 58]. Со временем люди все больше стали получать информацию по радио (радиопублицистика), которое даёт возможность массового использования устной речи, по телевидению (телепублицистика), которое соединяет визуальные и вербальные компоненты передачи информации. Наблюдается рост популярности интернета: все больше и больше людей приветствуют социальные сети, такие как: Twitter, WeChat, Instagram, facebook, WhatsApp, ВКонтакте, подкасты, блоги. Наблюдается «карнавализация языка средств массовой информации, языка Интернета, да и языка повседневного бытового употребления стала привычной» [Бурвикова, Костомаров 2006: 10]. В итоге «электронные СМИ открывают общий доступ к актуальной информации, формируют общемировое информационное поле,

которое обладает колоссальной силой воздействия на общество» [Купина, Матвеева 2013: 232].

Передача информации в публицистике долго осуществлялась в основном монологическим способом. Например, в советский период СМИ декларировали идеологически определённую выдержанную мысль. Модель монологичности предполагает направленное распространение информации в ориентации на фиксированное мышление. В современном обществе диалогичность дополняет монологичность и становится фундаментальным качеством публицистики. Поощряется и развивается интерактивность, например, на социальных платформах передается не только информация от автора и от редакции. Используются зоны комментариев: пользователи могут оставлять собственные комментарии, сообщать своё личное мнение, высказывать симпатии или антипатии, вносить предложения, чтобы обеспечить диалог между речевыми партнерами. Можно даже сказать, что наступила эпоха свободы информации. Каждый может выступать в роли журналиста, выразить собственное, влиять на чужое мнение. Таким образом, в наше время основной тенденцией публицистики стала «замена монолога диалогом» [Купина, Матвеева 2013: 232].

В информационном отношении публицистический стиль имеет отличительные черты. Отметим их в общем виде. Во-первых, содержание информации в публицистике гораздо шире, чем в научных или официально-деловых текстах, т. к. для журналиста представляет интерес любое явление, если оно отвечает требованиям актуальности и новизны или актуальному поводу. Во-вторых, информация является своевременной и эффективной: публицистика характеризуется оперативностью, стремится сообщить свежие новости в кратчайший срок с установкой на обратную связь и востребованность информационных сообщений. По словам О. А. Крыловой, «публицистические тексты, особенно газетные, всегда пишутся 'на злобу дня' и бывают актуальными непродолжительное время» [Крылова 2008: 160]. 3) В-третьих, информация, передаваемая текстами публицистического стиля, популяризируется в ориентации на образ коллективного адресата различными способами. В позиции коллективного

адресата оказываются люди разных возрастов и профессий. Наконец, в-четвертых, информация базируется на реальных фактах жизни, при этом журналист ищет актуальное событие и передает конкретную информацию о нём. Объективность сообщения о событии является принципом информационной журналистики.

Публицистический стиль реализует одновременно не только информативную, но и воздействующую функцию, журналист оказывает влияние на коллективного адресата с помощью определенных изобразительных и выразительных средств. В публицистическом стиле адресант формирует определённую позицию, продвигает её, чтобы люди поняли эту позицию, затем убеждает адресата в её истинности «публицист убеждает путём эмоционального воздействия на читателя/слушателя и при этом в явной форме выражает своё отношение к сообщаемому, стремясь вызвать у аудитории такое же отношение к передаваемой информации» [Крылова 2008: 319]. Точка зрения автора, как правило, не является сугубо индивидуальной, она отражает коллегиальный взгляд сотрудников журнала, газеты, телевизионного канала, официального сайта и др. Исключение составляет собственно авторская публицистика. В целом, «публицистической речи присуща скрытая или открытая оценочность, зависящая от шкалы ценностей автора или издания» [Клушина 2003: 269].

Функция воздействия публицистического стиля в последние годы претерпела некоторые изменения. Сфера и сила воздействия публицистического стиля с развитием интернета продолжают расширяться. Публицистика не ограничивается стремлением к представлению и осмыслению всего происходящего в мире с позиций справедливости и истины, она «представляет собой арену борьбы идей, утверждения власти и противодействия ей, добросовестных заблуждений и обдуманной манипуляции общественным мнением, словом, весь спектр общественных отношений, все позиции, в том числе общественно осуждаемые» [Купина, Матвеева 2013: 233]. Можно сказать, что в настоящее время в публицистическом стиле играет особую роль экспрессивность и прямая оценочность – рациональная и эмоциональная: «никакая информация в публицистике не может передаваться беспристрастно, объективно <...> Все

языковые средства направлены на то, чтобы воздействовать на аудиторию. Регулятивная, воздействующая функция, являясь ведущей в публицистическом стиле, проявляется в речи: эмоциональной, образной, экспрессивной до эпатажа, шока» [Григорьева 2003: 167–180]. Отмечаются также такие особенности публицистического стиля, как призывность, страстность [см.: Грибанская 2017: 128].

На основании доминирования информативной и воздействующей функций выделяют два подстиля: официальный подстиль, содержащий в большей степени информативные смыслы в тексте; и неофициальный подстиль, содержащий больше воздействующих смыслов [см.: Купина, Матвеева 2013: 235].

В трудах по теории функциональной стилистики сформулирован конструктивный принцип публицистики. С учетом того, что публицистика обращается не только к разуму, но и к чувствам адресата, В. Г. Костомаров определяет основной конструктивный принцип публицистического стиля как сочетание стандарта и экспрессии [см.: Костомаров 1971: 90]. Ученый отмечает, что «приёмы создания экспрессивно-стандартного конфликта, оставаясь в общих пределах противопоставления эмоционального и интеллектуального, далеко отходят от «обнаженных» схем параллельного употребления разноокрашенных обозначений одного и того же. Они базируются на «перемене ролей» терминов и иноязычных элементов, выступающих одновременно и информирующей, и эмоционально-воздействующей единицей, причём самый эффект экспрессии возникает от их столкновения с окружающими ловами, с текстом вообще. Этот эффект достигается и введением «неожиданных» разговорных, метафорических и иных средств выражения, ассоциируемых не только с текстом, но и со своими соотносительными или синонимичными параллелями, которые могли бы быть более естественно употреблены в данном тексте» [там же: 132]. Данная точка зрения получила признание [Чжан 2011].

Стандарт – «это устойчивое в своём составе и воспроизводимое в готовом виде языковое средство, которое не вызывает негативного отношения, так как, во-первых, обладает чёткой семантикой и, во-вторых, помогает выразить мысль

быстро и доходчиво, экономя время, что существенно при наличии той цели, которую преследует общение в данной сфере» [Крылова 2008: 173]. Публицистика обращена к массовому адресату. Использование стандарта помогает адресанту быстро и доходчиво распространять информацию, поэтому стандартизованность публицистического стиля оправданна. В этой связи Л. В. Щерба отмечал, что «наш литературный язык часто заставляет нас отливать наши мысли в формы, им заранее заготовленные» [Щерба 1957: 113]. Таким образом, стандарт является основным свойством газетно-публицистического стиля, он имеет целью «создание ёмких, коммуникативно-целесообразных, готовых речевых формул для разнообразных сфер и целей общения» [Прохватилова, Чубай 2011: 37].

Стандарт реализуется в публицистике за счет использования шаблонов, клише, языковых формул [там же: 37], устойчивых высказываний, имеющих публицистическую окраску [Крылова 2008: 174].

Экспрессивность – «свойство языковых и речевых единиц выражать эмоционально-оценочное состояние автора и его небезразличное отношение к означаемому, речевому партнеру, коммуникативному событию в целом, себе самому» [Матвеева 2003: 404]. В публицистических текстах экспрессия «превалирует тогда, когда основная цель – не только и не столько передача информации, сколько возбуждение определённого отношения к ней, стремление к эмоциональному, воздействующему эффекту» [Крылова 2008: 170]. Однако стоит упомянуть, что при этом воздействие может иметь не только положительную направленность, но и отрицательную, ибо все зависит от темы и замысла адресанта. В целом экспрессивность – примета публицистики, и это становится критерием различия между публицистическим стилем и книжными стилями [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 342–348].

Способы реализации экспрессивности в публицистике разнообразны, О. А. Крылова описывает языковые средства, выполняющие функцию экспрессии: 1) слова с «чуждой» функционально-стилевой окраской, например, сочетание книжных слов с жаргонными и просторечными; 2) тропы и риторические фигуры речи, например: метафора, перифраз, синекдоха, гипербола и др.; 3) использование

словосочетаний с необычным лексическим наполнением, например: *ненависть длиною в год* (сравнить: *дорога длиною в 100 километров*); 4) броский и привлекательный заголовок, заинтриговывающий адресата, например: *Без вины виноватый? В «стойло» не вернулся*; 5) использование специализированных синтаксических средств, например: повторы, риторические вопросы, предложения с инверсией и др.; 6) использование прецедентных текстов [см.: Крылова 2008: 171–173].

В языковом аспекте, конструктивный принцип публицистического стиля рассматривается с точки зрения отбора и сочетания средств языка. На лексическом уровне это «использование общественно-политической лексики; употребление слов в переносном значении; употребление экспрессивно и эмоционально окрашенной лексики; использование газетно-публицистической фразеологии» [Грибанская 2017: 127].

В публицистических текстах также используются определенные средства словообразовательной системы: «В области словообразования газетно-публицистический стиль характеризуется продуктивностью префиксов иноязычного происхождения: *нео-, анти-, а-, про-, контр-, квази-, ультра-, пост-* и т.д.»; «широко представлены суффиксальные образования в сфере существительных со значением лица по профессии, роду занятий, а также по принадлежности к какой-либо партии, организации, общественному движению»; «очень широко используется словообразовательная модель: основа имени + аффикс *-изация* = производное существительное со значением процесса: *капитализация*»; «активизировалось словосложение, при котором широко используются основы иноязычного происхождения: *нарко-, меле-, видео, аудио-, мини, макси-, шоу-* и т.д.» [Крылова 2008: 165–166]. В публицистике активно употребляется суффикс *-нича(ть)* в оценочных глаголах, событийно-понятийные словосочетание, словосложение, аббревиация и наречные префиксально-суффиксальные образования [см.: Васильева 1982: 31–82].

Морфологические приметы публицистического стиля – это «преобладание глаголов над существительными; употребление разговорных и просторечных

грамматических форм» [Грибанская 2017: 127]; использование формы родительного падежа; очень высокая частотность использования формы третьего лица [Крылова 2008: 167].

Синтаксис публицистического стиля также обладает рядом особенностей, отличающих его от других стилей: «распространённость экспрессивных синтаксических конструкций; частотность конструкций с обособлением (причастные, деепричастные обороты), инверсия, парцелляция» [Грибанская 2017: 127]; активное использование вопросительных и восклицательных конструкций; в целях создания экспрессии нередко используются конструкции с разговорной окраской: повторы, эллиптированные конструкции, бессоюзные сложные предложения, фразеологизированные выражения, представляющие собой неполную реализацию структуры простого предложения [см.: Крылова 2008: 168–170].

В логико-речевом отношении публицистика представляет собой «сложную иерархическую структуру, в которой совмещаются два плана выражения лингвистических стратегий и тактик убеждения: эксплицитный – открытое убеждение, влияющее на разум читателя, и имплицитный, подтекстовый, оказывающий непосредственное влияние на подсознание адресата» [Клушина 2008: 44]. При этом в газетно-публицистическом стиле речи оценочность бывает не только открытой, но и скрытой: «примерами открытой оценки могут быть прагмемы и знаки-функции, то есть прямое употребление слов-символов оценки – хорошо и плохо с их синонимами <...> Скрытая оценка может быть имплицитной, т.е. заложенной в значение слова, и эксплицитной, присущей не конкретному слову, а его употреблению» [Сухомлинова, Синепупова 2010: 223]. Имплицитная оценочность передается с помощью метафор, эвфемистических замен, окказионализмов. Выделяются виды эксплицитной оценочности: контекст, квазисинонимическая ситуация и квазицитата [там же: 223].

Таким образом, публицистический стиль обладает двумя главными функциями, это информативность и воздействие, на основе которых и реализуется основной принцип данного стиля – сочетание стандарта и экспрессии.

1.2. Жанровые особенности очерка

Прежде всего обратимся к понятию «жанр», которое заимствовано из французского языка в XIX в. Французское *genre* восходит к латинскому *genus, generis*, т. е. «род, порода, способ, манера» [Универсальный словарь русского языка 2011: 714]. В академическом «Толковом словаре русского языка» лексема *жанр* имеет три значения «1. Род произведений в пределах какого-н. искусства, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными, стилистическими признаками (искус.). 2. Живопись на бытовые сюжеты. 3. Манера, стиль» [Толковый словарь русского языка 2000, т. 1: 845–846]. Для нас важным является первое значение.

Жанр обладает определёнными константными и доминантными признаками [см.: Краковяк 2006: 93] и определяется на основании устойчивости проявления тематического, композиционного и стилистического принципов [см.: Бахтин 1972: 121 – 122].

Филология пользуется различными определениями жанра. Так, в литературоведении утверждается, что «жанр – конвенция, соглашение о значении и согласовании сигналов. Система должна быть ясна и автору, и читателю. Поэтому автор часто сообщает в начале произведения, что оно роман, драма, комедия, элегия или послание. Он как бы указывает способ слушания вещи, способ восприятия структуры произведения» [Шкловский 1967: 220]. В журналистике принята точка зрения, что «тексты, которые обладают схожими качествами, можно объединить в отдельные группы <...> более верным будет то объединение, которое основывается на сходстве сущностных (но не второстепенных) признаков публикаций, включаемых в какую-то устойчивую группу. Уже после того, как определены объединяющий признак (или признаки), его называют «жанровым признаком», а группу объединённых им публикаций – «жанром» [Тертычный 2002: 3–4].

В нашей работе мы принимаем следующее определение жанра – это «тип текстов (высказываний), отражающий исторически сложившуюся устойчивую

модель духовной деятельности людей. Жанр несёт в себе общие черты существующих и ещё не созданных речевых произведений, это обобщённый речемыслительный конструкт и образ высказывания (текста), входящий в состав речевой компетенции носителей языка» [Матвеева 2010: 99].

Современное медиапространство отличается разнообразием жанровых форм: функционируют как уже устоявшиеся, классические жанры (заметка, статья, интервью и др.), так и новые, возникновение которых обусловлено процессами дигитализации (лонгрид, тревел и др.) [см.: Клушина 2008]. На этом фоне особый научный интерес представляет вопрос развития жанров.

Проблема становления жанра очерка, теоретического осмысления его специфических особенностей является предметом пристального внимания учёных-филологов на протяжении длительного времени. Особенно остро стоит вопрос отнесения жанра очерка к определённому стилю. Отмечая фактологичность, документальность текстов очерка, некоторые ученые, тем не менее, относят жанр очерка к художественному пространству. Так, А. Репонь определяет очерк как прозаический жанр и подчеркивает разницу между очерком и рассказом. Активное существование жанра очерка в период второй половины XIX века объясняется двумя фактами: «во-первых, стремлением литературы к объективности и документальности, сближением искусства и науки; во-вторых, изменением жанровой системы литературы, поиском новых, не ограниченных жанровыми канонами литературных форм, отражающих изменяющуюся реальность пореформенного периода» [Репонь 2021: 30].

Кроме этого, существует другое мнение. О. Н. Григорьева перечисляет пять жанровых типов публицистического стиля: газетные жанры – очерк, репортаж, статья, фельетон; телевизионные жанры – аналитическая программа, информационное сообщение, интервью, диалог в прямом эфире; ораторские жанры – выступление на митинге, публичные выступления политиков, лозунги, тосты, дебаты; коммуникативные жанры – пресс-конференция, саммит, встреча «без галстука»; рекламные жанры – рекламный очерк, рекламное объявление [см.: Григорьева 2003: 167–180]. При этом очерк, принадлежащий газетному жанру,

относится к публицистическому стилю и считается одним из ведущих жанров публицистики.

Ряд исследователей сходится в том, что очерк находится в зоне пересечения художественного и публицистического стилей. В очерке писатель ставит своей целью раскрыть смысл конкретного факта, явления, можно сказать, что очерку свойственна публицистичность. Однако Г. Ленобль, В. Канторович считают, что очерк должен быть включён не только в число публицистических жанров, но и художественных, подчёркивают своеобразие художественности в очерке, определяют очерк как высокое искусство [см.: Ленобль, Канторович 1958: 202–213]. Соглашаясь с ними, К. А. Панцеров полагает, что «очерк пребывает как бы в двойной методологической соотнесённости: с одной стороны, ему близки формальные императивы художественной литературы, а с другой – журналистики» [Панцеров 2004: 12]. В связи с этим, очерк – это слияние многих достоинств: «злободневности, прямого отклика на событие, горячей эмоциональности, личного переживания и великолепного мастерства словесно-художественной формы» [Краснов 2006: 5]. Именно в этом заключается специфика очеркового письма. О. Н. Хайруллина, анализируя очерки о российском Дальнем Востоке, выделяют тематическую и жанрово-стилевую характеристику очерков второй половины XIX века. Ученый рассматривает особенности развития очерка в документальном и художественном аспектах; содержание очерка – фактическая достоверность; значительная тема очерка – философско-этические проблемы, социальные проблемы, природа в соответствии с эстетическими задачами; жанрово-стилевая особенность – использование традиций и сюжетно-композиционных приемов других жанров (литературного путешествия, сказа, диалога), а также создание целостной, эстетически завершенной картины мира [см.: Хайруллина 2001].

В современной российской гуманитарной науке существуют разные мнения о происхождении названия *очерк*, одно из них заключается в том, что термин *очерк* впервые использовал А. М. Горький [см.: Тертычный 2017]. К. А. Панцеров представляет генезис и эволюцию очерка, прослеживает основные этапы его становления и развития в хронологическом порядке: 1) с XVIII по XIX век очерк

примыкает к путешествию, которое определяется в словаре так: «литературный жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах» [ЛЭС 2 1987: 314]. С развитием литературы путешествия, путешественник не только описывает подробности увиденного и услышанного, но и высказывает свои впечатления. С этого момента можно говорить о появлении жанра очерка в русской литературе. 2) В советское время в качестве «боевого жанра» очерк сделался орудием партии и взял на себя роль пропагандирования, можно сказать, в данный период очерк появляется как социокультурный феномен, и существует как жанр газетно-журнальной публицистики [см.: Панцеров 2004: 8–11]. Очерк как жанр активно развивается в XX веке, становится многогранным по содержанию. Очерки пишут многие выдающиеся писатели: А. А. Бек, Г. Н. Бочаров, А. М. Горький, М. Е. Кольцов, Б. Н. Полевой. Во время Великой Отечественной войны в газетный оборот входят военно-патриотические очерки.

Очерк называют «королем» художественно-публицистических жанров. Он является самым сложным жанром и в плане содержания, и в плане композиции. Создание хорошего очерка требует от автора разнообразных умений: найти актуальную тему; собрать показательный материал; провести анализ источников; осмыслить и переосмыслить информацию и передать ее в форме очерка; отобразить действительность и привлечь внимание читателей [см.: Ампилов 1972]. В связи с этим, композиция очерка может быть самой разной: «они могут состоять из эпизодов, изображающих встречи, разговоры, взаимоотношения персонажей, связанные лишь внешней причинно-временной последовательностью; из описаний условий и обстоятельств жизни общества и природы; из рассуждений о них» [БСЭ 1969–1986 <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/086/002.htm> – дата доступа 12.08.2022]. Очерк обычно сочетает в себе разные функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение. Сегодня жанр очерка – развивающееся явление, он претерпевает трансформацию «как с точки зрения

стилистики жанра, так и в дидактическом отношении» [Арзуманиян 2008: 4], что открывает большие возможности в использование выразительных средств.

Исследователи обращают внимание на разновидности очерка в зависимости от времени и места их создания. Так, А. А. Федотова анализирует исторический очерк Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» (1982). Ученый концентрируется на своеобразии и организации трансформации повествования, исследует характер нарративного дискурса и считает, что «модификация модальности текстообразования влечет за собой изменения в фигурах автора и читателя очерка» [Федотова 2014: 169]. Е. В. Гузанова анализирует мордовские очерки разных периодов (1920–2013), определяет этапы формирования, развития, революции и трансформации мордовского очерка, а также его хронологическую систематизацию. Ученый отмечает национальное своеобразие жанра очерка как динамично развивающегося явления, фиксирует его роль в духовном росте этнической культуры [см.: Гузанова 2013: 10].

Особое внимание исследователи уделяют субжанру путевого очерка, рассматривая его в качестве культурного феномена, изучая специфику его генезиса и эволюционирования, выделяя содержательно-формальные характеристики путевого очерка как жанра художественной публицистики [см.: Панцеров 2004: 6]. Л. И. Миночкина обращает внимание на путевые очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка для детей, в них описывается жизнь «маленьких героев-детей разных национальностей, нарисованных с большой теплотой и любовью» [Миночкина 1997: 54]. Исследователь обращает внимание, что Д. Н. Мамин-Сибиряк изображает в очерках национальные черты русского характера – добродушие, застенчивость. Н. В. Зотов проанализировал два путевых очерка из газеты «Нижегородские губернские ведомости», «Из путевых экскурсий» и «В верховьях Волги». Автор суммировал специфику нижегородских путевых очерков, написанных в конце XIX века: стилевые особенности научной речи сочетаются с публицистическими и художественными чертами; проявляется синкретическая природа очерка; для того чтобы создать оригинальный путевой очерк, очеркист часто описывает противоречивые, сложные, неординарные

явления с помощью разных приёмов; в путевых очерках конца XIX века очеркист в целях создания изобразительности часто использует художественность, а стилиевой облик публицистического текста сближается с художественным [см.: Зотов 2018: 338–345].

Очерк как жанр изучается на примере творчества известных писателей, чьи тексты можно считать образцовыми, что позволяет выявить жанрообразующие черты очерка. Анализируя творчество А. М. Горького 20-30-х годов XX века, А. С. Дзюба стремится выявить как сюжетно-композиционные особенности жанра очерка, так и средства выразительности, отражающие индивидуальный стиль писателя, отмечая, что «очерковые формы в творчестве Горького в силу своей специфики являются стимулирующими, формирующими и конвергенцию, и синтез на различных уровнях художественно-документального целого» [Дзюба 2013: 5]. Е. С. Серебровская в текстах, посвященных биографии Л. Н. Толстого, выделяет некоторые структурные и содержательные характеристики портретного очерка [см.: Серебровская 1961: 497–518].

Китайский исследователь Мэн Анру полагает, что очерк – это особый жанр, который нельзя полностью отнести ни к публицистическому, ни к художественному стилю. Очерк нельзя отнести к публицистическому стилю, так как в публицистике основное внимание уделяется описанию конкретного события, а не описанию персонажей и нередко реализуется «описание людей на основе события». В очерке же часто осуществляется «описание события на основе людей», то есть события только отражают фон задачи, а в центре внимания автора находятся взаимоотношения, противоречия и столкновения между людьми. Кроме того, в очерке автор уделяет большое внимание деталям и использует приемы художественной выразительности. Обнаруживается много общего между очерком и художественной литературой в использовании изобразительно-выразительных средств. Очерк нельзя полностью отнести к художественному стилю, так как очеркист должен строго придерживаться принципа подлинности, а его содержание не должно быть ложным; в художественной же литературе используется принцип условности, а авторское воображение расширяет границы реальности

[см.: Мэн Анру 2018: 2–3]. Лингвист Мао Дунь также определяет очерк как особый жанр, находящийся между публицистикой и художественной литературой. Публицистический стиль требует достоверной информации, художественный стиль предполагает образность и лиричность речи [см.: Мао Дунь 1980: 6–7].

В русистике очерк определяется как «художественно-публицистический жанр, в котором соединяется документализм (опора на реальные жизненные факты), аналитизм (исследовательское начало) и художественная форма текста» [Матвеева 2003: 214–215]. А. А. Тертычный отмечает, что очерки соединяют в себе «документально-фактологическое и художественное начала в самых разных их пропорциях» [Тертычный 2017: 251].

Итак, очерк определяется как «жанр художественной публицистики, предназначенный для исследования социально значимых личностей и явлений путем создания журналистом их документального образа» [Гордеев 2015: 117]. Современный очерк – «многоуровневая жанровая система, представляющая собой совокупность разнообразных жанровых моделей, которые тяготеют к сближению с другими жанрами, прежде всего с эссе и аналитической периодикой» [Скибицкая 2014: 306].

По мере того, как развивается очерк, все больше ученых обращаются к классификации жанров, высказывая при этом разные мнения. В. Я. Конторович выделяет три жанровых типа очерка: проблемный очерк, портретный очерк, нравственный очерк [см.: Конторович 1962]. М. С. Черепанов – четыре жанровых типа очерка: портретный, событийный, путевой и очерк-зарисовка [Черепанов 1966]. А. Репонь, Н. Дровалёва выделяют четыре типа: портретный, проблемный, путевой, исторический очерк [см.: Репонь 2021: 26–27; Дровалёва 2018]. Г. В. Колосов делит очерки на пять типов: публицистический, сюжетный, портретный, зарисовка/этюда, путевой [см.: Колосов 1997]. Различаются также очерки художественно-изобразительные (путевой, эссе, зарисовка), художественно-публицистические (портретный), исследовательские (проблемный, исследовательский, публицистический) [см.: Ким 2011]. А. А. Тертычный, С. К. Жусуева, Б. К. Укуева считают, что, в зависимости от предмета внимания,

выделяются следующие субжанры очерка: портретный, проблемный и путевой [Тертычный 2017: 249–268; Укуева, Жусуева 2016: 138–141]. Для нашего исследования важна последняя точка зрения, остановимся на ней подробнее.

Портретный очерк (очерк о человеке). Герой такого текста – реальное лицо. Предметом портретного очерка является личность героя, и очеркист стремится в первую очередь продемонстрировать смысл его существования [см.: Беневоленская 1983]. Портретный очерк «требуется поиска внутренней драматургии характера, акцента на переломных периодах жизни персонажа, многостороннего анализа его личности, мастерства детали и художественного описания» [Матвеева 2003: 215]. «Герой очерка становится интересным в свете его общественной известности, определенной жизненным успехом в творчестве или карьере» [Кручевская 2010: 167]. Иногда автор рассказывает малоизвестные интересные и трудные периоды жизни героя, подробно описывает, как он преодолевает трудности, какие меры и действия он принимает. Это делается для того, чтобы продемонстрировать характер героя в качестве образца для читателя [Тертычный 2017: 261].

Для портретного очерка самое главное – это обнаружить нетривиальную ситуацию на жизненном пути героя. Если автору не удастся найти такой «участок», то ему трудно создать интересный очерк и привлечь читателей. Очеркист подробно излагает, с какими неординарными трудностями сталкивается герой, какие противоречия возникли между персонажами, как герой пережил кризис и тому подобное. Именно здесь, на основе повествования очеркиста мы можем раскрыть конкретные характеристики героя, например, его талант, трудолюбие, оптимизм, упорство. Подчеркнем также аналитизм жанра. «Настоящий портретный очерк возникает в результате художественного анализа личности героя, опирающегося на исследование разных её сторон (нравственной, интеллектуальной, творческой и пр.), т. е. в результате выявления характера героя» [Тертычный 2017: 262].

В очерках о человеке большинство героев являются известными людьми, например: экономист, политический лидер, лётчик и другие деятели [см.: Тертычный 2017: 262]. Но существует и противоположная позиция. Так,

Е. В. Зеленина считает, что с 1990-х гг. в портретных очерках наметилась «тенденция к возрождению интереса к рядовому гражданину» [Зеленина 2014: 48].

Проблемный очерк. Предметом такого типа очерка выступает некая проблемная ситуация. Другими словами, в проблемном очерке основная задача очеркиста – публицистическое освещение проблемы. Нередко проблемный очерк освещает сложную, неоднозначную ситуацию в ее развитии. Параллельно «журналист уделяет внимание её причинам и прогнозирует следствия, выявляет суть конфликта и обсуждает пути его преодоления, ставит данную ситуацию в более широкий контекст, сопоставляет её с однотипными или противоположными ситуациями, т.е. анализирует проблему, проявившуюся в определённой жизненной коллизии» [Матвеева 2003: 215–216]. Со структурной точки зрения, проблемный очерк обнаруживает сходство с таким жанром, как статья. Как и в статье, в проблемном очерке внимание очеркиста сосредоточено на причинах возникновения проблемной ситуации, ее следствиях и возможных путях решения [см.: Тертычный 2017: 265].

Проблема воспроизводится в очерке как преграда, часто проявляется с помощью конфликтов или столкновения интересов людей. Очеркист обычно начинает с освещения поверхностной деятельности, затем исследует глубокое противоречие и суть конфликта, пытается преодолеть возникшую преграду (проблему). Анализ и сопоставление проблемной ситуации, острых вопросов требует специальных знаний в данной сфере, поэтому «написать проблемный очерк, не разбираясь в той сфере деятельности, которая в нём затрагивается, невозможно» [там же: 266].

Путевой очерк сформировался в XIX веке. Это самая ранняя форма данного текстотипа, ознаменовавшая собой становление журналистики. Н. М. Маслова предполагает, что сначала в художественной литературе появились тексты, описывающие незабываемые приключения во время путешествий и отображающие нестандартную деятельность, затем эти групповые тексты сформировались в путевые очерки [см.: Маслова 1977: 5–27].

Путевой очерк долгое время был популярным жанром русской литературы, который лег в основу крупных произведений. А. Н. Радищеву принадлежит «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.); А. А. Бестужеву «Поездка в Ревель» (1821 г.); А. С. Пушкину «Путешествие в Арзрум» (1829 г.); И. А. Гончарову «Фрегат “Паллада”» (1858 г.); А. П. Чехову «Остров Сахалин» (1895 г.). В советский период также появилась группа выдающихся очеркистов: И. А. Ильф, В. М. Песков, Е. П. Петров, М. А. Шагинян, и другие.

Путевой очерк – это рассказ автора о путешествии, об увиденном и услышанном. Он представляет собой описание мест, событий и встреч во время поездки и путешествия. Разумеется, в хорошем очерке журналист не только перечисляет увиденное в течение своей поездки, он всегда отбирает самые интересные и важные события, основанные на замысле. Замысел журналиста обычно возникает задолго до творческого путешествия, но не исключено, в ходе подготовки путевого очерка он будет скорректирован и изменен [см.: Тertyчный 2017: 267].

Путевые очерки стремятся к разным целям. Так, очеркист может показать, как решается одна актуальная проблема в разных районах на маршруте путешествия (например, как государство решает экологическую проблему); подробно описать своеобразные обычаи и нравы мест; он может излагать свои впечатления от интересных встреч (например, встречи с ветеранами, рыбаками, охотниками). В связи с разнообразными интенциями автора появляются путевые очерки с различным результатом воздействия. Очеркист должен «уметь использовать те преимущества, которые предоставляет ему путевой очерк. И прежде всего – сам факт своего перемещения «во времени и пространстве», с тем чтобы придать очерку динамичную форму, чтобы позволить читателю почувствовать все напряжение и «прелести» путешествия и сделать его тем самым «соучастником» своей командировки, своего поиска» [там же: 268].

Согласно мнению К. А. Панцерева, на тематическом основании путевой очерк можно подразделить на несколько видов: очерки зарубежной жизни (в середине XVIII в.) и очерки русской жизни (в XIX веке); очерки о проблеме

русского крестьянства (во второй половине XIX века), очерки о промышленности, очерки о социалистическом строительстве (в советское время); в географическом плане: тема Сибири, тема острова Сахалин, тема Англии, тема Парижа, тема Армении [см.: Панцерев 2004: 16]. Ученый также обнаруживает, что в путевых очерках нередко используются художественные приёмы, которые следует подразделить на описательно-выразительные средства (пейзаж, художественная деталь, диалог, портретная характеристика) и языковые (эпитет, метафора, метонимия, гипербола, литота) [там же: 14–15]. Однако стоит отметить, что «современному очерку чаще всего свойственна документальная насыщенность, обычно в ущерб художественности» [там же: 16]. Рассматривая путевой очерк в контексте современных социокультурных отношений, К. А. Панцерев суммирует следующие определяющие признаки: тематическая связность, ситуативная обусловленность, динамичность, социальная ориентация, неоднородная структурированность [там же: 17].

В течение десятилетий очерк, остававшийся одним из самых востребованных читателями жанров, трансформируясь, постепенно исчезает из пространства современной публицистики, которая стремится ко все более динамичной и оперативной манере изложения. В этой связи актуально обращение к образцовым текстам, позволяющее установить характерологические черты, свойственные жанру очерка, на основе чего можно совершенствовать обучение журналистов.

Василий Михайлович Песков (1930 – 2013) – это один из самых выдающихся очеркистов современной России, известный советский фотокорреспондент, путешественник, писатель, журналист и ведущий рубрики «Окно в природу» в газете «Комсомольская правда». Он работал ведущим телепрограммы «В мире животных», которая была очень популярна в советское время. С 1956 года стал очеркистом в газете «Комсомольская правда». В 1960 году вышла его первая книга «В соболином краю». В 1964 году В. М. Песков получил «Ленинскую премию» за книгу очерков «Шаги по росе», которая принесла ему широкую популярность. В. М. Песков побывал во многих странах и регионах (в Сомали, во Вьетнаме, в Антарктике, на Камчатке и Волге). Его очерки (всего 1361) с восторгом были

приняты читателями и не устаревают по сей день. Собрание сочинений В. М. Пескова включает 23 тома.

Очерки В. М. Пескова являются важным материалом для научных исследований в сфере гуманитаристики, а среди очерков советского периода они по праву занимают особое место. Многие исследователи рассматривают его творчество как особый феномен культуры: многогранный материал, обработанный Песковым, даёт возможность изучения его в разных аспектах [Бушков 2015; Гукасова 2018; Куроедова 2010; Малышев 2014; Останина, Чутчева 2014]. Стоит также отметить ряд исследований, посвященных личности В. М. Пескова, его профессиональным и личностным качествам [см.: Будаков 2020; Вязовой 2020; Кашкин 2020; Тулупов 2020]. Отмечен высокий воспитательный потенциал очерков В. М. Пескова, необходимость использовать его тексты в педагогическом процессе [Андропова 2020; Кустова 2020; Овчаренко 2020; Пономарева 2020; Проскурина, Проскурин 2020; Сушкова 2020].

Филологи изучают особенности идиостиля автора, стремятся выделить специфику индивидуально-речевой манера очеркиста. Так, отличительным признаком индивидуальной манеры В. М. Пескова являются особенности в использовании поэтического синтаксиса: «лаконизм синтаксических конструкций таких стилистических фигур как анафора, антитеза, градация, период сочетается с ёмкостью лексического наполнения, что придаёт его высказываниям особую выразительность, основанную в большинстве случаев на наглядности, образности и метафоричности» [Куроедова 2015: 171]. М. А. Куроедова также отмечает, что В. М. Песков часто выражает эмоционально-эстетические интенции с помощью неполных разговорных синтаксических конструкций, такие как, «усечённые конструкции, сегментированные конструкции, парцелляция и эллипсис» [Куроедова 2010: 155–156]. Анализируя цикл очерков В. М. Пескова «Любовь – Камчатка», А. А. Малышев уделяет особое внимание лексико-семантическим средствам, способствующим передаче звуков окружающего мира, и выделяет две основные группы звуков: звуки по отношению к природе и звуки по отношению к деятельности человека. Подчеркивается, что «лексическое

разнообразие обозначения звуков в «Камчатских» очерках В. М. Пескова несомненно свидетельствует о большой стилистической работе, сопровождавшей создание этого очеркового цикла» [Малышев 2014: 142–145].

Е. А. Щеглова, анализируя цикл путевых очерков В. М. Пескова «Путешествие с молодым месяцем», отмечает следующие стилистические особенности: в очерках В. М. Пескова можно выделить вербальный компонент (текст очерка, подпись к фотографии) и визуальный компонент (фотография). Они параллельно передают информацию читателям и в то же время тесно связаны и дополняют друг друга. «Характер взаимодействия культурных кодов, филигранность в совмещении их смыслов» [Щеглова 2017: 9] рождает многослойность образа.

Специальным объектом анализа послужил цикл очерков В. М. Пескова «Таёжный тупик». Исследуются способы конструирования сравнений, выступающих как средства выразительности в портретных очерках и служащих для описания внешней и внутренней характеристики персонажа. С их помощью В. М. Песков создает портрет персонажа, а также передаёт его внутреннее эмоциональное состояние и переживания. Сравнения играют важную роль в текстах В. М. Пескова, они делают текст ярким, живым и выразительным, «выполняют самые разные функции, помогая автору высказать основные смысловые моменты, показать предмет речи с разных сторон, что весьма важно для такого публицистического жанра, как очерк» [Юзифович 2015: 271].

Особое внимание исследователи уделяют философским аспектам творчества В. М. Пескова. Идея единения человека и природы – ядерная для очеркиста: «человек не может обособиться от всей природы, от природного мира в целом. Созидательное отношение человека к природе выражается в том, что человек не берёт из природы безвозвратно, а сам обогащает природу» [Гукасова 2018: 12].

М. А. Куроедова подробно анализирует базовую ценность «радость» в философском, эстетическом и особенно нравственном аспектах в очерках В. М. Пескова [см.: Куроедова 2005: 1–15]. Сам очеркист особо выделял

значимость этого концепта в своем творчестве: «Всякое проявление жизни дает ощущение радости бытия» (газета «Комсомольская правда». 2000. 4 февраля).

Р. А. Бушков проанализировал Сернурские очерки В. М. Пескова «Молитвенный лес» и «К мельнику, на блины». Отмечается, что В. М. Песков уделяет особое внимание тесному взаимоотношению природы и человека; подчёркивает состояние людей, живущих здесь: они всегда работают с радостью, отличаются оптимизмом и позитивным отношением к жизни; эти два очерка сделали Сернур знаменитым на всю Россию, привлекли писателей и журналистов к изучению этого края [см.: Бушков 2015: 97–102].

Е. В. Останина, А. В. Чутчева исследуя очерки В. М. Пескова, созданные в период с 2003 по 2013 г., обнаруживают следующие специфику: «акцент на позитивных сторонах жизни общества, стремление ориентировать читателя на оптимистичное восприятие окружающей действительности» [Останина, Чутчева 2014: 211]. При этом в проанализированных очерках В. М. Пескова сочетаются научный и художественный принципы изображения действительности.

Лингвисты отмечают страноведческую направленность текстов В. М. Пескова. Адресность, доказательность, высокая эмоциональность, образность, образовательный эффект и достоверность – отличительные черты очерков [см.: Федотов 2020: 28–32].

Говоря о тематическом разнообразии очерков В. М. Пескова, исследователи выделяют две ключевых темы, вокруг которых сосредоточено внимание автора: природа [см.: Валуйская 2020] и человек [см.: Капитан 2020]. Так, Л. А. Межова, А. М. Луговской уделяют внимание живописным ландшафтам и географическим особенностям Аляски в очерках В. М. Пескова [см.: Межова, Луговской 2020: 269 – 275]. А. В. Телегина обращает внимание на то, как очеркист ярко описывает национальные парки и другие охраняемые природные территории США: Йосемитский, Гранд-Каньон, Глейшер, Секвойя [см.: Телегина 2020: 275–280]. Е. В. Андропова обнаруживает типичный ход, используемый В. М. Песковым при описании природы: создание картины природы «в красках, в звуках, в запахах» [Андропова 2020: 35].

Наряду с природой, В. М. Песков ставит в центр своих текстов человека, как известного, так и обычного, рядового. Так, А. И. Зарытовская отмечает, что в произведениях В. М. Песков изображены легендарные полководцы – Г. К. Жуков и А. М. Василевский, другие защитники Родины во время войны, но также уединённая семья Лыковых и их необыкновенный образ жизни и обычаи [см.: Зарытовская 2020: 59–64]. Г. Х. Кадырова анализирует очерк «Таёжный тупик» в современном контексте журналистского сторителлинга и выделяет его характерные структурно-содержательные особенности и культурно-образовательный потенциал, причём отмечает, что «в контексте современного сторителлинга данная история становится своеобразным эталоном персонифицированных медиатекстов, посвящённых судьбе человека» [Кадырова 2020: 73–78].

Таким образом, многие исследователи обращаются к очеркам В. М. Пескова, отмечают их своеобразие в разных аспектах. Очерки В. М. Пескова отличаются спецификой структуры, содержания, способов выражения авторской интенции. Они безусловно входят в число образцов жанра.

Анализ текстового материала позволил нам скорректировать принятую классификацию видов очерка [см.: Тертычный 2017] применительно к творчеству В. М. Пескова. Проблемный очерк в творчестве В. М. Пескова представлен минимальным количеством текстов, автор постоянно стремится представить читателю оптимистический, позитивный взгляд на действительность [см.: Куроедова 2005]. Мы делаем вывод о нетипичности для творчества журналиста этого субжанра. Путевой же очерк, несомненно, важен в творчестве В. М. Пескова, как и портретные очерки. Эти жанровые разновидности составляют существенный объём в творчестве журналиста.

Таким образом, в план анализа мы включаем субжанры, наиболее характерные для творчества В. М. Пескова: портретные очерки и очерки о природе. Особняком стоит субжанр путевого очерка. Взаимоотношения между этими субжанрами – сложный вопрос, на который мы постараемся ответить в нашей работе. Предполагаем, что путевой очерк – основной в этой триаде, в сущности –

протожанр, включающий в себя и описания природы, и характеристику человека. В зависимости от целеполагания автора путевой очерк трансформируется в очерк о человеке или в очерк о природе.

Наша гипотеза заключается в том, что каждый вид очерка имеет свои особенности экспликации текстовых категорий в их взаимосвязях, что и позволяет считать их субжанрами. Категориально-текстовый анализ, подтверждающий гипотезу о данных субжанрах, будет предложен в последующих аналитических главах исследования.

1.3. Текст и текстовые категории

Функциональный стиль воплощается в жанрах, понимаемых как вид текстов определенного рода. Проблема доказательного отнесения текста к жанру, а следовательно, к определенному стилю, решается посредством выявления типологических черт текста, то есть категорий, и их взаимосвязи. Обратимся к проблеме изучения текста и текстовых категорий в лингвистике.

Тенденция к изучению функций языка мотивирует исследовательский интерес к коммуникативным единицам более высокого уровня, чем предложение, т.е. текстам.

Своеобразие жанровых особенностей вообще и очерка в частности определяется на основе анализа конкретных текстов. Текст – одно из ключевых понятий гуманитарного знания 20-го века, «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин 1979: 306]. При этом текст начинает активно изучаться целым рядом дисциплин: поэтикой, риторикой, прагматикой, семиотикой, герменевтикой, философией и др. [см.: Го Мин 2010: 1]. «Теория текста сложилась как научная дисциплина во второй половине XX в. на пересечении ряда наук – информатики, психологии, лингвистики, прагматики, семиотики, герменевтики, книговедения, социологии» [Валгина 2003: 7–8].

Выдвижение текста в качестве главного объекта гуманитарного знания в целом обусловлено вниманием к личности человека, идеей антропоцентризма.

Антропоцентризм же связан с идеей диалогизации – формы коммуникативного взаимодействия: «Мое слово останется в продолжающемся диалоге, где оно будет услышано, отвечено, переосмыслено» [Бахтин 1975: 5]. Актуальными в области гуманитарных наук стали проблемы изучения воздействия текста на адресата и взаимодействия коммуникантов. Поскольку общение (воздействие и взаимодействие) происходит на текстовой основе, именно текст выдвигается на роль основного объекта филологического исследования, становится ключевым понятием в новой научной лингвистической парадигме [см.: Brinker 1988; Graesser 1997; Heinemann 1982; Болотнова 2001, 2010; Ицкович 2015, 2021; Мишланов 2019; Откупщикова 1982; Трунова 2019].

Лингвистика текста, относительно молодая самостоятельная дисциплина, изучает текстовую структуру, текстовые категории, разрабатывает метод конструирования текста, технологию его создания [см.: Филиппов 2003]. В 1968 году Р. Hartman признал лингвистику текста разделом общей лингвистики и предложил разделить ее на три сферы: 1) общая лингвистика текста; 2) лингвистика типологии текстов; 3) лингвистика конкретного текста [см.: Hartmann 1971]. В ходе становления теории текста сформировалось два основных подхода. Один основывается на западноевропейской школе, в границах которой учёные стремились построить формализованную грамматику текста. С этой целью «создаются правила, процедуры, схемы, по которым можно осуществить моделирование структур текста». Другой подход, развиваемый советскими учеными, основывается на разработке общей теории текста «путём изучения конкретных речетворческих актов, закономерностей их организации и функционирования, описания стилового многообразия таких актов и определения категориальных признаков каждого типа текста» [Гальперин 2007: 8].

Текст рассматривается в семиотике как серия рациональных комбинаций из произвольных знаков и выражается в разных формах, включая произведения изобразительного искусства, музыкальные сочинение и др. [см.: Антипов 1989; Бахтин 1979; Го Мин 2010; Горелов, Седов 2001; Успенский 2000], то есть текст

рассматривается как осмысленная последовательность любых знаков [см.: Лотман 1970].

В лингвистике текст рассматривается как последовательность языковых знаков, зафиксированная в виде конкретного произведения. Это произведение тесно связано с такими факторами, как структурная целостность, внутренняя связь и стилистические нормы данной разновидности языка [см.: Mann 1987; Баженова 2001, 2019; Гиндин 1971; Го Мин 2010: 16; Кубрякова 1983; Купина 1994; Леонтьев 1979; Мурзин 1994; Новиков 1983; Петрова 2003]. По определению М. М. Бахтина, текст – это «связный знаковый комплекс», то есть, текст состоит из знаков языка, которые сгруппированы в соответствующем форме времени и модальности, и это определённые формы можно повторить и воспроизвести при построении других текстов [см.: Бахтин 1979].

В языкознании первоначальные исследования текста были сосредоточены на познании его грамматической природы. Учёные уделяли внимание описанию формально-грамматических признаков текста. В. Г. Адмони отмечает, что текст и грамматика тесно взаимодействуют, текст также выступает как совокупность всех компонентов произведения, и каждое слово и каждое предложение находятся в определённом контексте [см.: Адмони 1985: 65–70]. К. Brinker пишет о том, что языковая система включает не только процессы формирования слов и предложений, но и образования текста [см.: Brinker 1988: 12–15]. Китайская исследовательница Лу Шусян отметила, что вполне возможно расширить область исследования грамматики от уровня предложений до уровня текста, изучать феномен языка на уровне текста [см.: Лу Шусян 1979: 403]. Текст является единицей более высокого уровня системы, чем предложение [см.: Бисималиева 1999; Звегинцев 1976; Мурзин, Штерн 1991; Чернухина 1984;], однако количество предложений, входящих в текст, не будет являться его существенным признаком [см.: Бенвенист 1965; Сахарный 1994; Сорокин 1982, 1985; Соссюр 2000], т.к. текст может состоять из цепочек предложений или одного предложения. Текст в данном случае «характеризуется как явление, которое занимает высшую ступень в системе языковых единиц» [Ипполитова 1998: 5]. О. И. Москальская представляет текст как

моделируемую единицу языка: он «является высшей единицей синтаксического уровня» [Москальская 1981: 9]. Г. В. Колшанский отмечает, что текст – микросистема, функционирующая «в обществе в качестве основной языковой единицы» [Колшанский 1984: 35]. Н. И. Клушина рассматривает текст как «высший уровень в языковой системе наряду с такими языковыми единицами, как фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение» [Клушина 2008: 19].

Исследование текста как единицы высшего уровня языковой системы (узколингвистический аспект) соответствует подходу, при котором анализируются логические законы развития мысли, взаимосвязи высказываний. В рамках грамматики текста «описываются различные типы внутритекстовых связей (формально-грамматические, логические, имплицитивные и др.), а также средства их реализации (повторы, дейктические единицы, служебные слова, акцентные выделения, интонация, распределение тема-рематических элементов в предложении и др.)» [Ицкович 2015: 31].

Л. М. Лосева выделяет следующие признаки текста: «текст – это сообщение (то, что сообщается) в письменной форме; текст характеризуется содержательной и структурной завершённостью; в тексте выражается отношение автора к сообщаемому (авторская установка). На основе приведённых признаков текст можно определить как сообщение в письменной форме, характеризующееся смысловой и структурной завершённостью и определённым отношением автора к сообщаемому» [Лосева 1980: 4]. Многие исследователи отмечают письменную фиксацию как непереносимое свойство текста [см.: Гумбольдт 1984; Зарубина 1981]. С точки зрения Н. Д. Зарубиной, «текст – это письменное по форме речевое произведение, принадлежащее одному участнику коммуникации, законченное и правильно оформленное» [Зарубина 1981: 11]. По мере стремительного развития интернета и средств массовой информации, текст функционирует не только в письменной, но и в устной форме [см.: Brown, Yule 1983; Halliday, Hassan 1976; Kinneavy 1971; Martin, White 2005; Renkema 1993; Schiffrin 1; Ипполитова 1998; Рождественский 2006; Соссюр 1977]. Согласно общепринятой точке зрения, текст

реализуется как в виде монолога, так и в виде диалога и полилога [см. Schiffrin 1988; Бахтин 1979].

Большинство учёных признает, что текст создается для реализации целей общения и относится к акту коммуникации, то есть текст – это речевое явление [Богуславская 1994; Ипполитова 1998, 2005; Колшанский 1978, 1985; Матвеева 1994; Сиротинина 1994; Чернухина 1994]. По мнению Н. А. Ипполитовой, исследование текста относится к «явлениям речевого характера», то есть при описании текста подчёркиваются такие признаки, которые «раскрывают его коммуникативные возможности» [Ипполитова 1998: 5]. Т. В. Матвеева отмечает, что «текст представляет собой результат речевой деятельности с определённой, задуманной автором целью или в соответствии с психологической установкой автора» [Матвеева 2003: 352]. В целом, «представители коммуникативного направления в лингвистике понимают под текстом речевое произведение, концептуально обусловленное и коммуникативно ориентированное в рамках определённой сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность» [Ицкович 2015: 31].

Сказанное выше свидетельствует о том, что текст имеет языковую структуру и речевую коммуникативную функцию, может интерпретироваться как единица системы языка и речи, то есть «текст надо считать не только единицей речи, но и единицей языка» [Москальская 1981: 9].

Постараемся ответить на вопрос, как текст соотносится с другими единицами языка. В. А. Бухбиндер решает это вопрос на основе языкового характера текста. Он считает, что каждая единица языка имеет значение и функции, которые реализуются в тексте. Назначение каждой единицы языка – «это тот вклад, который вносится ею в образование текста-сообщения» [Бухбиндер 1978: 37]. Г. В. Колшанский решает этот вопрос в направлении коммуникативной лингвистики. Он описывает явления и факты языка как «компоненты осмысленной, целенаправленной и познавательной-корректной, содержательной коммуникации» [Колшанский 1984: 6]. «Предметом коммуникативной лингвистики является исследование собственно структуры языка, всеобщих закономерностей

организации речевого общения: взаимодействия семантической и синтаксической структуры высказывания, закономерности построения текста, структура высказывания и текстов» [Колшанский 1984: 10]. Таким образом, исследование языковых средств зависит от состава реальных речевых актов.

Компоненты текста, элементы текстовой структуры состоят из реализованных единиц языка. «Слова, сцепления слов, сцепления словосочетаний, связь предложений, связи сложных предложений – все эти языковые структуры имеют свою логическую базу, и функционирование их в цепи обмена информацией опирается на логико-понятийную деятельность сознания» [Колшанский 1984: 35]. С другой стороны, можно исследовать уровневую структуру языка с позиций целого текста и понять соотносённость между единицами языка и речи. По словам Н. А. Ипполитовой, «текстовый уровень представлен фразовыми единствами и ансамблями, которые и формируют текст» [Ипполитова 1998: 10].

Существуют различные подходы к описанию феномена текста. «Для лингвистики текста характерно объяснение лингвистических фактов не только с помощью лингвистических же фактов – сочетаемости языковых знаков, их распределения в речевой цепи, но и широкое привлечение экстралингвистических факторов: ситуации порождения и восприятия текста, коммуникативной и прагматической установки автора, соотношение <...> созданной в тексте модели мира с самим этим миром» [Тураева 1986: 7]. При этом интралингвистическое изучение текста недостаточно, необходима широко исследовать текст в экстралингвистических аспектах [см.: Кожина 1996]. Перечислим описание текста в разных аспектах.

В когнитивном аспекте текст рассматривается как процесс человеческой мыслительной работы, а также как результат этой мыслительной работы [см.: Караулов 1987]. Когнитивный подход к тексту «реализуется через семантический анализ конкретного речевого произведения, через декодирование концептуального пространства текста» [Клушина 2008: 20]. **Под психолингвистическим аспектом** понимается процесс оформления текста как реализации перевода текстового смысла в любой другой форме, например: перевод

на другой язык, парафраз, расширение или компрессия текста [см.: Валгина 2003; Леонтьев 1997; Покровская 2004], Н. И. Жинкин назвал данный перевод «внутренним кодом» [см.: Жинкин 1982]. А. А. Леонтьев трактует цельность текста как психолингвистическую категорию и предполагает, что «единство замысла, семантической программы – смысловое единство» [Леонтьев 1997: 16]. При реализации прагматического аспекта исследования учёные уделяют больше внимание эффективности речевого произведения, воздействию речевого произведения на адресата [см.: Клушина 2008]. По словам Н. С. Валгиной, «текст – это материал для восприятия, интерпретации» [Валгина 2003: 9]. Н. В. Кулибина также отмечает, что книжно-письменный «текст вне восприятия читателем неполон, ущербен» [Кулибина 2001: 14]. В процессе использования **функционально-стилистического** подхода учёные обращают внимание на функционирование текста в конкретной сфере общения; рассматривается процесс «декодирования» заложенной информации, поэтому «основное внимание в стилистике декодирования уделяется изучению кодов и алгоритмов декодирования произведения для разных уровней языка и культуры» [Клушина 2008: 31]. Разные методики стилистики декодирования приложимы к разным жанрам [см.: Кайда 2005: 63]. Для **социологического** аспекта не характерно стремление к изучению свойств текста. Исследовательское внимание сосредоточено на социологических и социально-политических условиях производства текста, учитывается, что мыслительная деятельность человека является непрерывным процессом адаптации к миру, то есть человек закрепляет своё мышление в языковой материи в виде результатов познания. Формируется особый ряд отношений человека и мира: объект – деятельность – мысль – язык [см.: Братко 1977; Брушлинский 1982; Колшанский 1983].

Исследователи совершенствуют подходы к изучению текста [см.: Арутюнова 2016; Баженова 2019; Бочкарев 2016; Ваулина 2019; Гладкая 2019; Каллистратидис 2019; Кечерукова 2016; Ким 2019; Краснова 2019; Лаппо 2019; Лотман 2014; Мартянова 2019; Матвеева 2019; Мишланов 2019; Муссурова 2013;

Полякова 2013; Романова 2016; Рябуха 2018; Рябцева 2018; Сергодеев 2020; Терехова 2011; Тлехурай 2010; Трунова 2019; Устюжанина 2019].

Обратимся к содержанию некоторых исследований: Н. А. Фатеева предлагает изучение языка современной поэзии в аспекте языковой креативности [см.: Фатеева 2018: 50]; С. В. Ионова изучает внутреннее устройство текстовых произведений разных типов, указывает на стремление современной лингвистики текста – к широте и точности [см.: Ионова 2018]; Н. К. Рябцева анализирует названия современных аутентичных научных текстов на русском и английском языках в контрастивном аспекте [см.: Рябцева 2018: 39]; О. С. Иссерс анализирует письменные тексты – буклеты, инструкции, настенные надписи, таблички в международных отелях (IBIS, Novotel и др.) и выявляет специфику указанных текстов на основе их коммуникативной цели, образа и структуры [см.: Иссерс 2018: 60]; Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина стремятся к выявлению скрытой прагматики текста [см.: Матвеева, Зюбина 2018]; Е. Ф. Киров концентрирует своё внимание на исследовании текста и дискурса в семиотическом соотношении [см.: Киров 2018]; Т. С. Вологова уделяет внимание изучению структуры, функции и семантики антонимичных номинаций в поэтических текстах [см.: Вологова 2016]; Ю. В. Казарин рассматривает гармонию как гравитационный функционально эстетический центр системы признаков поэтического текста [см.: Казарин 2019]; Ян Цин в целях решения дидактических задач уделяет особое внимание изучению прагматической программы текста лекции [см.: Ян 2017, 2018].

В соответствии с узким и широким подходами выделяются два основных объекта лингвистики текста: сверхфразовое единство (текст – это «любое высказывание, состоящее из одного или нескольких предложений, несущее в себе по замыслу говорящего законченный смысл») или же такое речевое произведение, как повесть, роман, газетная или журнальная статья, научная монография, документы рода и т.п. <...> В качестве текстов рассматриваются также части целого речевого произведения – главы, параграфы, абзацы» [Москальская, 1981: 12]. Текст – целое речевое произведение – рассматривается прежде всего как явление социально-речевое. Это – «высшая коммуникативная единица»,

обслуживающая самые различные сферы жизни общества, единица совершенно иного порядка, чем сверхфразовое единство. Нередко разграничение названных объектов проводится нечётко. В отдельных случаях сверхфразовое единство совпадает с целым речевым произведением [см.: Москальская 1980: 33]. В большинстве случаев оно является частью целого речевого произведения.

О широком и узком понимании текста, но в другом аспекте, говорит В. В. Касевич: «Текст в широком смысле – это то же самое, что речь, продукт производства, говорения (для звукового языка). Текст в узком смысле – это единица речи (т. е. текста в широком смысле), которая характеризуется цельностью и внутренней связностью и как таковая может быть вычленена, отграничена от предыдущего и последующего текстов (если текст не изолирован). Текст в узком смысле – максимальная конструктивная единица, хотя, как уже говорилось, в принципе текст может сводиться и к одному высказыванию, как, впрочем, и высказывание может реализоваться в виде единственного слова, а материально – и единственного слова» [Касевич 1988: 50–51].

Приведем несколько широко известных определений текста: М. А. К. Halliday, R. Hassan и другие исследователи рассматривают текст как устные или письменные формы, имеющие любую длину. Текст – это используемый группой язык. В то же время текст – семантическая единица. Главное – значение, а не форма, то есть текст не состоит из предложений, а воплощается в предложениях [см.: Evans 2012; Halliday, Hassan 1976; Tomankova 2016]. Китайские лингвисты полагают, что текст является «смысловым единством». Текст может быть словом (например, "Пожар"), коротким предложением (например, "Осторожно, не упади"), стихом, прозой, дневником, романом, лозунгом, песней, диалогом, ссорой, двухчасовой лекцией и так далее), то есть текст может быть любым объемом и жанром [см.: Ху Чжуанлин 1994, 1996; Чжан Делу 1989; Ли Тяньсян 2012]. Хуан Гуовен определяет текст как языковую единицу, превышающую предложение. Он подчеркивает, что текст – это используемый язык, текст имеет характеристики иерархии и относительности [см.: Хуан Гуовен 1988, 2001]. По словам российского лингвиста Н. А. Ипполитовой, текст должен «анализироваться

как продукт (результат) речевой деятельности, но с учётом тех механизмов и условий, которые определяют его структуру и содержание в целом» [Ипполитова 1998: 13]. И. Р. Гальперин определяет текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007: 18].

Разнообразные подходы и определения позволяют выделить интегральное качество текста, в опоре на которое можно было бы свести все множество текстов к одному понятию [см.: Сидоров 1987: 55–56]. Согласно приведенным выше определениям текста, мы обнаружили, что учёные строят дефиниции текста по принципу перечисление разнопорядковых качеств, каждое из которых должно служить определяющим для любого другого текста. Вместе с тем очевидно, что «отдельные признаки сами по себе не могут образовать определённую целостность. Необходимо найти основу, источник их единства» [Храпченко 1985: 4]. Мы полагаем, что интегральным качеством текста является коммуникативность. Так, D. Schiffrin, признавая коммуникативную природу текста, отмечает, что в повседневной жизни люди в конкретной коммуникативной ситуации говорят не разрозненными словами, а предложениями и текстами [см.: Schiffrin 1988]. Текст может быть определен как коммуникативное событие [см.: Beaugrande, Dressler 1981: 3; Eda 2010], «коммуникативность текста – это его качественная определённость способом включения в систему речевой коммуникации» [Сидоров 1987: 51].

Категорию коммуникативности можно рассматривать в ряду суперкатегорий, которые выявляются в процессе укрупнения грамматики [см.: Степанов 1975]. Категория коммуникативности – интегральность и воплощение всей совокупностей категорий (системно-языковых категорий, функциональных категорий, и системных категорий) [см.: Сидоров 1987: 53;

Ицкович 2015: 33–34]. Отсюда следует, что текст – «это характеризующееся коммуникативностью предметно-знаковое состояние системы коммуникации» [Сидоров 1987: 55], К. Brinker подчёркивает, что текст не является изолированным объектом, он всегда связан с коммуникативной ситуацией [см.: Brinker 1988: 12 – 15]. Е. С. Кубрякова представляет понятие «целенаправленность», то есть текст рассматривается как коммуникативно-ориентированное произведение; «адресность», то есть определённый текст ориентируется на определённого читателя; «интенциональность», то есть текст – это реализация замысла автора [см.: Кубрякова 2003: 20–23]. При этом текст определяется как «творческий интеллектуальный процесс, успешность которого зависит от автора, который должен запрограммировать возможность того или иного понимания. Это происходит на основе осмысления, заданного автором, за счёт отбора и соответствующего распределения слов» [см.: Мельник, Тепляшина 2006: 81]. Категория коммуникативности предполагает рассмотрение текста как «единицу общения, отражающую цели участников коммуникации – адресанта и адресата, обладающую смысловой и формальной завершёностью» [Клушина 2008: 19]. Лингвистический анализ текста может осуществляться как с позиции адресанта, так и с позиции воспринимающего.

Категория коммуникативности как интегральное качество текста позволяет обосновать последовательно системный подход к тексту как объекту лингвистического исследования. При данном подходе внутренняя организация текста логически увязывается с системной организацией речевой коммуникации. В нашей диссертации текст понимается как речевое целое, обусловленное следующими факторами: предметное содержание, завершённая структура, обстоятельства общения, тональность общения. Значимыми являются также фактор адресата и авторский замысел.

Текст как объект лингвистического исследования слишком сложен, чтобы его можно было описать на основе одной категории коммуникативистики. Новую задачу лингвистики текста сформулировал И. Р. Гальперин: «В тексте как результате творческого процесса необходимо выделить такие черты (параметры,

признаки), на основе которых можно построить некую идеальную модель этого объекта исследования» [Гальперин 2007: 4]. В связи с этим в ходе исследования текста многие учёные предлагают использовать понятие «текстовая категория». Разрабатываются соответствующие классификации. Остановимся на этом вопросе.

Прежде всего обратимся к общенаучному определению категории. По данным «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» лексема *категория* отмечена в трех значениях: «1. В философии: общее понятие, отражающее наиболее существенные связи и отношения реальной действительности и познания; 2. Крупный, обычно строго не очерченный класс в его сравнении с другими такими же классами; 3. Один из видов в каком-н. общем ряду лиц, предметов, явлений» [ТСРЯПС 2011: 329]. Согласно общепринятому определению, категория – это понятие, в котором «отображены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [Кондаков 1967: 143], вследствие чего она способна служить основанием для деления множества явлений на однородные классы. Общенаучный термин *категория* применительно к языковым явлениям «указывает на группу языковых единиц, обладающую общим свойством, и само это свойство в отвлечённом виде, имеющее определённое языковое выражение» [Матвеева 2003: 100–101].

В трудах целого ряда исследователей используется понятие «текстовая категория». Текстовая категория – это типологический признак, который свойствен всем текстам; без него не может существовать текст [см.: Бессмертная 1978; Ванников 1984; Гальперин 1974; Го Мин 2010; Кожевникова 1994; Матвеева 1990; Соссюр 2000]. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» текстовая категория определяется как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами. Текстовая категория имеет знаковую природу, план содержания такого знака – это определенная понятийная универсалия, единый текстовой смысл (например, целостность, тема, тональность,

пространство, перспекция), а план выражения – функционально ориентированная типовая композиция разноуровневых языковых средств» [СЭС 2006: 533–534]. Текстовая категория может рассматриваться «как типологический признак текста, позволяющий квалифицировать этот текст как образец определенного текстотипа» [Ширинкина 2019: 69].

Многие учёные представляют, что текст – это совокупность соотнесённых текстовых категорий, и каждая отдельная текстовая категория соотносится с другой/другими. Е. В. Сидоров рассматривает категория текста «в качестве одного из взаимосвязанных существенных признаков его коммуникативно целесообразной системности» [Сидоров 1986: 431]. Согласно мнению Го Мина, текст никогда не может включать только одну из категорий, это всегда совокупность нескольких категорий. Любая категория текста может выполнять функционально-семантическую сегментацию, которая отражает общее содержание текста. Каждая категория текста имеет свое содержание и определенные грамматические признаки; нельзя жестко связывать категорию текста с иерархией языковой системы [см.: Го Мин 2010: 52]. Концептуально следующее положение: «Целый текст – коммуникативная система, текстовая категория – одна из коммуникативных линий этой системы, материализованная языковыми средствами» [Матвеева 1990: 13–14].

Изучение текстовых категорий является актуальным аспектом современных лингвистических исследований. В последние годы многие учёные посвящают свои труды изучению категорий текста [см.: Баркалова 2011 а, 2011 б; Барташова 2012; Боровикова 2015; Бородин 2020; Бортников 2013, 2014; Бочковская 2011; Волошина 2016; Герасимова 2017; Горбань 2016; Гуревич 2016; Демонова 2018; Ицкович 2011 а, 2013, 2019; Михеева 2019; Опарина 2010; Фуникова 2009; Чиговская-Назарова 2014].

Фундаментальными являются такие глобальные свойства, как связность и цельность (целостность) текста. Они рассматриваются как центральные понятия современного лингвотекстового анализа, благодаря которым текст становится принадлежностью системы языка [см.: Бухбиндер, Розанов 1975; Леонтьев 1976;

Мурзин, Штерн 1991]. На базе этих категорий строятся многие определения текста. Так, в «Кратком словаре лингвистических терминов» Н. В. Васильевой, В. А. Виноградова и А. М. Шахнаровича отмечено, что текст – «осмысленная последовательность словесных знаков, обладающая свойствами связности и цельности» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 127]. Аналогичное толкование даётся в словаре «Русский язык: энциклопедия», текст понимается как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Русский язык: энциклопедия 1997: 555]. З. Я. Тураева определяет текст как «единство, объединённое коммуникативной целостностью, смысловой завершённой, логической, грамматической и семантической связями» [Тураева 1986: 8]. Н. С. Валгина рассматривает текст как динамическую единицу «высшего порядка, как речевое произведение, обладающее признаками связности и цельности – в информационном, структурном и коммуникативном плане» [Валгина 2003: 5]. Анализ специальной литературы показывает, что основными текстовыми категориями признаются структурная связность и содержательная цельность [см.: Зильберман 1988; Клушина 2008; Кубрякова 2003; Покровская 2004;]. Причем «оба признака неразрывны и накладываются друг на друга. Присутствие только одного из признаков еще не свидетельствует о целесообразно построенном тексте» [Яхиббаева 2008: 214].

Что касается отношений между категориями связанности и цельности, согласно общепринятому мнению, связность обусловлена линейностью текста (проявлением синтагматических отношений), цельность обусловлена психологическими факторами: текст воспринимается носителями языка как целое в процессе коммуникации, он – «образ-гештальт» [Мурзин, Штерн 1991: 13]. Непременным условием цельности текста является его соотнесенность с коммуникативной ситуацией: «ситуативность отличает текст от любой другой значимой единицы языка» [там же: 13]. При этом цельность и связность текста соотносятся как содержание и форма: цельность отражает содержательность, связность носит формальный характер. Категории связности и цельности

соотнесены друг с другом, но не в двустороннем порядке. Так, цельный текст чаще всего будет являться связным, но связный может не быть цельным [см.: Леонтьев 1976; Мурзин, Штерн 1991].

Основываясь на категориях цельности и связности текста, исследователи начинают выделять другие текстовые категории. Так, связность компонентов текста может являться направленной, это свойство текста можно назвать интенцией [см.: Мурзин, Штерн 1991: 12]. И. Р. Гальперин, выдвигая категории проспекции и ретроспекции, имел в виду разновидности интенции, которые неравноправны: категория ретроспекции – «грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации. Ретроспекция проявляется двояко: а) когда предшествующая информация уже была изложена в тексте; б) когда предшествующая информация, необходимая для связи событий сообщается, прерывая поступательное движение текста, т.е. происходит перестановка временных планов повествования» [Гальперин 2007: 106]. Категория проспекции – «это грамматическая категория текста, объединяющая различные языковые формы отнесения содержательно-информации к тому, о чём речь будет идти в последующих частях текста» [Гальперин 2007: 112].

Цельность текста носит диалектический характер и связана с его непрерывностью, а также дискретностью: «Речь – это сплошная, непрерывная последовательность элементов во времени. Вместе с тем она членораздельна. Для членораздельности группа элементов, составляющих языковую единицу, должна быть объединена в одновременном синтезе. В речи одинаково существенна временная последовательность и членораздельная одновременность» [Жинкин 1966: 16]. В ряду дискретность/непрерывность главным свойством является непрерывность [см.: Налимов 1978]. Цельность текста обеспечивается его отдельностью, отграниченностью от других текстов, что обусловлено таким компонентом коммуникативной ситуации, как объект. Текст описывает объект, следовательно, цельность текста обеспечивается единством описываемого объекта,

то есть можно говорить о денотативном единстве текста, которое обеспечивает его отдельность [см.: Мурзин, Штерн 1991: 16].

Отдельность текста связана также с антиномией завершенность/незавершённость, споры о которой ведутся до сих пор. Текст всегда завершен – это одна точка зрения, обусловленная идеей уровневости языка: единица уровня всегда завершена. Текст всегда не завершен, так как описываемый объект бесконечен и неисчерпаем для познания. В этом случае можно говорить о потенциальной неисчерпаемости и актуальной исчерпаемости: текст может быть завершен с учетом актуальных конкретных целей и задач. Соответственно, именно актуальная завершенность делает текст отдельным, обособленным и получает внешнее, формальное выражение [см.: Мурзин, Штерн 1991].

Общепринятой является мысль о том, что цельность относится к содержанию. И. Р. Гальперин подчеркивает, что содержание любого текста включает информативность, то есть «соотношение смыслов и сообщение, дающее новый аспект явлений, факта, события. Это соотношение подвержено изменению по мере продвижения текста» [Гальперин 2007: 38]. Когда мы пытаемся осмыслить текст, мы не только понимаем содержание текста, но и пытаемся понять замысел автора. В связи с этим И. Р. Гальперин рассматривает отношение говорящего к действительности как важный признак «модальности», которая применяется ко всем высказываниям. «Модальность оказывается категорией, присущей языку в действии, т.е. речь, и поэтому является самой сущностью коммуникативного процесса» [Гальперин 2007: 113].

В специальной литературе наблюдается вариантная терминология: цельность – целостность – когерентность – интегративность; связность – когезия – последовательность; завершенность – законченность; модальность – тональность – эмотивность – воспринимаемость; проспекция – пресуппозиция и др. По мере развития лингвотекстовых исследований, список категорий текста становится гораздо шире. К перечисленным категориям следует добавить интенциональность, интертекстуальность, ситуативность, гипертекстуальность, намеренность,

доступность и др. [см.: Beaugrande, Dressler 1981; Гальперин 2007; Ипполитова 1998; Колшанский 1980; Сорокин 1985; Шведова 1970].

При описании текста учёные не ограничиваются исследованием поверхностной структуры, а пытаются определить закономерности содержательных «глубинных» отношений в тексте [см.: Heinemann 1982; Купина 1983]. Некоторые лингвисты (И. Р. Гальперин, В. В. Одинцов, З. Я. Тураева, и др.) разделяют текстовые категории на две группы: содержательные и структурные. Категория содержания включает в себя речевые объекты, темы и идеи произведения; категория структуры включает форму, языковые средства, транслирующие смысл, однако сюжет относят к структурной категории и к формальной категориям [см.: Тураева 1986: 7–8]. «Структурные категории заложены в самой структуре текста и присущи ему как лингвистическому объекту, а содержательные характеризуют процесс отражения в тексте объективной действительности» [Жаббарова 2011: 760]. При этом строгого деления категорий на формально-структурные и содержательные нет. Они рассматриваются как взаимообусловленные: «формально-структурные категории имеют содержательные характеристики, а содержательные категории выражены в структурных формах» [Гальперин 1981: 5].

В настоящее время единого понимания категорий текста не существует. Отсутствует единая классификация категорий. Уверенно можно утверждать, что текстовые категории делятся на следующие группы: содержательные и структурные. Глобальные категории такого рода – это целостность и связность, но обе эти категории требуют дальнейшей дифференциации. Осуществить ее можно с привлечением экстралингвистического понятия авторского замысла. На этом понятии строится следующее определение: «Текст – результат целенаправленного речевого творчества, целостное речевое произведение, коммуникативно обусловленная речевая реализация авторского замысла» [Матвеева 2003: 352]. В соответствии с указанными основаниями выделяются семь ведущих категорий текста: тема, композиция, цепочка хода мысли, тональность, оценочность, темпоральность и локальность [см.: Матвеева 1990: 21–34]. Концепция

Т. В. Матвеевой принимается за основу в нашем исследовании. В основе концепции лежит принцип отражательности, который основан на теории Карла Бюлера [см.: Бюлер 1993]: три составляющих коммуникации – говорящий, слушающий и предмет речи – определяют языковой факт.

Набор текстовых категорий, отобранных в настоящем исследовании для анализа, включает в себя: тему, которая отражает реальность; связанную с темой категорию композиции; категории текстового времени и пространства, которые необходимы для организации композиционно-тематического развития.

Остановимся на указанных текстовых категориях подробнее.

Текст имеет знаковый характер, то есть выступает как единство содержания (темы и собственно содержания) и формы (структуры и композиции) [см.: Кривошапова 2013: 15; Одинцов 1980: 35]. Разумеется, в рамках категориально-текстовой концепции «тема и композиция – важнейшие категории текста, создающие костяк его содержательной структуры» [Матвеева 2003: 353]. Категория темы и категория композиции тесно связаны и взаимодействуют друг другом. Если тема – «особая категория, отражающая в свернутом виде авторский замысел и эксплицирующая содержательное ядро текста» [Ширинкина 2018: 95], то композиция – «это форма выражения и развития темы» [Клинг 1988: 6], способ её структурирования, другими словами «развёртывание темы по законам композиции создают целый текст» [Купина, Матвеева 2013: 120].

Категория темы как одна из ведущих текстовых категорий отражает предмет речи в тексте, то есть тот предмет реальности, с которым работает автор. Согласно общепринятому определению, «тема текста – предмет целого речевого произведения. Это содержательное ядро текста, составляющее основу авторского замысла» [Купина, Матвеева 2013: 119]. Тема текста в принципе сохраняет единство мысли целого текста и тесно связана с авторским замыслом. «Тема – это свёрнутое содержание, которое сопоставимо с замыслом» [Новиков 1983: 23].

Композиция текста – «это схема организации и структурной упорядоченности целого текста (произведения), отражающая строение, соотношение и взаимное расположение его частей, членение на смысловые

элементы, степень и характер выраженности этих элементов, порядок их следования и взаимосвязь между ними» [СЭС 2006: 168]. Т. В. Матвеева даёт следующее определение композиции текста: «группировка и последовательность содержательных частей текста, мотивированные замыслом автором» [Матвеева 2010: 52]. Что касается реализации композиции в тексте, по словам Т. В. Матвеевой, «средствами языкового выражения композиции является делимость текста на части и сами эти части» [Матвеева 1990: 33].

Время и пространство – необходимые условия существования мира явлений. Категории времени и пространства являются важных категорий в современной лингвистике текста, изучение которого имеет большое значение, так как «текст как отражение определённого фрагмента действительности и определённой ситуации общения также не может существовать вне данных свойств» [Матвеева 1990: 29].

Категория времени и категория пространства существуют в тексте неразрывно, они тесно взаимосвязаны друг с другом. По словам М. М. Бахтина, «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975: 235]. Идея сосуществования времени и пространства поддерживается исследователями. Так, О. И. Москальская рассматривает категорию времени и пространства как «однопорядковые явления» [Москальская 1981: 110]; М. В. Голощапова отмечает: «время и пространство обмениваются своими функциями, время переходит в пространство» [Голощапова 2014: 28], пространство развивается и изменяется с течением времени [см.: Кортун 2015: 247; Познин 2019: 93]. В общем, М. М. Бахтин называет «взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975: 234] хронотопом. Подчёркивая важность хронотопа, он отмечает: «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [Бахтин 1975: 406]. Таким образом, «хронотоп – комплексная текстовая категория, объединяющая в значительной степени изоморфные категории текстового времени и текстового пространства» [Матвеева 2003: 388].

В главах 2 и 3 нашего исследования будет показан развернутый анализ очеркового материала в опоре на категории темы и композиции. Категории

времени, пространства и оценочности рассматриваются как дополнительные и привлекаются по мере надобности.

1.4. Функционально-смысловые типы речи (ФСТР)

С развитием языкознания проблема типологии речи все больше привлекает внимание учёных [Асмус 1947; Бахтин 1979; Богомолова 1963; Борисов 2014; Варфоломеева 2019, 2020; Валгина 2003; Виноградов 1980; Горский 1963; Жерноклетова 2017; Клобукова 1987; Кондаков 1954; Кожевникова 1982, 1985; Кожин 1964; Матвеева 2003; Нечаева 1974; Никольский 1955; Озерова 1957; Одинцов 1980; Полетаев 2012; Солганик 2000; Щербатский 1951; Якубинский 1923]. В русистике впервые предпринимает исследование этой проблемы лингвист Л. П. Якубинский. В работе «О диалогической речи» он выдвигает новый план изучения языка «в зависимости от условий общения» [Якубинский 1923: 99]. Термин «тип речи» понимается как «разновидность речи, определяемая сферой её употребления, намерением говорящего, его социолингвистической принадлежностью и т. п.» [Ахманова 2004: 475].

На современном этапе развития языкознания проблема типологии речи обычно решается в двух планах: экстралингвистическом и нормативно-стилистическом. О. А. Нечаева выдвигает третий аспект решения типологии речи: в аспекте связи языка и мышления. Она отмечает, что «мыслительная деятельность человека сложна и носит обобщённый характер, она не ограничивается только установлением субъектно-предикатных связей, соответствующих предложению в языке. В процессе мышления образуются целые мыслительные комплексы, которые закреплены в определённых специфических речевых структурах» [Нечаева 1974: 32].

Многими исследователями типы речи понимаются как «виды изложения» [Щербатский 1951: 168], «особенности изложения» [Никольский 1955: 54], «формы изложения» [Озерова 1957: 39] и «способы изложения мысли» [Богомолова 1963: 89; Нечаева 1974: 13].

Таким образом, функционально-смысловые типы речи (далее – ФСТР) традиционно определяются как «способы изложения, основные структурные схемы объяснения предложений в сложное речевое целое, отвечающее задачам говорящего относительно представления обсуждаемого предмета» [Матвеева 2003: 385].

Остановимся на членимости функционально-смысловых типов речи. По мнению О. А. Нечаевой, ФСТР «обусловлены характером объекта речи (предмет в широком понимании в описании, развивающиеся действия в повествовании, причинно-следственные отношения в рассуждении)» [Нечаева 1974: 33]. Такого же мнения придерживаются многие учёные. Так, в работе Г. Я. Солганика выделяются три «таких важных, существенных компонента речи, как описание, повествование, рассуждение» [Солганик 2000: 136]. Н. С. Валгина отмечает, что «это наиболее традиционная классификация ФСТР, в которой выделяется в основном три разновидности – описание, повествование, рассуждение <...> повествование занимается действием, описание – предметом, рассуждение – отношением предметов и действий» [Валгина 2003: 76–78]. В работе Т. В. Матвеевой отмечается, что «задача статической характеристики предмета решается в описании, характеристика предмета в развитии, в динамике даётся в повествовании, анализ проблемы как предмета речи – в рассуждении <...> все три функционально-смысловых типа речи выработаны естественным путём в процессе развития мышления и языка» [Матвеева 2003: 385].

Охарактеризуем каждый их типов речи.

Термин **описание** начал появляться в XIX веке, так, в работе «Руководство к изучению русской словесности» описание определяется как «представление отдельно существующего в пространстве предмета, передача его признаков, действий и отношения к другим предметам» [Георгиевский 1835: 76]. В этой трактовке описание предварительно понимается как представление предмета.

В дальнейшем термин описание в большинстве случаев рассматривается как литературоведческое понятие и определяется как изображение предмета. Так, П. С. Коган считает, что «описание заключается в изображении целого ряда

признаков, явлений, предметов или событий, которые необходимо представить все одновременно» [Коган 1915: 50]. Аналогичное определение дается в «Кратком словаре литературоведческих терминов», где описание понимается как «оборот поэтической речи, состоящей в последовательном перечислении отдельных признаков, черт, свойств, явлений» [Тимофеев, Венгров 1958: 97].

Таким образом, описание характеризуется в двух аспектах: во-первых, описание понимается как текст, в котором словесно изображается предмет: «описательный текст – это только результат описания» [Нечаева 1974: 38]; во-вторых, описание понимается как «применение определённой языковой методики для систематического изложения особенностей, признаков, состава речевых массивов (корпусов), зафиксированных для данного языка» [Ахманова 2004: 288], то есть, «описательный способ как перечисление признаков предмета в широком понимании» [Нечаева 1974: 38]. Однако описательный способ опирается на описательный текст, а совокупность таких текстов позволяет выявить описательный тип речи.

Типы речи, как отмечалось выше, обусловлены характером объекта мысли и речи. В описательном типе речи «объект носит опредмеченный характер: это картина природы, какая-либо обстановка, или это человек, животное; может быть и какой-нибудь неодушевлённый предмет. При описании этот объект речи раскрывается: уточняется форма, состав, структура, свойства, качества, назначение и т. д. путём перечисления признаков, характерных для данного момента обстановки, картины или предмета, или как вообще присущих этому объекту речи» [Нечаева 1974: 38].

Описание – это констатирующая речь, сообщение, содержащее в себе указание на принадлежность характеризуемого к определённому классу предметов, перечисление признаков и элементов, предназначение, способы и области функционирования характеризуемого, впечатления» [Матвеева 2010: 267]. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» подчеркивается, что «описание служит для подробной передачи состояния действительности, изображения природы, местности, интерьера, внешности» [СЭС 2006: 267].

В соответствии с этим, «жанровыми разновидностями описательных текстов выступают описание-пейзаж, в котором находит воплощение внешний вид местности; описание-интерьер, где реализуется представление об обстановке помещения; описание-портрет, рисующее внешние особенности человека; а также описание предмета, где отражаются наблюдаемые признаки конкретного предмета» [Варфоломеева 2020: 28].

Ученый полагает, что разновидности описания выполняют в текстах разные функции, определяемые конкретным функциональным стилем: «жанровые разновидности описания могут быть представлены в текстах разной стилистической принадлежности. Так, описание-портрет находит воплощение в художественном стиле, где перечисляются значимые с точки зрения автора особенности внешности героя, в официально-деловом – при составлении портрета-ориентировки, в научном – когда воспроизводятся черты внешности изображенного на картине лица (в искусствоведении, например), в публицистическом – при характеристике медийной личности, в разговорном – в случае передачи выделяемых на фоне других особенностей внешнего вида описываемого объекта» [Варфоломеева 2020: 28].

В соответствии с иной классификацией описание можно разделить на объективное и художественное: «объективное, в том числе научное (в них преследуется цель информационно-логической характеристики предмета), и художественное (оно нацелено на создание образа предмета, выявление его скрытого эмоционально-психологического потенциала)» [Матвеева 2010: 268].

Также описание можно разделить на статическое и динамическое. Статическое – это описание «с качественной или предметной ремой» [Валгина 2003: 80]. По словам А. А. Борисова, «статическое описание используется для характеристики предметов, обладающих качественной определённой стабильностью и неизменяемостью в определенный временной промежуток» [Борисов 2014: 48]. Динамическое описание характеризуется движением и изменением предмета – «это фазисные переходы от одного состояния к другому» [Валгина 2003: 83], писатель изображает движение предмета,

перечисляет равноправные действия, выявляет элементы событий и выражает изменения точки зрения [там же: 80–81]. «В отличие от статического описания, где доминируют номинативные части речи, здесь преобладают глаголы, причем глаголы движения или изменения состояния» [Борисов 2014: 50]. Иногда в тексте наблюдается сочетание статического и динамического описания: «активные когда-то действия словно застыли в какой-то момент, чтобы в настоящем предстать в виде впечатлений отстранённых и отчуждённых от стороннего наблюдателя, когда-то бывшего активным участником описываемых событий» [Валгина 2003: 84].

Подчёркивается, что динамическое описание похоже на повествование, так как в динамическом описании также активно используются глаголы. Разница между описанием и повествованием в том, содержит ли оно сюжет: «в динамическом описании нет сюжета, т.е. развития действия, глаголы в нём используются как средство характеристики, высказывание в целом носит» в динамическом описании нет сюжета, а в повествовании есть сюжет развития, то есть глаголы в динамическом описании «используются как средство характеристики, высказывание в целом носит констатирующий перечислительный характер» [Матвеева 2003: 198]. С точки зрения Н. С. Валгиной, глаголы в описании обозначают «действия, не совершаемые во времени, а действия, характеризующие лицо, предмет» [Валгина 2003: 83]. Глаголы в повествовании «в отличие от глаголов в описании, всегда акциональны, они в полном объёме передаёт свойственные им лексические значения». Таким образом, динамическое описание так или иначе связано с «характеристикой активного проявления действия», а повествование связано с указанием «переход от одного действия к другому» [Валгина 2003: 85].

В последние годы Ю. Н. Варфоломеевой предлагается новая классификация описания: визуальное описание, описание-характеристика, контаминированное описание. Авторская классификация основана на следующих принципах: «1) функция заместителя говорящего, 2) признак наблюдаемости / ненаблюдаемости признаков, 3) принцип временности / постоянства свойств описываемого предмета,

4) продуктивность лексико-семантических (ЛСГ) групп субстантивов, глаголов и др.» [Варфоломеева 2019 б: 21].

Описание как особый функционально-смысловой тип речи имеет свои особенности. Остановимся на них подробнее.

Синтаксические особенности описания заключаются в использовании номинативных, безличных и эллиптических структур, в сохранении прямой модальности контекста и косвенной в придаточных предложениях. Субъективная модальность выражается в описании лексическими и фразеологическими средствами (широко используется семантическая глагольная метафоричность, эпитеты, сравнения, олицетворения и другие средства выразительности), но не при помощи экспрессивных грамматических форм.

Что касается категории времени, в описании требуется единый временной план: «в каждом описательном контексте глаголы употребляется в одном абсолютном времени (настоящем, прошедшем или будущем) без смещения во времени» [Нечаева 1974: 52]. Отмечается релевантность выбора категории времени и функционального стиля: так, художественное описание чаще бывает в прошедшем времени, а научное или деловое описание часто представлено в форме настоящего времени, причем иногда наблюдается сочетание так, художественное описание чаще бывает в прошедшем времени, а научное или деловое описание часто представлено в форме настоящего времени [там же: 52].

Композиционной особенностью описания является «общая характеристика предмета, явления (располагается в начале или в конце описательного текста или текстового фрагмента) и детализирующая часть, составляющая основную массу высказывания» [Матвеева 2003: 198].

Повествование понимается как рассказ о чём-либо. Так, у В. И. Даля повествование определяется как «рассказ о былом или о вымышленном словесный или письменный» [ТСЖВЯ 1882: 153]; ср.: повествование – «связный рассказ о каких-н. событиях, о чём-н. совершившемся» [ТСРЯ 2014: 797].

В литературоведении повествование сближается с эпосом, в отличие от драмы и лирики. В. В. Кожин отмечает, что повествование обладает свойствами

эпоса, и «эти особенности повествования непосредственно содержательны; они сами по себе не только суть эпической формы, но и свойства специфического эпического мироощущения» [Кожин 1964: 47].

Повествование может иметь разную субъектную принадлежность автора. Так, говоря о повествовании в прозе Л. Н. Толстого, исследователь отмечает, что, «как пушкинской прозе, в повествовательном стиле Толстого до конца 70-х годов скрещивались <...> различные ‘субъективные призмы’, повествование велось попеременно как бы от лица разных персонажей» [Билинкис 1959: 377].

В лингвистике повествование первоначально рассматривается как средство сообщения в монологической речи. Так, в «Словаре лингвистических терминов» отмечается, что монолог повествовательный (монолог сообщающий) есть «основное средство логического и последовательно организованного сообщения» [Ахманова 2004: 231].

По О. А. Нечаевой, повествование понимается как тип речи, «выражающий сообщение о развивающихся действиях или состояниях и располагающий для реализации этой функции специфическими языковыми средствами» [Нечаева 1974: 99]. Данное определение признается большинством учёных. Перечислим и другие определения.

«Повествование даёт представление о развитии событий, их последовательности. Этот тип предложения в тексте акцентирует внимание на активных действиях, процессах, порядке протекания действий <...> и передаёт активную смену событий, поэтапную смену явлений» [Валгина 2003: 85]; повествование – «функционально-смысловой тип речевого изложения, в котором явление, событие представляется в динамике (развитии во времени, изменении состояния)» [Матвеева 2010: 315]; «тип речи, в основе которого лежит связный рассказ о каких-нибудь совершившихся событиях» [Сущенко 2011: 240]; повествование – «функционально-смысловой тип речи, предназначенный для изображения последовательного ряда событий или перехода предмета из одного состояния в другое» [СЭС 2006: 288].

Важным идентификационным признаком понятия повествование является динамичность, когда «действительность воспринимается в процессе изменения и развития» [Нечаева 1974: 111], характеризующаяся активностью глагольной формы, ее полноточностью и полновесностью [см.: Валгина 2003: 85]. Уточняется, что для выражения динамичности используются различные лексические и грамматические средства: «семантические ряды глаголов со значением последовательности действий; смена временного плана в формах глагола; видовые формы глаголов со значением возникновения и мгновенности действия; вспомогательные глаголы, обозначающие возникновение действия; обстоятельственные слова со значением временной последовательности; союзы со значением чередования, сопоставления или возникновения действия; порядок слов в предложении и микротеме» [Нечаева 1974: 145].

Типичная композиционная модель повествования включает в себя «экспозицию (изложение предыстории данного события), завязку (пояснение общей мотивировки события), развитие действия (фрагменты, по ходу которых напряжение действия постепенно нарастает), кульминацию (фрагмент, связанный с наивысшим напряжением в развитии события) и развязку (отражение спада напряжения, его психологического разрешения во фрагменте, посвящённом заключительному этапу события, его результату, последствиям, авторским впечатлениям)» [Матвеева 2010: 315].

Остановимся на существующих классификациях повествования как функционально-смыслового типа речи. Выделяется формально-монологическое [см.: Виноградов 1980] и формально-диалогическое повествование [см.: Бахтин 1979]; развернутое и неразвернутое [Нечаева 1974: 100]; «несобственно-прямая речь повествующего типа» и «несобственно-авторское повествование» [см.: Кожевникова 1982: 102–119, 1985: 104–114]; «а) конкретно-сценическое; б) обобщённо-сценическое и в) информационное <...> Информационное повествование в свою очередь бывает двух видов: в форме пересказа и в форме косвенной речи» [Нечаева 1974: 101–105]; объективное [см.: Бахтин 1979] и субъективное повествование [см.: Одинцов 1980].

Таким образом, в науке не существует однозначной системы разновидностей повествования, что связано с многоаспектностью проблемы, а также с тем, что изучаемые тексты – «порождение индивидуально-авторского стиля и являются не замкнутой, а развивающейся системой» [Осьмухина 2017: 108].

Рассуждение традиционно понимается как «1. ряд мыслей, суждений, умозаключений на какую-н. тему, изложенных в логически последовательной форме; 2. научное сочинение, представляющее собой исследование какого-н. вопроса» [Толковый словарь русского языка 2000, т. 3: 265].

Рассуждение – это логическая форма построения доказательства. «Рассуждением называется ряд суждений, которые все относятся к определённому предмету или вопросу и которые идут одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, а в результате получается ответ на поставленный вопрос. <...> Суждения не просто провозглашаются в качестве истин, но обосновываются при помощи рассуждений» [Асмус 1947: 147]. Логическая основа рассуждения – умозаключение, которое «есть процесс мысли, в ходе которого из одного, двух или более суждений мы получаем такое суждение, которое извлекается нами из содержания исходных суждений» [Горский 1963: 145–146]. Рассуждение входит в область логики, а не грамматики, так, «в докладе, в статье в любом другом устном или письменном высказывании мы рассуждаем, а рассуждать – это значит связывать не только слова в предложении, но и сами предложения друг с другом. Грамматика же рассматривает связи между словами в рамках предложения» [Кондаков 1954: 8]. Очевидно, в середине XX века исследование рассуждения больше направлено на мышление, чем на речевую структуру.

Лингвисты полагают, что рассуждение может и должно изучаться не только с точки зрения логики, но и с позиций языкознания. Рассуждение – это особый тип речи, «опирающийся в логическом плане на умозаключение и имеющий свою структурно-языковую характеристику» [Нечаева 1974: 152]. Данная точка зрения утвердилась в современной лингвистике: «рассуждение – функционально-смысловой тип речи, соответствующий форме абстрактного мышления –

умозаключению, выполняющий особое коммуникативное задание – придать речи аргументированный характер (прийти логическим путём к новому суждению или аргументировать высказанное ранее) и оформляемый с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики» [СЭС 2006: 321–322].

Виды и формы рассуждения определяются стилем речи: «в бытовой разговорной речи, в художественном стиле полные умозаключения крайне редки, видимо, потому что рассуждения такого типа опираются на общежитейскую мудрость, положения которой стали аксиомами. В научной же речи полные доказательства бывают более необходимы, особенно в том случае, когда в рассуждении приходится опираться на какие-то научные формулировки положений, правил законов» [Нечаева 1974: 154–155].

В основе рассуждения лежат причинно-следственные отношения, которые выражаются синтаксически: «синтаксической формой рассуждения являются два или несколько простых предложений или сложное предложение с причинно-следственной или обусловленной связью. При этом не любая из названных синтаксических структур с причинно-следственными отношениями бывает рассуждением. В рассуждении выводное суждение имеет смысл, нуждающийся в доказательстве» [Нечаева 1974: 194].

Разновидности рассуждения соотносятся с определенной языковой формой. О. А. Нечаева предлагает выделить следующие виды: «оценочные именные рассуждения со сказуемым в выводе в форме имени прилагательного или имени существительного; рассуждения со значением состояния со сказуемым в форме слов категории состояния; рассуждения с обоснованием реальных или гипотетических действий, отсюда с глагольной формой в изъявительном или сослагательном наклонении в выводе; рассуждения со значением необходимости, возможности или желательности действия с соответствующими грамматическими показателями (в выводе модальные предикативные слова плюс инфинитив); рассуждения с обусловленными действиями, поэтому с обусловленной структурой сложноподчиненного или бессоюзного сложного предложения; рассуждения, с категорическим отрицанием или утверждением в форме риторического вопроса

или восклицания или со сказуемым, выраженным отрицательными словами» [Нечаева 1974: 165–166]. Заметим, что здесь идет речь о фрагментах текста, а не о целых речевых произведениях.

На коммуникативном основании выделяются собственно рассуждение, доказательство, подтверждение, обоснование и объяснение [СЭС 2006: 323–324], что приводит к соответствующей классификации текстов: «текст-доказательство, текст-опровержение, полемический и позиционный тексты» [Полетаев 2012: 94].

Текст-рассуждение отличается типичной композиционной моделью, построенной по законам логики «...текст-рассуждение <...> имеет <...> характерный только для него каркас, организуемый следующими составляющими: введение, тезис, антитезис, аргументация <...> и последующее опровержение, вывод или заключение» [Клобукова 1987: 37]. В опоре на риторическую позицию выделяется более подробная модель, которая включает в себя 8 последовательно расположенных частей: приступ (введение, связанное с темой рассуждения) – парафразис, или экспозиция (объяснение темы) – причина (аргументы) – противное (сопоставление с противоположным) – подобие (сопоставление со сходным) – пример – свидетельство (мнение в поддержку своей позиции) – заключение.

Подводя итог, можно сказать, что описание – это статическое перечисление признаков, свойств предмета; повествование содержит рассказ о событиях во временной последовательности; рассуждение отражает «исследование предмета или явления, раскрытие их внутренних признаков, доказательство определённых положений» [Валгина 2003: 78].

Отметим, что тексты, полностью построенные на одном виде ФСТР, – явление, скорее, исключительное. Чаще они «выступают в контаминированном виде» [Нечаева 1974: 196]. Контаминированная речь – «это сочетание в одном сложном синтаксическом целом двух или нескольких типов речи, выполняющих единую изобразительную функцию в данном тексте» [Жерноклетова 2017: 23–24]. Контаминация ФСТР, как и любых других языковых единиц, приводит «к их семантическому <...> изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [Ахманова 2004: 206]. О. А. Нечаева предлагает описание,

повествование, рассуждение и контаминированные формы как различные типы монологической речи считать «сверхфразовыми структурными языковыми единицами» [Нечаева 1974: 196].

Явление контаминации типов речи напрямую соотносится с категорией темы. Отмечается, что «явление контаминации типов речи происходит только в пределах одной микротемы. Описательно-повествовательная контаминированная речь в тексте может быть представлена двумя способами: транзитивным и инернативным [см. Жерноклетова 2017: 24]; «последовательное сочетание типов речи – это такая организация текста, при которой два или более типа речи следуют друг за другом, образуя при этом разные микротемы» [Жерноклетова 2017: 23].

Контаминация ФСТР – неременная черта разных жанров; например, «в монологические тексты на повествовательной основе (рассказ, повесть, роман) и в тексты-рассуждения (научная и публицистическая статья, публичная торжественная речь, полемическое выступление, проповедь) описание включается как распространяющий фрагмент-характеристика» [Матвеева 2003: 198].

По мнению Г. Я. Солганика, описание, повествование, рассуждение имеет отдельные особенности, их смена «зависит от индивидуальных склонностей писателя, от господствующих литературных представлений эпохи, от содержания произведения» [Солганик 2000: 153]. При этом экспликация скрещения функционально-смысловых типов речи отражает не только стили и темы текста, но и самого автора, определяющего эмоциональную ориентацию и пропорцию перекрытия трёх типов речи [см.: Варфоломеева 2019 а: 41].

Выявление жанрообразующих признаков очерка возможно с привлечением понятия ФСТР, что будет показано в следующих главах исследования.

Выводы

Обзор научной литературы по проблемам функциональной стилистики показал сложившееся в современной русистике представление о реализации литературного русского языка в виде системы функциональных стилей. В диссертации принимается теория функционального стиля как наиболее крупной естественно сложившейся на основе экстралингвистических и внутрилингвистических факторов речевой разновидности языка (концепция М. Н. Кожиной). В рамках данной концепции жанр текста понимается как видовой способ реализации функционального стиля, жанр и функциональный стиль представляют речевую данность на разных уровнях абстракции. Интересующий нас жанр очерка относится к публицистическому стилю речи и традиционно делится на три субжанра: портретных, проблемных и путевых очерков.

Очерки В. М. Пескова являются репрезентативным материалом для научных исследований в сфере гуманитаристики в силу авторитетности выдающегося журналиста, а также огромного читательского интереса к его текстам. Структура и содержание очерков, отбор средств выразительности и репертуар функций языковых средств демонстрируют образцовое воспроизведение жанра. В нашей работе задача изучения идиостиля В. М. Пескова не ставится, цель работы остается в границах функционально-стилистического подхода, нацеленного на установление типичных признаков очеркового текста.

Каждый функциональный стиль и жанр реализуется в виде совокупности однотипных текстов, как текстотип определенного объема. В соответствии с этим положением жанр может изучаться с позиций лингвистики текста. Своеобразие жанровых особенностей выявляется на основе анализа конкретных текстов.

В лингвистике текста делается акцент на такие признаки, которые раскрывают его коммуникативные возможности. Коммуникативность признается ведущей, глобальной категорией текста. На базе категории коммуникативности выделены менее абстрактные категории целостности и связности. Наконец, структура коммуникативной ситуации обуславливает выделение категорий темы,

композиции, хронотопа, оценочности, авторизации. Категориально-текстовой подход, принимаемый за методологическую основу данной диссертации, характеризуется опорой на комплекс языковых, речевых и собственно текстовых средств, которые выполняют одну и ту же функцию в тексте. В соответствии с особенностями лингвистического исследования в работе принят ход от материала к заключениям о специфике жанра. Собственно лингвистический анализ служит основой аргументации всех функционально-стилевых наблюдений и выводов.

В качестве дополнительного методологического источника в работе использована концепция функционально-смысловых типов речи, основы которой заложены О. А. Нечаевой. Эта логико-лингвистическая теория используется для общей оценки целого текста очерка и его фрагментов, построенных как описание, повествование, рассуждение. Данные наблюдения ставятся в связь с категориально-текстовым анализом, что способно увеличить доказательность рассуждений о категориально-текстовой специфике очерков.

В нашем исследовании избран для анализа следующий набор текстовых категорий: детальному анализу подвергаются фундаментальные категории текста **тема** и **композиция**. Категории **хронотопа** и **оценочности** рассматриваются как вспомогательные и анализируются в связи с основными.

На собственно тематической основе очерки В. Пескова разделены на два субжанра: очерки о природе и очерки о человеке (портретные). Данное деление произведено на основе анализа тематических полей и тематических цепочек конкретных текстов. Несовпадение с традиционным субжанровым членением очерка объясняется более строгим соблюдением процедур текстового анализа.

Глава 2. Категория темы в жанре очерка

Данная глава содержит углублённую разработку категории темы в очерках В. М. Пескова. Задачей нашего исследования является установление особенностей экспликации категории темы в текстах очерков, выявление типичного тематического состава и закономерности функционирования данной категории.

2.1. Речевая специфика категории темы в очерках о природе

Наиболее общее тематическое деление очерковых текстов легко осуществляется на основе сравнения наиболее значимых предметных смыслов. Задав вопрос «О чем / ком этот текст?» и обобщив семантику полученных ответов, мы получаем возможность разделить текстовый материал на две разновидности: очерки о природе и очерки о человеке (портретные). Разумеется, это деление выполняется на основе доминирующей темы, сочетание названных тем возможно, но их соотношение будет иерархическим.

Сравнивая реализацию категории темы в названных субжанрах очерка, мы стремимся обнаружить типовые для них речетекстовые тематические проявления. На этой основе в дальнейшем можно определить и общежанровые особенности очерка.

Предварительное рассмотрение показало, что между этими двумя субжанрами есть различие по функционально-логической схеме целого текста. Очерки о природе – это обычно тексты, построенные на функционально-смысловой модели описания, для них характерна образность. В очерках о человеке описанием внешности ограничиться нельзя, они строятся на повествовательной основе. В данной главе этот вопрос не рассматривается, он освещается в главе 3.

Феномен природы носит всеобщий характер. Он важен для философов, географов, экологов, писателей, и все они пытаются осознать ее свойства, характеристики, взаимосвязь с другими явлениями.

В сфере философии «понятие природа имеет следующие основные значения: как “все сущее”, наряду с понятием материя, универсум, вселенная; как совокупный объект природоведения; как внечеловеческая реальность, все то, что противостоит человеку и с чем он сталкивается в процессе своей жизнедеятельности; как совокупность естественных условий существования человеческого общества (среда существования человека); как внутренняя закономерность, сущность вещей и явлений (природа электричества, природа психического и т.п.); как уникальное вместилище человеческой культуры» [Социально-философские проблемы экологии 1989: 129]. Из приведённого списка ясно, что природа – это не изолированное понятие, наблюдается корреляция с другими понятиями, такими, как человек, культура, социум.

Многие современные учёные исследуют феномен природы именно во взаимосвязях. Философ С. А. Волковинский выясняет, «насколько является целесообразным различие природоведения и гуманитарных наук на основе изучения природы как специфического предмета исследования природоведения» [Волковинский 2010: 26]. А. В. Слобожанин, С. А. Егорычева предполагают, что «богатое культурное наследие в сочетании с живописными природными ландшафтами являются хорошей базой для развития других видов туризма в регионе» [Слобожанин, Егорычева 2016: 218]. В географической и экологической сферах С. М. Говорушко собирает 66 географических карт, объединённых темой влияния человека на природу, и показывает распространение различных видов человеческой деятельности в Америке, Европе, Азии, Австралии, Океании и Африке; ученый отмечает, что влияние человека на природу – «сложная проблема, требующая решения множества экологических, экономических и социальных вопросов, однако это необходимо. В противном случае под угрозой может оказаться само существование человечества» [Говорушко 2016: 366].

Природа становится объединяющим началом в отношениях человека и окружающего мира, «чувство природы должно приобретать значение важнейшего компонента мировоззрения и особые задачи по его формированию будут возлагаться на процесс воспитания, при этом увеличится значение философского,

эстетического и особенно нравственного аспектов чувства природы» [Гурленова 2000: 13].

Тема природы особенно актуальна в очерках. В произведениях В. М. Пескова тема природы занимает 65% и предстаёт как «1. Окружающий нас материальный мир (органический и неорганический), все существующее на Земле, несозданное деятельностью человека. 2. Совокупность естественных условий и особенностей какой-л. местности (её рельеф, растительный и животный мир, климатические условия и т. п.) [БАС 2012: 424–426]. Все это – вне человека, но в прямой связи с человеком. Очеркист стремится представить читателям пейзаж, климатические условия, рельефные характеристики, растительный и животный мир определенного места в связи с проблемой гармонии между человеком и природой. Содержание очерков бесконечно разнообразно. Например, в очерке «В травяных джунглях» описываются повадки насекомых (Песков 2014, т. 2: 60–61); в очерке «Встреча с Байкалом» автор показывает священное, чистое и красивое озеро – Байкал (Песков 2014, т. 2: 58–59); в очерке «Лесная сказка» ярко описывается красивый осенний лес: (Песков 2014, т. 2: 37–38); в очерке «Полюс холода» автором характеризуются климатические характеристики Антарктиды (Песков 2014, т. 3: 158–159); в очерке «Ключи от Волги» очеркист представляет великую русскую реку (Песков 2014, т. 12: 51–54).

Тема текста о природе находит свое речевое выражение в тематической цепочке. Ее составляют два основных типа номинаций: базовая и дополнительные. Базовая номинация «может быть идентификатором по отношению ко всем номинациям цепочки, поскольку наиболее точно, и непосредственно обозначает предмет речи текста» [Матвеева 1990: 22]. Дополнительные номинации делятся на три типа: «**лексически новые**, в число которых входят синонимы базовой номинации, референтно тождественные номинации и таксономические номинации – обозначения родовых понятий по отношению к базовому; **трансформы** – различные преобразования базовой номинации, включающие свёрнутые и развёрнутые номинации, а также грамматически преобразованные обозначения;

субституты – неполнозначные вне контекста заместители базовой номинации – местоимения и т. п.» [там же: 22].

Как базовая, так и дополнительная номинация может повторяться в тексте несколько раз. «Наиболее частотная единица тематической цепочки, появляющаяся, помимо прочих, в ключевых местах текста, является основной номинацией» [там же: 23]. Также стоит упомянуть, что «с учётом последовательности размещения единиц тематической цепочки в тексте, номинация, открывающая цепочку, будет называться первичной, а все остальные – вторичные» [там же: 23].

Обратимся к анализу текстов с применением приведенной терминологии.

Очерк «В лесу, у станции Тригуляй...»:

*Особая тонкая тишина стоит в лесу после первого снега. Только дятел не боится разбудить сонное лесное царство. За версту слышна песня из его «кузницы». А это что за звуки? Очень тихая и невнятная песня. На согнувшейся под инеем рябине **стаяка снегирей** (знают, где спрятаны лесные гостинцы!). Спелыми яблоками висят **снегири** на белых ветках. Кажется, посланы **эти птицы**, чтобы нарядить лес, кажется, сама заря не пожалела красок для **этих спутников зимы и снега**.*

Скрипит морозная пороша под ногами, с веток за ворот сыплется колючий иней. Возле березняка наш «старшой» Владимир Сергеевич Бизюкин подал бинокль:

– Угадываешь?

*В запотевших стеклах мелькнули белые кружева берез и **угольно-черные пятна**.*

– **Косачи!**

*Да, больше десятка **тетеревов** встречали на придорожной березе солнце. До снега **они** паслись на земле. Теперь и **Ø** пасутся, и ночуют на березах. Подойти к ним на выстрел очень трудно. Обязательно заметит **старый вожак**, занявший самую вершину. Была бы санная упряжка – можно ехать в открытую. Лошадей **косачи** не боятся.*

*Чтобы не пугать **птиц**, повернули на боковую дорожку. **Тетеревиная стая** держится в двух-трех излюбленных местах леса. Когда навалит глубокий снег, **косачи** прямо с берез будут нырять в него на ночлег. Охотники еще вернутся к этим березам...*

Идем уже больше двух часов. Снег неглубок. За нашей шеренгой остается темная тропинка из сухих листьев. Даже лисица, перебежавшая дорогу, достала лапами до земли. По-прежнему тихо. Только дятел стряхивает иней с елочки.

В домике лесника пьем чай и обсуждаем план охоты. Встретивший нас егерь внимательно проверяет наши бумаги.

*Охотиться на **лосей** можно только по специальному разрешению. Лет тридцать назад в лесах средней России **лоси** перевелись почти полностью. В Подмоскovie егери их пересчитали по пальцам – 60 голов **Ø**. Теперь под строгой охраной **лосиное стадо** возобновилось. Недавно снова пересчитали **лесных красавцев** – 12 тысяч **Ø**. В одном только Подмоскovie 12 тысяч **Ø**! Много **лосей** развелось в Калининской, Ярославской, Рязанской, Тамбовской областях. Настолько много, что лесники подняли шум: «**Ø** Губят лес!» Справедливый сигнал. Пришло время регулировать **лосиное стадо**.*

Егерь раскладывает лесную карту, отыскивает на ней низину, поросшую осинником, и обводит ногтем квадрат:

– *Тут надо искать*. (Песков. В лесу, у станции Тригуляй. 2014, т. 2: 6)¹.

В приведённом фрагменте очерка раскрываются три подтемы: «Снегири», «Тетерева», «Лоси». Подтема «Снегири» эксплицируется при помощи следующих номинаций: (*стайка*) *снегирей* (а) – *снегири* (а) – *эти птицы* (б) – *этих спутников зимы и снега* (в). В схематическом виде эта тематическая цепочка выглядит следующим образом: А А б в.²

В качестве основы номинации темы выступает базовая номинация *снегири*, которая точно и прямо отражает объект фрагмента текста. Кроме этого, в цепочке используются дополнительные номинации, в том числе, таксономическая номинация *птицы* (б), которая указывает на родовую принадлежность *снегирей*, и перифраза *этих спутников зимы и снега* (г). В общем, в цепочке представлено три разных номинации (без повтора).

Тематическая цепочка второй подтемы «Тетерева» выглядит следующим образом: *угольно-чёрные пятна* (а) – *косачи* (б) – *тетеревов* (в) – *они* (г) – \emptyset^3 (д) – *к ним* (г) – *старый вожак* (е) – *косачи* (б) – *птиц* (ж) – *тетеревиная стая* (з) – *косачи* (б). Представим тематическую цепочку схематически: а Б в г д г е Б ж з Б.

Базовой номинацией является номинация *тетерева* (в), которая точно указывает на предмет текста, «тетерев – крупная птица отряда куриных» [ТСРЯПС 2011: 981]. Её синоним *косачи* (б) выступает в качестве основной номинации, которая повторяется в тексте 3 раза (чаще, чем другие номинации). В цепочке также представлены разнообразные дополнительные номинации, в том числе, референтно тождественные номинации: метонимия *угольно-чёрные пятна* (а), которая визуализирует образ птицы и описывает цвет тетеревов; перифраза *старый вожак* (е), который раскрывает структуру тетеревиной стаи; *тетеревиная стая* (з), которая отражает отношение «часть – целое»; субституты *они* (г), *к ним* (г); нулевая номинация \emptyset (д), и таксономическая номинация *птицы* (ж), которая указывает на

¹ Здесь и далее цветом выделены тематические номинации.

² Здесь и далее прописной буквой выделяется основная номинация текстовой цепочки. См. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990. С. 36.

³ \emptyset – Знак нулевой номинации. См. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990. С. 85.

принадлежность тетерева к роду птиц. В общем, тематическая цепочка данной темы демонстрирует разнообразие и чередование используемых номинаций при минимальном присутствии повторов.

Третья подтема «Лоси» эксплицируется следующим образом: *лосей* (а) – *лоси* (а) – *их* (б) – *60 голов* (в) – *лосиное стадо* (г) – *лесных красавцев* (д) – *12 тысяч* (е) – \emptyset (ж) – *12 тысяч* (е) – \emptyset (ж) – *лосей* (а) – \emptyset (ж) – *лосиное стадо* (г). В схематическом виде эта тематическая цепочка выглядит следующим образом:

А А б в г д е ж е ж А ж г.

В данной тематической цепочке также используются разные типы номинаций: базовая номинация *лоси* (а) – «крупное парнокопытное животное, семейство оленей с широкими уплощёнными рогами» [ТСРЯПС 2011: 416], выступает в качестве основной номинации, повторяется в тексте 3 раза и является первичной номинацией в цепочке. В составе дополнительных номинаций субститут *их* (б); метонимическая номинация (подтип синекдоха) *голова* (в) по отношению к лосям; референтно тождественная номинация: *лосиное стадо* (г), которая отражает отношение «часть – целое», и образная перифраза *лесных красавцев* (д). Заметно, что автор максимально снижает частоту повторения номинаций.

Все три тематические цепочки объединены как относящиеся к животному миру, живой природе данного места. Они скреплены локальным указателем *в лесу у станции Тригуляй*, вынесенным в заголовок текста.

Анализ текста очерка «В лесу, у станции Тригуляй» показывает разнообразие тематических номинаций: автор использует референтно тождественные, таксономические, синонимические, нулевые номинации, различные трансформы при сравнительно редком использовании субституты.

Подобная картина подтверждается результатами анализа и других очерков о природе. Докажем сказанное.

Так, в очерках о природе активно используются таксономические номинации, отражающие родо-видовые характеристики предмета текста. Рассмотрим следующий очерк:

ЗИМНИЕ КВАРТИРАНТЫ

В конце августа, когда потянулись к югу **птичьи стаи**, в открытую форточку нового дома в Москве залетели **две странные птицы**. Утром для **них** открыли окно – переночевали, теперь летите! Но **птицам**, видно, понравился большой пятиэтажный дом в Кожуховском переулке. Вечером в форточке опять раздалось хлопанье крыльев, и **гости** появились снова. А утром **они** неожиданно начали таскать в комнату прутики и травинки.

– Эге, да **они** зимовать собираются, и не как-нибудь, а в "своем доме", – сказал Иван Михайлович Молодкин и велел дочери принести в комнату "строительного материала".

Две лесные горлицы, отбившиеся, видно, от **стаи**, не теряли времени даром. Через несколько дней на старых часах появилось гнездо. И **горлинки**, совсем как весной, начали петь любовные серенады. Только стукнут часы семь раз, только засинеет окно после ночи, а в комнате уже начинается: "Тур! Тур!".

На дворе дожди, первый снег повалил, а в квартире весна – в гнезде над часами появились **два маленьких яичка**.

Однажды утром **яйца** треснули, и из гнезда выглянули **два беспомощных розовых существа**.

Росли **птены** быстро. Но **один** заболел какой-то детской болезнью и протянул лапки. Вся забота **родителей** доставалась теперь **одному**.

В один прекрасный день **птенец** почувствовал себя взрослым. **Он** выбрался на край гнезда и после некоторого раздумья совершил первый беспосадочный перелет: часы – спинка кровати. Потом **он** отважился слетать "на край света" – на спинку стула. Удачи окрыляют **Ø**. Отвернулись как-то **родители**, и **птенец** пустился в "межпланетный рейс": пырь в форточку – и был таков.

На дворе было тепло в этот день. Иван Михайлович и Галя долго искали **безумца**. Вывесили даже объявление в подъезде: "Кто увидит **горлинку** (далее следовали приметы), просьба доставить в квартиру № 16".

Осиротели **родители**. Но скоро в гнезде над часами опять появились два **птенеца**. **Эти** оба не перенесли болезни...

Однажды Галя заметила, как **старые горлинки** жадно клевали столетник. "Может, витамины нужны **птенец**ам?" – Иван Михайлович принес листики петрушки. **Горлинки** с жадностью набросились на зеленое крошево. Соком петрушки sprysнули пшеничную кашу, перетерли ее и дали **птенец**ам... **Одного** удалось спасти от странной болезни. **Он** вырос и теперь совершает регулярные рейсы по комнате наравне с родителями. А **родители** решили продолжить **птичий род**.

Для **этих новорожденных** Галя сразу организовала "специпитание". Три раза в день в широкие клювы **Ø** вкладывалась каша с соком петрушки и рыбьим жиром. Эксперимент удался. **Птены** выросли крепкими. Сейчас в квартире Молодкиных уже тесно от **пяти зимних квартирантов** – летают повсюду. **Лесные обитатели**, которым в зимнее время положено быть в теплых краях, благополучно перезимовали в Кожуховском переулке Москвы (Песков. Зимние квартиранты. 2014, т. 2: 28).

Основная тема данного очерка «Зимние квартиранты» представлена следующими номинациями: зимние квартиранты (а) – (пяти) зимних квартирантов (а) – лесные обитатели (б). Номинация зимние квартиранты (а) образно отражает предмет речи и находится в ключевых местах текста: в заголовке и в конце текста, образуя кольцевую композицию.

В данном очерке также можно выделить микротемы: «Две лесные горлицы» и «Потомство горлиц».

Обратимся к первой микротеме «Лесные горлицы», которая представлена следующими номинациями: *птичьи стаи* (а) – *(две) странные птицы* (б) – *них* (в) – *птицам* (г) – *гости* (д) – *они* (в) – *они* (в) – *(две) лесные горлицы* (е) – *стаи* (ж) – *горлинки* (з) – *родителей* (к) – *родители* (к) – *родители* (к) – *старые горлинки* (з) – *горлинки* (з) – *родители* (к). В схематическом виде данная тематическая цепочка выглядит следующим образом: **а б в г д в в Е ж З к к к З З к⁴**.

В данной микротеме в качестве базовой выступает прямая номинация (*лесные*) *горлицы* (е), которая появляется в цепочке только один раз, но четко указывает на описываемый предмет текста: название – горлица, «небольшая птица сем. голубиных» [ТСРЯПС 2011: 163], место обитания – лес. Основная номинация *горлицы* отодвинута от начала текста и имеет словообразовательный вариант *горлинки*, который повторяется трижды. Мы обнаруживаем также, что для различения взрослых горлиц и их потомства, автор использует номинацию *родители* (к), которая готовит читателя к восприятию следующей микротемы очерка. Номинация *родители* (к) появляется в тексте 4 раза.

Очевидно, что автор заменяет базовую номинацию разнообразными дополнительными номинациями, среди их таксономические номинации занимают важное место, так: *(две) странные птицы* (б), *птицам* (г), которые плотно располагаются в начале текста, и создают некоторую интригу для читателя.

Обратимся ко второй микротеме «Потомство горлиц», в которой используются следующие номинации: *два маленьких яичка* (а) – *яйца* (б) – *два беспомощных розовых существа* (в) – *птенцы* (г) – *один* (д) – *одному* (д) – *птенец* (г) – *он* (е) – *он* (е) – \emptyset (ж) – *птенец* (г) – *безумца* (з) – *горлинку* (и) – *птенца* (г) – *эти* (к) – *птенцам* (г) – *птенцам* (г) – *одного* (д) – *он* (е) – *этих новорожденных* (л) – \emptyset (ж) – *птенцы* (г). Данная тематическая цепочка выглядит следующим образом: **а б в Г д д Г е е ж Г з и Г к Г Г д е л ж Г⁵**.

⁴ Полужирным шрифтом выделяется таксономическая номинация

⁵ Полужирным шрифтом выделяется таксономическая номинация

В номинационной цепочке «Потомство горлиц» базовой номинацией *горлинка* (и), которая чётко указывает название общей темы текста, основной номинацией является таксономическая единица *птенец* (г). По количеству появлений в цепочке таксономические номинации имеют абсолютное преимущество и составляют 36% от всех номинаций. Отметим, что в данной цепочке автор чередует данную номинацию с другими типами номинации.

Обзор нашего материала показывает значимость таксономических номинациях. Они характерны для очерков о природе в целом, что соответствует конструктивному принципу информативности как характеристике публицистического стиля.

В некоторых очерках, посвящённых природе, в целях подчёркивания сходства и различия между разными животными и растениями, яркого выделения характеристики описываемого предмета текста, таксономические номинации используются вместе с художественным приёмом – сравнением, образной перифразой. Согласно общепринятому определению, сравнение – это образное сопоставление двух явлений, которое выделяет важный для говорящего признак объекта речи.

Рассмотрим следующий текстовый образец:

ОЛЯПКА

Мороз под сорок. Снег сначала по пояс, а в зарослях, к берегу ближе, – по самые плечи. Движеньё – со скоростью черепахи. Зато какая награда! На звуки нехитрой песни («Фью-цы-цы, фью-цы-цы!») дойдя до каньона речки Шульган, я вижу птицу, о которой много слышал и много читал, но первый раз встретил.

Оляпка... Птица сидит на покрытом инеем камне у водопада. Брызги воды ледяным бисером оседают вокруг ∅.

То ли по природной привычке, то ли от волнения, что видит рядом с собой человека, оляпка, как заводная игрушка, смешно приседает, сопровождая движения песней.

Оляпку зовут кое-где водяным воробьем. Но почему? Ни в облике, ни в повадках ∅ воробьиного нет ничего. Будь подлиннее хвост и будь оляпка крупнее телом, принял бы ее за дрозда. Но хвост у певуны напоминает хвостик крошки-крапивника – задорно торчком вздернут вверх. Изящен наряд у оляпки – куртка бархатно-черная, манишка белозной поспорит со снегом. И странно плясунья меняет форму: то похожа на шарик с головкой, а то вдруг становится веретенцем – точь-в-точь барсучок-поползень.

В веретенце моя знакомая обращается сразу, как только прыгает с камня на мокрую гальку и начинает проворно ворошить ее клювом. Охотясь за козявками и жуками, она забредает в речку. И вдруг, не замедляя резвых движений, ∅ уходит под воду.

Вода в текущем из пещеры Шульгане кристально чистая. Все же мне видно лишь темную тень оляпки и перламутровый шлейф из пузырьков воздуха, отмечающий ее бег под водой. Движенья ∅ те же, что были на отмели, и добыча ∅, как видно, та же: козявки, личинки. Но

вот попалась, кажется, рыбка величиною со спичку. С этой сверкнувшей на солнце добычей охотник выбежал из воды, порхнул на камень, и вот он уже превратился в **черный с белой отметиной шарик**. И \emptyset успокоенно задремал.

У меня от мороза онемел нос, руки не слушаются, фотокамеру, чтобы не отказала, держу за пазухой. Приятель мой наверху, над Шульганом, слышу, пляшет на месте – замерз. А оляпка после хождения под водой сладко дремлет.

Две птицы поражают воображение человека на зимнем холоде. Клест, который именно в это суровое время выводит птенцов, и оляпка, «по морозу ходящая в воду за пищей».

Оляпка не принадлежит к привычным для нас водным и водоплавающим птицам (гуси, утки, поганки), у нее на лапках нет перепонки. Оляпка, подобно дроздам, трясогузкам, скворцам, добывала когда-то свой корм на суше, предпочитая, как видно, берега речек. Забредая иногда в воду, она приспособилась постепенно полностью погружаться в нее. Оперенье оляпки приобрело необычайную плотность и обильно смазано жиром – тело птицы в воде остается сухим. Ноздри у птицы закрываются клапанами, а уши – складками кожи. Водолаз в полной форме!

И вот живет оляпка теперь исключительно у воды и лето, и зиму, выбирая потоки, не скованные морозом. Такую воду встретишь зимою только в горах и предгорьях. Но старики говорят, что жили оляпки раньше и на равнинах – у водяных мельниц. Возможно, этим объясняются редкие, удивляющие орнитологов залеты птичек в равнинную полосу.

В горах и предгорьях почти любая незамерзшая речка, любой ручей обжиты оляпками. Корма в воде на зиму \emptyset хватает едва. Потому вопрос территории для оляпки – наиважнейший. Зимует оляпка почти всегда в одиночестве, и лишь к весне ближе образуются на ручьях парочки.

Такое сообщество я и встретил в южноуральских предгорьях на речке Шульган. Птицы, кажется, отводили душу после долгого одиночества – покормившись, они носились впергонки над самой водой, повторяя все изгибы прихотливой речонки.

...До сих пор стоит в ушах скрип морозного снега, журчанье воды и веселая бодрая песенка «Фью-цы-цы! Фью-цы-цы!» – песенка водолаза оляпки (Песков. Оляпка. 2014, т. 14: 19–20).

Весь очерк связан с темой «Оляпка», которая эксплицирует следующие номинации: оляпка – птицу – о которой – оляпка – птица – оляпка – заводная игрушка – оляпку – водяным воробьем – оляпка – ее – певуньи – оляпки – плясунья – шарик с головкой – веретенцем – веретенце – моя знакомая – ее – она – \emptyset – оляпки – \emptyset – \emptyset – охотник – он – **черный с белой отметиной шарик** – \emptyset – приятель мой – оляпка – (две) птицы – оляпка – нее – оляпка – она – оляпки – птицы – водолаз – оляпка – оляпки – птичек – оляпками – оляпки – оляпка – птицы – они – водолаз – оляпки.

В качестве основной номинации темы выступает базовая номинация оляпка в ее различных грамматических формах, которые прямо отражают предмет текста и повторяются в тексте 18 раз (30% от всех 60 номинаций, причём номинация оляпка служит заголовком. Бесспорно, она занимает наиболее заметное место и выполняет значимую текстовую роль.

В данной тематической цепочке представлено 29 разных номинаций, в том числе метафорические: *заводная игрушка, шарик с головкой, веретенце, черный с белой отметиной шарик*; олицетворения: *певуньи, плясунья, охотник, водолаз*; субституты: *ее, он, они*; нулевая номинация. Так подтверждается вывод о разнообразии используемых номинаций и близости жанра очерка к художественному стилю.

Теперь сосредоточимся на анализе таксономических номинаций, которые преобладают среди дополнительных номинаций. На базе таксономической номинации *птица* организована начальная часть текста. Эта же номинация использована в концовке текста.

В текст очерка «Оляпка» важен прием сравнения, причем автор использует сравнение не столько с целью придания предмету речи выразительности, сколько с целью максимально подробно охарактеризовать птицу, рассказать об ее внешнем виде и повадках. Используемые сравнения оформляются разными способами: с помощью союзов и предлогов *подобно, как*: *оляпка, как заводная игрушка, смешно приседает, сопровождая движения песней; оляпка, подобно дроздам, трясогузкам, скворцам, добывала когда-то свой корм на суше, точь-в-точь барсучок-поползень*; сравнительной степени имени прилагательного: *будь подлиннее хвост и будь оляпка крупнее телом, принял бы ее за дрозда*; краткого прилагательного *похожа*, наречия *точь-в-точь*, конструкции с глаголом *становить* и существительным в тв.п.: *и странно плясунья меняет форму: то похожа на шарик с головкой, а то вдруг становится веретенцем*.

С целью избежать однообразия при реализации категории темы В. М. Песков часто использует нулевые номинации, под которыми понимаются «номинации, материально не выраженные, но по смыслу необходимые и восстанавливаемые за счет контекста» [Матвеева 1990: 23]. Нулевая номинация определяется как «пропуск другой формально выраженной и не может идентифицироваться отдельно от нее» [Ратегова 2018: 16]. Рассмотрим следующий текст:

ЛЕСНОЕ ЧУТЬЕ

Молодая **рысь** и три молодых **филина**. Разные **существа**. Лесная **кошка**. Лесные **птицы**. Но что-то есть общее в **их** облике, что-то характерное проявилось в момент, когда был наведен

объектив фотокамеры. Глаза \emptyset и уши \emptyset ... До предела расширенные глаза \emptyset и торчком стоящие уши \emptyset – вот что похоже. Мы видим момент, когда разные **существа** решают одинаковую задачу: бежать? нападать? затаиться? Мозг \emptyset жаждет безошибочной информации. Вот почему глаза \emptyset готовы выскочить из орбит, а ушки у **всех** на макушке. У человека в момент опасности зрачки тоже предельно расширены. В Африке я наблюдал за **слонами**: опасность – и уши у **зверя** превращаются в огромные одеяла, способные уловить звук сломанной спички.

Проходя лесом, мы не так уж часто видим **зверей** и **птиц**. Но это не значит, что нет в лесу жизни \emptyset . Множество глаз \emptyset наблюдает за нами, и много ушей \emptyset ловит звуки наших шагов, чтобы вовремя принять решение: бежать? Нападать? Затаиться? (Песков. Лесное чутье. 2014, т. 7: 85–86).

В тематической цепочке используются следующие номинации по отношению к основной теме «Лесные животные»: *рысь* (а) – *филина* (б) – *существа* (в) – *кошка* (г) – *птицы* (д) – *их* (е) – \emptyset (ж) – \emptyset (ж) – \emptyset (ж) – \emptyset (ж) – *существа* (в) – \emptyset (ж) – \emptyset (ж) – *всех* (з) – *слонами* (и) – *зверя* (к) – *зверей* (к) – *птиц* (д) – \emptyset (ж) – \emptyset (ж) – \emptyset (ж). Основная тематическая цепочка в схематическом виде выглядит следующим образом: а б В г д е ж ж ж ж В ж ж з и к к д ж ж ж⁶.

В данной цепочке прямая номинация, в данном случае с книжной стилистической окраской *существа* (в) – «живая особь, человек или животное» [ТСРЯПС 2011: 961], дополняется номинациями *птицы* и *звери*, которые объединяются в финальной части текста (*зверей и птиц*). Следующая ступень конкретизации – это названия конкретных животных: *рысь*, *филин*, *слон*. Таким образом, в тексте представлены три уровня семантической абстракции, что подготавливает читателя к обобщающей теме «Жизнь леса».

При этом в тематической цепочке целого текста нулевые номинации имеют количественное преимущество и составляют 43% от всех тематических номинаций. Использование нулевых номинаций позволяет уменьшить частоту повторения, делает текст более лаконичным и ясным, что соответствует характеристикам публицистического стиля.

В связи с наделением природы человеческими качествами мы также отмечаем, что в очерках о животных автор иногда даёт животному имя, и это имя обычно встречается в тексте много раз как основная номинация. Обратимся к следующему фрагменту:

⁶ Полу жирным шрифтом выделяется нулевая номинация

Сначала об этом **граче**. Зовут **его Гошка**. **Он** инвалид. **∅** Летать не может и потому приспособился жить возле людей. Люди работают во дворе, и **грач** деловито крутится под ногами, не упуская момента получить угощение. Я тоже решил угостить **Гошку** и вынес из дома два сухаря. **Гошка** ударил клювом. **∅** Убедился в твердости хлеба... Все, что я вслед за этим увидел, является сутью нашей беседы. **Гошка** схватил сухарь и резво заковылял по дорожке. Наверное, в запас **∅** хочет спрятать?.. Нет! **Гошка**, пройдя метров сто, кинул сухарь в тазик, из которого пили утки и куры. **∅** Кинул. Сейчас же **∅** достал. И **∅** съел теперь уже мягкий, разбухший хлеб.

Признаюсь, я бросил свои дела и, набив сухарями карманы, занялся **Гошкой**. **Гошка** понес к тазу второй сухарь. Но таза на месте теперь уже не было (я передвинул его далеко в сторону). **Грач** озадаченно покрутился и с сухарем в клюве пошел разыскивать воду. И **∅** нашел! Я заменил тазик противнем. Потом налил воду в собачью миску. Сделал лужицу на дорожке. Результат был всегда одинаков – **Гошка** находил воду и «доводил сухарь до съедобных кондиций».

А вот еще зримое доказательство, что «мозгами шевелят» не только люди. Посмотрите, как гуси приспособились добывать воду. (Снимок этот в селе Верхнее Санчелеево Куйбышевской области сделала школьница Оля Васильева и назвала его «Умные гуси». Великолепный пример наблюдательности и оперативности фотографа!) Особых пояснений снимок не требует. Можно только гадать, каким образом гуси поняли, что вода польется в лоток, если тронуть ручку этой, видимо, очень разболтанной колонки. Произошло ли это однажды случайно, а потом закрепилось в гусином мозгу? Или птицы «дошли до этого», наблюдая людей? Нечто подобное я узнал в Национальном парке Микуми (Танзания). Нам показали водопроводный вентиль, который ловко откручивал слон и подставлял бока струям воды. (Песков. «Умные гуси». 2014, т. 8: 99).

Обратимся к тематической цепочке начального фрагмента текста. Автор использует следующие номинации по отношению к теме «грач»: **граче** (а) – **его** (б) – **Гошка** (в) – **он** (б) – **∅** (г) – **грач** (а) – **Гошку** (в) – **Гошка** (в) – **∅** (г) – **Гошка** (в) – **∅** (г) – **Гошка** (в) – **∅** (г) – **∅** (г) – **∅** (г) – **Гошкой** (в) – **Гошка** (в) – **Грач** (а) – **∅** (г) – **Гошка** (в). Составим тематическую цепочку: а б **В** б г а **В В** г **В** г **В** г г г **В В** а г **В**⁷.

Базовая тематическая номинация **грач** (а) обобщенно отражает предмет текста (3 повтора); основная тематическая номинация: **Гошка** (в), которая является наиболее частотной, повторяется в тексте 8 раз, и занимает 40% от всех тематических номинаций. Употребление имени собственного в роли основной номинации является особенностью очерка о природе, и косвенно отражает близкие отношения между природой и человеком.

В отдельных случаях текст о природе имеет две тематические цепочки. Рассмотрим очерк «Урок для Юльки»:

⁷ Полу жирным шрифтом выделяется собственное имя.

УРОК ДЛЯ ЮЛЬКИ

Юлька Прусакова нашла **скворчонка**. **Птенец** был голый и головастый, с огромным ртом. Каким-то образом **скворчонок** вывалился из скворечника, и, если б не Юлька, быть бы **ему** в лапах у кошки.

– Ну что же с **ним** делать? – сказал Юлькин отец, держа на ладони **немощего птенца**.

Червяков, которых добыла Юлька, **скворчонок** глотать отказался. Скорее всего, **птенец** бы умер. Но Леонид Николаевич, отложив дела, полез на чердак, достал запыленную старую клетку и поселил в ней **скворчонка**. Клетку повесили прямо возле окна на березу, а когда вымыли руки и сели попить чайку, то увидели: на крик **найденныша** прилетели **два старых скворца**. Возможно, то были **родители**, а может, и **любая пара скворцов** готова усыновлять **пострадавших**. **Две птицы** на полчаса перестали летать к скворечнику и носили еду только в клетку. **Скворчонок** раскрывал клюв, просунув его между прутьев, и в рот **ему** попадали зеленые червяки, жуки и козявки, найденные тут же, в саду, на яблонях. Наглотавшись, **птенец** задремал, и только теперь **скворцы** стали таскать добычу в скворечник.

Весь день Юлька наблюдала в окно за жизнью **скворчонка**. Иногда отец, строивший после работы лодку, тоже садился к окну. **Скворцы** не боялись людей, и чем больше становился **птенец**, тем чаще **его** кормили. На ночь, чтобы **птенец** не замерз, отец снимал клетку и приносил в комнату, где спала Юлька. Утром всех в доме будили **скворцы**. **Они** садились у окна на березу и поднимали крик. **Птенец** отвечал **им** из комнаты. Юлька вставала, вешала клетку на дерево и садилась у окна наблюдать...

Это все рассказала бабушка Юльки, машинистка нашей редакции. Я поехал взглянуть на **скворчонка**. Мы сели с Юлькой на подоконник и стали ждать... За час восемнадцать раз садились **скворцы** на жердочку перед клеткой и клали в **раскрытый клюв** **Ø** гусениц и жуков. **Скворчонок** в клетке был теперь **почти взрослым скворцом**.

– У **него** только перья пока что серые, а не черные, – размышляла вслух Юлька. – Папа сказал, послезавтра пора выпускать **Ø**, **он** уже не погибнет...

Теперь Юлькин **скворец** уже на свободе, а это и есть счастливый конец маленькой житейской истории. Главное в ней – урок доброты. Юльке семь лет. В эту пору душа человека доверчива и открыта. Какое зерно уронишь – такое и прорастает (Песков. Урок для Юльки. 2014, т. 8: 96–97).

В данном очерке, используя повествование, автор рассказывает маленькую жизненную историю – Юлька и её семья спасают скворчонка. Спектр изображения природы очень широк, включая растения, животных, погоды, отношения между человеком и природой и так далее, здесь, мы сосредоточиваем внимание на скворчонке, спасение которого отражает отношения между природой и людьми, помогающими птицам и живущими в гармонии с природой.

Текст имеет две тематические цепочки: антропоцентрическую (Юлька Прусакова, Юлька с многократным повторением) и предметную с основной номинацией **скворчонок**. Здесь выделяется основная тема «Скворчонок» и второстепенная тема «Два старых скворца». В первой из них использованы следующие тематические номинации: **скворчонка** (а) – **птенец** (б) – **скворчонок** (а) – **ему** (в) – **ним** (в) – **немощего птенца** (г) – **скворчонок** (а) – **птенец** (б) – **скворчонка** (а) – **найденныша** (д) – **пострадавших** (е) – **скворчонок** (а) – **ему** (в) –

птенец (б) – скворчонка (а) – скворцы (ж) – птенец (б) – его (в) – птенец (б) – птенец (б) – скворчонка (а) – ∅(з) – скворчонок (а) – почти взрослым скворцом (и) – него (в) – ∅(з) – он (в) – скворец (ж). Буквенное выражение данной цепочки выглядит следующим образом: А б А в в г А б А д е А в б А ж б в б б А з А и в з в ж.

Мы обнаруживаем, что базовая тематическая номинация *скворчонок (а)* является первичной номинацией текста. Она же является основной номинацией, так как повторяется в тексте 8 раз и плотно представлена в начале и основной части текста.

Дополнительная тема «Две старых скворца» эксплицирована следующим образом: *два старых скворца (а) – родители (б) – любая пара скворцов (в) – две птицы (г) – скворцы (д) – скворцы (д) – они (е) – им (е) – скворцы (д).* Буквенное выражение данной цепочки выглядит следующим образом: а б в г Д Д е е Д.

В данной цепочке в качестве первичной выступает номинация *два старых скворца (а)*, которая первый раз появляется в третьем абзаце текста и способствует дальнейшему развитию сюжета – они кормят скворчонка. Базовая номинация *два старых скворца (а)* также является первичной номинацией текста.

В целом, для очерков о природе характерно разнообразие используемых тематических номинаций (особенно таксономических, образных синонимических). Отметим плотность и разнообразие предметной тематической цепочки и бедность антропоцентрической (всего две номинации). Из этого следует, что роль антропоцентрической цепочки – вспомогательная, строевая. На этом основании данный текст и причислен к очеркам о природе.

Категория темы в очерках о природе может эксплицироваться в опоре на категории времени и пространства.

Рассмотрим следующий очерк:

МНОГОЛИКОЕ ЛЕТО

Один и тот же календарь висит в избе подмосковного лесника, в юрте казаха и в доме на Диксоне. Всюду вчера наступило календарное лето. Отрывая листок, я подумал: лето при нашей большой земле не везде одинаково. Припоминая поездки, я мысленно побывал на крайнем юге и крайнем севере.

Помню слова туркмена: «Лето – когда пойдет кызыл-су». Кызыл-су – значит красная от размытой глины вода. Она идет, когда начинают таять снега на горах. В это время созревают хлеба, пестревшие цветами пески превратились в пустыню. Лето крайнего юга.

В это же время на крайнем севере солнце уже не прячется. Белые ночи. Тепло. Но в заливах еще синют льды. Весенние свадьбы у перелетных птиц. Первые корабли робко вышли из гавани. Но это скорее весна. Лето наступит дней через двадцать, когда тундру покроют цветы, когда чередой пойдут корабли. И можно будет купаться в маленьких прогретых солнцем озерах.

В Сибири приход лета для меня всегда связан с запахом дыма. Сушь. Начинают гореть леса...

К июню из Краснодара самолеты везут клубнику. В Молдавии созрела черешня. А в подмосковных лесах зацвели ландыши – безошибочная примета: пришло лето.

Странный июнь на Байкале. Кругом уже лето. А на озере лед. И холод такой, что ночью надо надевать шубу. Сопки кругом зеленые, а у воды кусты и деревья не смеют выбросить листья...

В лесах сейчас увидишь бесчисленные оттенки зеленого цвета. Все уже распустилось. Но не потемнело еще, не запылилось. Зелень надежно укрыла лесную жизнь. А жизнь к июню полна великого таинства. У птиц и зверей подрастает потомство. И где-нибудь на лесной тропинке вы можете неожиданно встретить лисенка или енота, которые послушали матери, отправились в одиночку бродить по зеленому миру.

Еще поет соловей. Но песен будет теперь все меньше и меньше. У всего живого в природе наступило время семейных забот.

А к людям пришла пора «великих миграций» – летние отпуска. Вчера мы целый вечер просидели с соседом над картой, выбирая для него речку, по которой лучше всего совершить путешествие на плоту (Песков. Многоликое лето. 2014, т. 6: 120–122).

В очерке «Многоликое лето» основой текста выступает динамическое описание, с помощью которого автор перечисляет серию изменений лета как природного явления. В интерпретации толкового словаря, слово «многоликий» имеет две значения: «1. о собрании, множестве людей, очень большой и разнообразный; 2. перен. то же, что многообразный» [ТСРЯПС 2011: 452]; слово «лето» обозначает «самое тёплое время года, следующее за весной и предшествующее осени» [там же 2011: 404]. Таким образом, заглавная номинация «многоликое лето» одновременно отражает категорию темы и категорию времени.

В данном очерке основная тема «Многоликое лето» эксплицируется при помощи следующих номинаций: (многоликое) лето (а) – календарное лето (б) – лето (в) – лето (в) – когда пойдет кызыл-су (г) – в это время (д) – лето (в) – в это же время (е) – лето (в) – когда тундру покроют цветы (ж) – когда чередой пойдут корабли (з) – лета (в) – к июню (и) – лето (в) – (странный июнь) (к) – лето (в) – сейчас (л) – к июню (и) – теперь (м) – время семейных забот (н) – пора «великих миграций» (о) – летние отпуска (п). В схематическом виде эта тематическая цепочка выглядит следующим образом: а б в в г д в е в ж з в и в к в л и м н о п.

Номинация *многоликое лето* (а), содержащая сему времени, выступает в качестве заголовка, отражающего сильную позицию текста, и является первичной номинацией. Базовая номинация *лето* (в) является основной номинацией темы, которые появляются в тексте 7 раз (чаще, чем остальные номинации), причем повторения проходят через весь текст, обеспечивая его целостность.

Общий принцип разнообразия и чередования разных номинационных типов также действует в данном типе очерка. Так, в тематической цепочке представлено шестнадцать разных номинаций, представленные разными способами: 1) временный показатель с именем прилагательным: номинация *многоликое лето* (а); номинация *календарное лето* (б), показывающая реальное время – лето; номинация *странный июнь* (к), которая представляет характеристику восприятия времени – *странный*, также отражает отношение «часть–целое» (июнь – часть лета). 2) временной показатель с предлогом: *к июню* (и), которая отражает отношение «часть–целое». 3) наречие с временным значением: *в это же время* (е), *сейчас* (л), *теперь* (м), относящиеся к лету. 4) перифразы: *когда пойдет кызыл-су* (г), *когда тундру покроют цветы* (ж), *когда чередой пойдут корабли* (з); *время семейных забот* (н); *пора «великих миграций»* (о); *летние отпуска* (п). В данном очерке тематические номинации одновременно выступают в роли временных указателей.

Обратим внимание на темпоральные и пространственные указатели в данном очерке. Лексические указатели: *календарное лето* (б), *лето* (в), *сейчас* (л), *теперь* (м); кроме лексических способов, для экспликации семантики времени автор использует придаточное предложение времени с союзным словом *когда*, например: *когда пойдет кызыл-су* (г), *когда тундру покроют цветы* (ж), *когда чередой пойдут корабли* (з).

Субъективное время в данном очерке представлено как художественное время: автор создаёт образ лета. Именно художественное время выдвинуто в заголовки очерка, что, несомненно, добавляет очерку поэтических и эстетических элементов содержания. Субъективное время отражает авторское восприятие (*странный июнь, время семейных забот, летние отпуска*).

Помимо тематической номинации (временного показателя) *лето* и её разных типов в тематической цепочке, мы обратимся к полю времени целого очерка: *Один и тот же календарь – вчера – отрывая листок – припоминая поездки, я мысленно побывал – помню – вода идет, когда начинают таять снега – созревают хлеба, пестревшие цветами пески превратились в пустыню – солнце уже не прячется – белые ночи – тепло – еще синеют льды – весенние свадьбы у перелетных птиц – первые корабли робко вышли из гавани – весна – дней через двадцать – можно будет купаться – всегда – запахом дыма – сушь – начинают гореть леса – самолеты везут клубнику – созрела черешня – зацвели ландыши – ночью надо надевать шубу – сопки зеленые – кусты и деревья не смеют выбросить листья – бесчисленные оттенки зеленого цвета – зелень надежно укрыла лесную жизнь – у птиц и зверей подрастает потомство – поет соловей – вчера – целый вечер.*

Мы обнаруживаем, что в данном очерке выражение категории времени осуществляется с помощью прямых показателей времени. Например: лексические единицы, обозначающие конкретные моменты или отрезки времени: *весна, целый вечер*; лексические единицы, обозначающие темпоральные отношения: *вчера; дней через двадцать; всегда*. Эти прямые временные показатели содержат сему времени и указывает базовые временные рамки текста, но наиболее употребительны описательные конструкции, которые читатель соотносит с заданными автором темпоральными рамками.

Для реализации оси категории времени также важна категория последовательности. В данном очерке несколько раз используется ретроспекция, осуществляемая разными способами. Используются глаголы, обозначающие воспоминание: *припоминая поездки, я мысленно побывал...; помню слова туркмена...; наречия, обозначающие прошедшее время: всюду **вчера** наступило календарное лето...; **вчера** мы **целый вечер** просидели с соседом над картой...* Помимо ретроспекции, проспекция реализуется в данном очерке при помощи глаголов и наречий, обозначающих будущее время. Например: *лето наступит **дней через двадцать**, когда тундру **покроют** цветы, когда чередой **пойдут** корабли. И можно **будет купаться** в маленьких прогретых солнцем озерах.* На

основе проспекции и ретроспекции обозначаются переходы к новому состоянию времени. При этом автор строит временной каркас текста в соответствии с логическим ходом мысли, что обеспечивает связность и целостность текста.

Кроме прямых темпоральных показателей, в данном очерке часто используются косвенные показатели. Это, прежде всего, описание природы, связанного с определённым временем: *вода идет, когда начинают таять снега; созревают хлеба, пестревшие цветами пески превратились в пустыню; солнце уже не прячется; белые ночи; тепло; еще синеют льды; весенние свадьбы у перелетных птиц; первые корабли робко вышли из гавани; запахом дыма; сушь; начинают гореть леса; созрела черешня; зацвели ландыши; сопки зеленые; кусты и деревья не смеют выбросить листья; бесчисленные оттенки зеленого цвета; зелень надежно укрыла лесную жизнь; у птиц и зверей подрастает потомство; поет соловей*. К ним присоединяется представление конкретных ситуаций, связанных с определённым временем: *когда чередой пойдут корабли; можно купаться в маленьких прогретых солнцем озерах; самолеты везут клубнику; к людям пришла пора «великих миграций» – летние отпуска*. Описание типичных природных явлений и типичных ситуаций отражает характеристику и уникальность лета как сезона (создает художественный образ времени), с другой стороны, держит категорию текстового времени.

Также существуют другие средства, косвенно отражающие категорию времени. Например: выражение *один и тот же календарь* не только буквально означает предмет – календарь, у него более глубокий смысл: одно и то же лето (рассчитывается по календарной дате), можно сказать, предмет *календарь* в данном контексте косвенно отражает отрезки времени. *Отрывая листок (календаря)* – это действие, в соответствии с общим жизненным опытом человека, означает, что прошел день, то есть, показывает течение времени. В итоге, разные косвенные временные показатели отражают статику и динамику времени текста.

Перейдем к реализации семантики пространства. В данном очерке пространственные показатели выступают в качестве композиционных вех, с помощью которых автор последовательно описывает особенности лета в разных

местах: лето на крайнем юге (первая микротема), лето на крайнем севере (вторая микротема), лето в Сибири (третья микротема), лето в Краснодаре (четвертая микротема), лето в Молдавии (пятая микротема), лето в подмосковных лесах (шестая микротема), лето на Байкале (седьмая микротема), лето в лесах (восьмая микротема). Такое развитие темы подтверждает как авторский замысел – *лето при нашей большой земле не везде одинаково*, так и основную мысль текста – *лето многолико*.

В данном тексте мы фиксируем следующие номинации в поле пространства: *в избе подмосковного лесника – в юрте казаха – в доме – на Диксоне – всюду – при нашей большой земле – везде – на крайнем юге – крайнем севере – туркмена – Кызыл-су – на горах – крайнего юга – на крайнем севере – в маленьких прогретых солнцем озерах – в Сибири – из Краснодара – в Молдавии – в подмосковных лесах – на Байкале – кругом – на озере – кругом – у воды – в лесах – где-нибудь на лесной тропинке – по зеленому миру*.

Пространственные маркеры представлены в каждом абзаце очерка, можно сказать, они проходят через весь текст, так что категория пространства играет важную вспомогательную роль в реализации темы текста.

В очерке В. М. Пескова, как и в большинстве публицистических текстов, ведущую роль играет объективное пространство, оно эксплицируется в тексте за счёт топонимов: *на Диксоне, Кызыл-су, в Сибири, из Краснодара, в Молдавии; на Байкале*; предложно-падежных конструкций с семантикой пространства: *в избе подмосковного лесника, в юрте казаха, в доме, при нашей большой земле; на горах, в маленьких прогретых солнцем озерах, в подмосковных лесах, на озере, на лесной тропинке, у воды, в лесах*; слов, обозначающих сторона света в географии (восток, запад, юг, север): *на крайнем юге, крайнем севере, крайнего юга, на крайнем севере*; наречий, имеющих значение пространства: *всюду, везде, кругом*. Пространственные номинации помогают характеризовать ядерное содержание темы текста.

Анализ категорий темы в связи с хронотопом очерка позволяет сделать вывод, что они, являясь неотъемлемыми составляющими текста, гармонично сочетаются

друг с другом, непосредственно определяют содержание и организацию очерка, а также влияют на выражение авторского замысла и создание художественного эстетического эффекта. Взаимосвязь данных категорий заключается в следующем: 1) имя темы (*лето*) имеет темпоральную семантику; 2) тематические номинации одновременно выступают в роли темпоральных указателей; 3) объективное и субъективное время реализуется за счёт разнообразных временных указателей текста и отражает авторское восприятие темы текста; 4) временной каркас текста строится за счёт прямых и косвенных временных показателей; 5) пространственные показатели текста выступают в качестве вводных единиц микротем текста.

Отдельно заметим, что в очерках о природе эстетическая функция пронизывает весь текст. Под эстетической функцией понимается «пробуждение и развитие эстетического чувства, умения воспринимать действительность по законам красоты, мыслить художественными образами; формирование у личности и общества эстетического идеала» [Русова 2004: 221]. Остановимся подробнее на средствах реализации этой функции.

Чтобы обеспечить разнообразие номинаций в тематической цепочке и ярко выделить характеристики описываемого объекта, автор часто использует метафорические номинации, основанные на переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений. В качестве образца использования метафор при экспликации категории темы отобрали следующий текст.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Осень продолжает чеканку новой монеты.

Все лето шумел в лесу праздник. Много было веселья, много песен спето. Пришло время расплатиться за праздник. Каждый хочет показать свою щедрость. Земли уже не видно от золота, а оно все летит и летит. У рябины нет золотых денег, зато кораллы... Повесила красавица ожерелье – всему лесу на диво.

Только прижимистый дуб жадничает. Держит листья на ветках. До сердитых морозов будет держать Ø а то и до зимы.

Собраны грибы. Их было много в этом году. Всем хватило: и людям, и маленьким лесным зверькам, и улиткам, и мошкаре. А мимо этого гриба все прошли: и люди, и зверьки, и козявки – поганый гриб. Растет он под яблоней. На самом виду растёт. Тянулся кверху гриб, все ждал: придет кто-нибудь. Нет, все прошли мимо.

Сыпались сверху спелые яблоки. Дробно стучали по крышке столика. Два яблока не упали на землю, а остались лежать на крышке. Шел по лесу фотограф, увидел гриб с яблоками: "Вот

чудо!" А рядом с яблоней хозяйничал дрозд на **рябине**, ронял на землю **коралловые бусы**. Взял фотограф **три красные бусинки**, положил рядом с яблоками...

Стоит на лесной поляне гриб-столлик. Ждет гостей. Если хотите поглядеть – поезжайте! Пройти к столлику очень просто. Вот лесной адрес: Усманский бор, рябиновая поляна возле старой вырубки, дикая яблоня. Под нею и стоит гриб. Только торопитесь, потому что не век же стоять грибу, устанет тонкая ножка. Или кабаны нагрянут. Кабаны неразборчивы. Вместе с яблоками съедят и гриб. Ничто не пропадает в лесу... (Песков. Лесная сказка. 2014, т. 2: 37–38).

В приведённом очерке метафорически выраженная тема «Лесная сказка» эксплицируется в разных аспектах, соответственно, выделяется несколько подтем, каждая из которых реализуется с использованием метафор.

Первая подтема связана с метафорой «лето – это праздник», за которым следует расплата. В части текста, связанном с первой подтемой «Листья», представлены следующие номинации: *монеты* (а) – *золота* (б) – *оно* (в) – *золотых денег* (г) – *листья* (д) – \emptyset (е). Составим тематическую цепочку данной темы: **а б в г Д е**.⁸

В тематической цепочке представлено шесть разных номинаций, в том числе три метафорические: *монеты* (а), *золота* (б), *золотых денег* (г), то есть, в количественном отношении метафорические номинации занимают важное место (50% от общего числа тематических номинаций). Мы обнаруживаем, что на основе сходства формы и цвета листьев, а также общей идеи расчета за праздник автор сопоставляет листья с новой монетой, золотом, золотыми деньгами и зелеными листьями дуба, что подчёркивает особые характеристики листьев осенью в лесу. Используя художественное описание, автор ярко изображает осенний лес: листья падают и покрывают землю, которая становится золотисто-желтой, только дуб держит зелёные листья на ветках.

Далее обратимся ко второй подтеме «Рябина», которая представлена следующими номинациями: *рябины* (а) – *кораллы* (б) – *красавица* (в) – *ожерелье* (г) – *рябине* (а) – *коралловые бусы* (д) – *три красные бусинки* (е). Составим тематическую цепочку: **А б в г А д е**.

В данной тематической цепочке в качестве основной номинации выступают базовая номинация *рябины* (а), которая прямо называет предмет текста. По

⁸ Полу жирным шрифтом выделяется метафора

определению словаря, рябина – это «дерево или кустарник разноцветных с собранными в кисти горьковатыми оранжево-красными плодами (ягодами), а также самые ягоды» [ТСРЯПС 2011: 847]. В данной цепочке используется четыре метафорических номинации, отражающие отношения «часть–целое»: *кораллы* (б) по отношению к гроздьям рябины, которые ярко отражают цвет гроздей рябины; *ожерелье* (г), с которым автор по форме и функции сравнивает гроздья рябины; *коралловые бусы* (д), *красные бусинки* (е) по отношению к ягодам рябины. В данной тематической цепочке представлено семь тематических номинаций, среди них четыре метафорических, что составляет 57% от общего числа номинаций.

Итак, при экспликации категории темы в данном очерке чередуются метафорические и стандартные номинации, при этом метафорические номинации имеют количественное преимущество и располагаются в ключевых местах текста. Они помогают выделить характеристики природы, делают описание более ярким, выразительным, оживлённым и интересным.

Помимо метафоры, эстетическая функция реализуется в этом очерке при помощи других стилистических приёмов. Так, используется олицетворение: *Все лето шумел в лесу праздник. Много было веселья, много песен спето. Пришло время расплатиться за праздник; тянулся кверху гриб, все ждал; А рядом с яблоней хозяйничал дрозд на рябине; стоит на лесной поляне гриб-столик. Ждет гостей; только торопитесь, потому что не век же стоять грибу, устанет тонкая ножка.* Отмечены эпитеты того же рода: *только прижимистый дуб жадничает.* Из стилистических фигур встретилась антитеза: щедрость (*Каждый хочет показать свою щедрость*) – жадность (*только прижимистый дуб жадничает*), причем противопоставленные единицы тоже реализуют идею олицетворения.

Таким образом, весь текст очерка построен на метафоре в широком смысле этого понятия, в нём употребляется чередование стандартных и выразительных (метафорических) номинаций, наряду с этим в очерке наблюдаются использование таких изобразительно-выразительных средств, как олицетворение, эпитет, антитеза.

Метафорические номинации также употребляется во многих других очерках. Рассмотрим следующий фрагмент очерка «Июнь»:

Ночью на той же поляне увидишь в траве (зелёные) огоньки. Владелец фонарика не так романтичен, как сам огонёк, – невзрачная маленькая козявка. Она не любит прикосновения и тушит огонь. Но возьмите светляка осторожно, маленький живой огонёк поможет разглядеть на часах стрелки и даже прочесть название на карте (Песков. Июнь. 2014, т. 5: 147).

В данном фрагменте очерка микротема «Светляк» представлена следующими номинациями: (зелёные) огоньки (а) – владелец фонарика (б) – огонёк (в) – (невзрачная маленькая) козявка (г) – она (д) – огонь (е) – светляка (е) – (маленький живой) огонёк (ж). Тематическая цепочка микротемы «Светляк» выглядит следующим образом: **а б В г д В е ж**⁹.

Базовая номинация – светляк (е) точно указывает на описываемый предмет: «жучок (а также его личинки и яйца), светящийся в темноте» [ТСРЯПС 2011: 861]. Основная номинация – метафорическая *огонь* и её словообразовательный вариант *огонёк*, которые появляются в тексте 4 раза (остальные номинации – 1 раз) и показывает свойства светляков: светятся в темноте, как огонь. Сравнивая светлячков с маленькими зелёными огоньками, автор создает яркий зрительный образ.

Отдельно отметим, что в составе метафорических номинаций особенно значимы олицетворения. Чтобы сократить дистанцию между человеком и природой, В. М. Песков наделяет природу человеческими качествами. Очеловечивается и неживая природа, и живые существа.

Обратимся к очерку «В травяных джунглях», в котором именно так представлены насекомые.

В ТРАВЯНЫХ ДЖУНГЛЯХ

В поисках трофеев фотографу необязательно отправляться в очень дальние странствия. Вот маленький пример: три снимка сделаны буквально под ногами. Надо было только лечь на лугу и присмотреться, что делается между стеблями "травяных джунглей".

Вот "божья коровка". Этот симпатичный жучок очень наряден в своей красной одежде. Белый с желтым цветок, туманная зелень травы – можете представить, как живописен был бы несложный сюжет на цветной пленке.

А это, узнаете? Солдатик. Настоящий трудяга этот солдатик. В двадцати сантиметрах от объектива он пытается приподнять какую-то невероятную тяжесть. В «травяных джунглях» он, наверное, слышит силачом – хоть и полчаса мучился солдатик, но все-таки он поднял и донес в своей лагерь вот это зерно...

⁹ Полужирным шрифтом выделяется метафора

Как и должно быть в джунглях, не все тут трудятся, не все пьют цветочный нектар и ищут сладкие семена. Есть и **кровопийцы**. Вот **один** из таких **душегубов**. Судя по одежде, в бога **Ø** верит – **Ø** носит на спине большой крест. Однако дела у **разбойника** совсем не божьи. Волосатыми лапами сплел **он** крепчайший бредень и развесил между былинками. От бредня пару сигнальных веревок **Ø** протянул кверху. **Сам** спрятался в скрученных желтых листьях, ждет, держится за веревку.

Сверкают на солнце нежные кружева, дрожит росинка на паутине. А вот и неосторожная муха! С размаху ударилась муха головой о бредень. Задергалась сигнальная веревка, выскочил из темной пещеры **разбойник** с ножом. Раз! И уже не трепыхается жертва. Но **разбойник** не голоден. **Ø** Скрутил муху веревками и оставил висеть про запас, а **сам** опять в темный угол. Как же выманить **его** на солнышко? Навожу аппарат и в место, где паутина погуце, кидаю комара... Ага, тут пахнет кровью. **Разбойник** пускает в ход ножик, вяжет узлы. Этого мне и надо. Успеваю два раза щелкнуть... (Песков. В травяных джунглях. 2014, т. 2: 60–61).

В приведённом очерке выделяется три микротемы: «Божья коровка», «Клоп-солдатик» и «Паук». Мы сосредоточиваем внимание на тематических цепочках в микротемах «Клоп-солдатик» и «Паук», в которых используется приём олицетворение; первая микротема – короткий фрагмент (всего две номинации).

Микротема «Клоп-солдатик» представлена следующими номинациями: *это* (а) – *солдатик* (б) – *настоящий трудяга* (в) – (*этот*) *солдатик* (б) – *он* (г) – *он* (г) – *силачом* (д) – *солдатик* (б) – **Ø** (е). Тематическая цепочка данной микротемы: **а Б в Б г г д Б е**¹⁰.

В качестве основной выступает антропоморфная номинация *солдатик* (б). Прием олицетворения используется также в номинациях *настоящий трудяга*, *силачом*. Антропоморфные номинации составляют 56% от общих номинаций.

Микротема «Паук» представлена следующей номинационной цепочкой: *кровопийцы* (а) – *один из душегубов* (б) – **Ø** (в) – **Ø** (в) – *разбойника* (г) – *он* (д) – **Ø** (в) – *сам* (е) – *разбойник* (г) – *разбойник* (г) – **Ø** (в) – *сам* (е) – *его* (ж) – *Разбойник* (д). В схематическом виде эта тематическая цепочка выглядит следующим образом: **а б в в Г д в е Г Г в е ж Г**.

В данной цепочке в целях экспликации микротемы «Паук» автор использует 7 тематических номинаций (с повторами в тематической цепочке 15 единиц), но интересно, что он ни разу не использует прямую номинацию субъекта – паук. Однако широко использован прием олицетворения: номинация *разбойник* –

¹⁰ Полу жирным шрифтом выделяется олицетворение

человек, который занимается разбоем, грабитель» [ТСРЯПС 2011: 789] повторяется в тексте 4 раза и выступает в качестве основной. При помощи олицетворения автор наделяет паука качествами разбойника и акцентирует внимание на повадке паука – плести паутину, чтобы схватить добычу; *кровопийца* – «жестокий, безжалостный человек, мучитель» [ТСРЯПС 2011: 381]; *душегуб* – это «убийца, злодей» [ТСРЯПС 2011: 221]; за счёт олицетворения автор переносит эти характеристики на паука.

В целях выделения характерных признаков и особенностей описываемого предмета текста автор часто реализует категорию темы за счёт перифразы – описательного обозначения предмета или явления.

Рассмотрим следующий очерк:

КОЕ-ЧТО О ХВОСТАХ

«Сорока на хвосте принесла», – говорим о некоторых новостях. Но почему на хвосте? Понаблюдайте как следует за сорокой и все поймете. Плиссированный, отливающий синевой хвост у нее всегда на виду. По хвосту и мерцающему движению крыльев вы всегда отличите сороку. Но вот из горизонтального полета она переходит в вертикальный нырок. Цирковой номер помогает ей сделать великолепный руль – хвост.

Роль балансира и руля выполняет хвост у многих животных, хорошо бегающих, – у лисы, волка, куницы, гепарда, тушканчика.

Для кенгуру и для дятла хвост – опора. Для обезьян и опоссумов – «пятая рука». На хвосте можно повиснуть и кормиться, пользуясь остальными руками. В Америке мы наблюдали, как опоссум, повиснув на хвосте головой вниз, спокойно спал в кроне дерева.

Белке пушистый хвост помогает планировать и парашютировать при неудачном прыжке.

У кита хвост – и мощный движитель, и весло, и оружие, разбиравшее в щелы лодки гарпуников, и угроза сопернику во время китовых свадеб.

Хвост у бобра – великолепное рулевое весло и сигнальный инструмент. Ударяя хвостом о воду, бобры оповещают друг друга: опасность!

У рыбы хвост и движитель, и руль-стабилизатор. Хвост у сома рыбаки называют плёсо.

Хвост у варана и крокодила – оружие, и серьезное. Крокодил сбивает хвостом у воды антилопу, вараны острова Комодо – небольшого оленя.

Для чего у лошади хвост, я понял однажды, когда шел по мещерскому лесу. В одночасье в весенних топях вдруг зазвенели полчища комаров. Спасался я, непрерывно помахивая пучком березовых веток. Подходя к лесному кордону, увидел черного мерина Мальчика. И как-то особо отчетливо понял назначение его хвоста. Хвост спасает от кровососов многих других животных.

В холодное время хвост помогает кое-кому согреться. Свернувшись калачиком, прячут в хвост чувствительные носы лайки, лисы, песцы.

Звуковым сигнальным снарядом хвост служит не только бобру. В американском штате Вайоминг, скрадывая мустангов, я вдруг остановился как вкопанный от странного звука, похожего на трещотку. Об этом звуке я знал. И, оглядевшись, обнаружил того, кто сигналил: не приближайся! На каменистой земле под сухим можжевельником лежала змея, гремевшая хвостиком. Птица бекас, пикируя с высоты, расправляет тугие перья хвоста – блеет барашком. Это брачная песня бекаса.

Хвост может служить также **сигналом зрительным**. Белый кончик **хвоста** лисица использует, чтоб сбить с толку преследователя, – махнет **хвостом** в одну сторону, а повернет в другую. Такое же назначение черной кисточки на **хвосте** горностая. Белого зверька на снегу не просто заметить. Ястреб или канюк в поле зрения держит черный кончик **хвоста**. Но горностаю умело пользуется **этой отвлекающей меткой**.

И все же именно **хвост**, особенно длинный, попадает в зубы преследователю. Ну что же, в крайнем случае можно частью **хвоста** пожертвовать. Так поступают ящерицы и некоторые мыши.

Положение **хвоста** у многих животных служит **показателем их нервного состояния**. Подергивание кончика **хвоста** у льва означает крайнюю степень возбуждения и обычно предшествует решительному прыжку. **Хвост** трубой у собаки – **демонстрация смелости и бесстрашия**. А **хвост** поджала – боится. Положение **хвоста**, его движение – **сложная азбука собачьего языка**, выражающая много всего: состояние организма в данный момент, страх, любопытство, дружелюбие, злость.

Бородавочки в травянистых зарослях Африки бегают, подняв, **как антенны**, **длинные хвосты с кисточкой** – так легче в семейной группе не потеряться. Семейство одного из видов землероек передвигается, образовав живую цепочку, – сзади бегущий держится за **хвост** переднего.

У крысы **хвост** – и **руль-балансир**, и **чувствительный инструмент для ориентации**. И наблюдали любопытные случаи: сметливые крысы пользовались **хвостом** для добывания пищи. Одна опускала **хвост** в посуду с оливковым маслом, а другая его облизывала.

Ну и конечно, **хвост** – **замечательная игрушка**. Понаблюдайте, с каким азартом котенок охотится за кончиком своего **хвоста**. Молодые львята любят играть **хвостом** папаши. Есть у меня снимок: игривая зебра зубами тянет за **хвост** слона.

В живой природе **хвост** – **инструмент очень распространенный**. В школьном учебнике по биологии помню рисунок – **хвостатый мальчик**. **Это явление атавизма** указывает на отнюдь не божественное происхождение «царя природы». Когда-то очень давно прародителям человека **хвост** был нужен, как нужен сегодня он многим нашим братьям по жизни (Песков. Кое-что о хвостах. 2014, т.17: 30–31).

Основой темой приведённого очерка является «Хвост», эта тема представлена следующими номинациями: **хвостах – хвосте – хвосте – хвост – хвосту – великоленный руль¹¹ – хвост – балансира – руля – хвост – хвост – опора – пятая рука – хвосте – хвосте – хвост – хвост – мощный движитель – весло – оружие – хвост – великоленное рулевое весло – сигнальный инструмент – хвостом – хвост – движитель – руль-стабилизатор – хвост – плёсо – хвост – оружие – хвостом – хвост – хвоста – хвост – хвост – хвост – хвост – звуковым сигнальным снарядом – хвост – хвоста – хвост – сигналом зрительным – хвоста – хвостом – хвосте – хвоста – хвост – хвоста – хвоста – хвоста – показателем их нервного состояния – хвоста – хвост – демонстрация смелости и бесстрашия – хвост – хвоста – сложная азбука собачьего языка – антенны – длинные хвосты с кисточкой – хвост – руль-балансир – чувствительный инструмент для**

¹¹ Полу жирным шрифтом выделяется перифраза

ориентации – хвост – хвост – замечательная игрушка – хвостом – хвост – хвост – инструмент очень распространенный – хвост.

В данном очерке категория темы реализуется при помощи первичной номинации *хвост* в её различных грамматических формах. Лексема *хвост* выступает в качестве базовой и основной номинации, которая точно показывает предмет очерка и повторяется в тексте 44 раза. Плотность расположения номинации *хвост* очень велика и удерживается автором во всем теле текста.

Эстетическая функция в очерках о природе реализуется за счет использования таких стилистических приемов, как метафора, олицетворение, эпитет, перифраза, антитеза, что позволяет избежать однообразия, создать выразительную, живую картину природы.

Итак, своеобразие экспликации категории темы в очерках о природе заключается в следующем.

В составе тематических цепочках часто используются разнообразные типы номинаций, особенно активны синонимы и референтно тождественные, таксономические номинации. Высока частотность употребления нулевых номинаций. Редко используются субституты. Тематическая цепочка очерка о природе, как правило, носит объективно-предметный характер. Наличие Я-темы в этом субжанре факультативно.

Категория темы может эксплицироваться с помощью указателей времени и пространства, что характерно для такого имени темы, которое имеет темпоральный компонент лексического значения.

С целью реализации эстетической функции в наборе тематических номинаций широко используются изобразительно-выразительные средства (метафоры, олицетворения, перифразы). Так обеспечивается разнообразие номинаций и достигается яркость и чёткость изображения предмета речи. Это хорошо согласуется с описательной моделью целого текста данной жанровой разновидности.

Разнообразие используемых способов экспликации категории темы свидетельствует о высоком творческом уровне текстов и демонстрирует положение

жанра очерка в зоне пересечения публицистического и художественного функциональных стилей.

2.2. Категория темы в очерках о человеке (портретных очерках)

В творчестве В. М. Пескова портретные очерки (очерки о человеке) занимают важное место.

Антропоцентризм – одно из актуальных понятий в гуманитаристике, «Человек – венец творения», «человек – центр Вселенной» [Шалаев 2014: 93], по мере развития общества население Земли увеличивается, так что нет никаких сомнений в том, что люди постепенно становятся центром мира [см.: Тагиров 2015].

Очерки, посвященные человеку, традиционно относятся к портретным очеркам [см.: Тертычный 2017]. «Портретный очерк требует поиска внутренней драматургии характера, акцента на переломных периодах жизни персонажа, многостороннего анализа его личности, мастерства детали и художественного описания» [Матвеева 2003: 215]. Термин *портрет* в словаре толкуется так: «1. Изображение человека на картине, фотографии, в скульптуре. 2. перен. Художественное изображение, образ литературного героя» [ТСРЯПС 2011: 701]. В нашей работе мы берём переносное значение лексемы «портрет» – художественное изображение героя.

В очерках о человеке с целью изображения героя В. М. Песков не только сухо перечисляет достоинства героя или описывает внешность персонажа, но и часто повествует о конкретном эпизоде из жизни героя. Автор, описывая жизнь, работу и другие аспекты жизни героя, прямо или косвенно отражает его черты характера и положительные качества: трудолюбие, доброту, отзывчивость, скромность и т. п., чтобы создать живой образ героя в качестве образца для читателей.

Очерки о человеке как важная часть творчества В. М. Пескова имеют значительный потенциал исследования. Обратимся к анализу особенностей экспликации категории темы в портретных очерках.

Герои портретных очерков – это как выдающиеся, так и самые обычные люди. В. М. Песков – один из первых журналистов, кто писал о *Юрии Гагарине*, *Валентине Терешковой*, *Германе Титове* и других космонавтах В очерке «Первые минуты» автор вспоминает, как ровно десять лет назад он впервые встретился с Юрием Гагариным, и описывает первое впечатление об Юрии Гагарине: *худенький, невысокий майор <...> так хорошо, так дружески улыбнулся*, потом они вместе играли в бильярд, разговаривали; автор приходит к выводу, что *гагаринской сердечности, доброты, уважения к людям хватит на всех* (Песков. Первые минуты. 2014, т. 8: 78–79). В. М. Песков пишет не только о космонавтах, но и о других известных людях, например, в очерке «Москву отстояли» изображён маршал Георгий Константинович Жуков – герой обороны столицы, маршал Победы (Песков. Москву отстояли. 2014, т. 8: 147–149).

В то же время героями очерков становятся и обычные люди, люди труда. В очерке «Семья принимает экзамен» автор изображает одну интересную семью, возраст ее членов от тринадцати до пятидесяти четырёх, у них одна профессия – трактористы, все будут принимать участие в экзамене на тракториста в один день, также они все трудолюбивые, умные и бодрые (Песков. Семья принимает экзамен. 2014, т. 2: 11–12). В очерке «Наш корреспондент» изображается рабочий, его зовут Усов Сергей, он работает калибровщиком на заводе электрических аппаратов. Автор описывает не только мастерство Сергея, но и черты его характера: *всегда поможет, весёлый, принципиальный, друг настоящий* (Песков. Наш корреспондент. 2014, т. 3: 19–20).

Принцип разнообразия тематической цепочки как признак публицистического стиля, несомненно, действует и в очерках о человеке. Однако, как показывает анализ, в общем состав тематических номинаций в портретных очерках по богатству и образности несколько беднее, чем в очерках о природе.

Обратимся к проанализированным текстам. Например:

КАКАДУРДЫ – СЫН ГОР

Ему семнадцать лет. Я спросил **его**, где **он** живет. **Какадурды** плохо знает русский язык, но вопрос понял.

– Вот, – раскинул он руки в стороны и улыбнулся белозубым ртом. Я тоже понял. Дом **Какадурды** – это вот эти горы, древние, морщинистые утесы с темными пятнами арчи у вершин и белыми букашками овец на склонах. Подошел старый чабан, и мы разговорились.

Какадурды недавно пришел к отаре. Но старые чабаны с белыми, как полотенца, бородами и лицами, словно вырезанными из черного дерева, разговаривают с ним, как с равным. **Хороший чабан Какадурды!** С детства полюбил он горы. ∅ Знает, где текут ручьи с ледяной водой, знает, где в горах искать соль и дневную прохладу для овец. Метко стреляет **Какадурды** по волкам, не дрогнет у него рука и прирежет раненого барана. И пастушью кухню знает **Какадурды**. Шурпа в его котелке – губы оближешь. Чурек – такой испечет разве только сам старый Азис Рамазанов, исходивший со стадом все долины Копет-Дага. Очень вкусно умеет готовить **Какадурды** мясо, а для гостей из родного аула у него всегда наготове душистый кок-чай, и в каждом ручье набираются холодом спрятанные на дно арбузы.

Умеет беречь скот **Какадурды**. С овец его отары лучшая шерсть. И еще есть за что любить старым чабанам **Какадурды**: **веселый он парень**. ∅ Много песен знает. У вечернего костра умеет слушать стариков, но и сам начнет рассказывать или книжку достанет, не заметишь, как звезды поблекнут и утро придет из-за гор. **Хороший чабан Какадурды Мурадов!** (Песков. Какадурды – сын гор. 2014, т. 1: 81).

Анализ категории темы в очерке «Какадурды – сын гор» показывает, что основная тематическая цепочка связана с персонажем текста – Какадурды. В тексте успешно создается образ умного, трудолюбивого, весёлого героя.

Основная тема «Какадурды» эксплицируется за счёт следующих номинаций: **Какадурды** (а) – **сын гор** (б) – **ему** (в) – **его** (в) – **он** (в) – **Какадурды** (а) – **он** (в) – **Какадурды** (а) – **Какадурды** (а) – **хороший чабан** (г) – **Какадурды** (а) – **он** (в) – ∅ (д) – **Какадурды** (а) – **Какадурды** (а) – **Какадурды** (а) – **у него** (в) – **Какадурды** (а) – **Какадурды** (а) – **веселый парень** (е) – **он** (в) – ∅ (д) – **хороший чабан** (г) – **Какадурды Мурадов** (ж). Схематически данную тематическую цепочку можно представить следующим образом: А б в в в А в А А г А в д А А А в А А е в д г ж.

Полное личное имя **Какадурды Мурадов** прямо указывает на героя очерка, появляется в тексте только один раз, но в сильной позиции конца текста (в последнем восклицательном предложении). Данный прием позволяет акцентировать внимание на персонаже, придать ему значимость. В портретном очерке полное имя героя часто выступает как базовая номинация.

В качестве основной номинации выступает свёрнутая номинация **Какадурды** (а), которая проявляется в тексте 10 раз (это 42% всех номинаций). Свёрнутая номинация **Какадурды** (а) используется впервые в заголовке как сильной позиции текста, затем проходит через весь текст, выстраивая сквозную линию, удерживающую тему текста.

Автор использует ряд дополнительных номинаций темы «Какадурды», среди них референтно тождественные номинации: образная перифраза *сын гор* (б), которая основана на переносе значения, входит в состав предиката заголовка, т.е. находится в сильной позиции текста. Перифразы *хороший чабан* (г), *весёлый парень* (е) содержат оценочные признаки, с помощью которых успешно создается позитивный образ героя. При этом лексема *чабан* указывает на социальную роль Какадурды – пастух, лексема *парень* указывает его пол – мужчина, возрастной диапазон – молодой. Также в состав номинационной цепочки входят субституты: номинация *он* (в) в различных грамматических формах *ему* (в), *его* (в), *у него* (в); используется также нулевая номинация \emptyset (д).

В то же время, по сравнению с типичной тематической цепочкой в очерках о природе, состав тематической цепочки о человеке явно беднее. Сопоставим два очерка по количеству разных тематических номинаций: в данной рассмотренной выше цепочке представлено 7 разных номинаций, а в очерке «Оляпка» 29 разных номинации; в очерке «Кое-что о хвостах» о теме *хвост* 25 разных номинаций (см. параграф 2.1.).

Также обратим внимание на количество образных номинаций. В очерке о Какадурды используется одна образная номинация: *сын гор*, а, например, в очерке «Лесная сказка», в цепочке, связанной с микротемой «Листья», используются 3 образных номинации: *новые монеты*, *золото*, *золотые деньги*; в цепочке микротемы «Рябина» – 4 образных номинаций: *кораллы*, *красавица*, *ожерелье*, *коралловые бусы*. Можно сделать предварительный вывод: степень разнообразия тематических номинаций, в частности, образных, в очерках о человеке в большинстве случаев ниже, чем в очерках о природе.

Обратимся теперь к оценочности тематических номинаций. С оценочностью связано отражение авторского представления о положительном или отрицательном содержании описываемого явления. В данном очерке с помощью открытых оценочных слов и оборотов (*хороший чабан*) В. М. Песков передаёт положительную оценку героя текста и влияет на адресата. Следует, однако, заметить, что читатель получает оценочную идею автора не только в открытом

виде, но и за счёт позитивных объективно-логических характеристик и фактов о герое текста (например: *раскинул он руки в стороны и улыбнулся белозубым ртом; очень вкусно умеет готовить Какадурды мясо; умеет беречь скот Какадурды*). На этой основе читатель самостоятельно выводит свою оценку героя, соглашается с авторской оценкой героя текста (*хороший, весёлый*).

Сочетание категорий темы и оценочности типично для портретного очерка, приведём ещё один пример:

МОТЯ ТРЕЩЕВА – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В будничном платье, в косынке горошком Мотя Трещева выглядит совсем не героиней рядом со сверкающей лаком недавно купленной председательской «Победой».

Представьте большое колхозное хозяйство – сотни гектаров посевов, животноводческие фермы. И все это в крайне запущенном состоянии. За два года в хозяйстве сменилось пять председателей. В селе Гамзине перестали верить, что местный колхоз можно «поставить на ноги».

Комсомолка Мотя Трещева могла, конечно, отказаться от ответственной должности председателя колхоза, сославшись на трудности: не дело, мол, взваливать на девичьи плечи такую заботу. Однако молодой агроном не только согласилась быть в числе тридцатитысячников, но попросила направить её председателем именно в этот трудный колхоз.

Прошло два года. На областной сельскохозяйственной выставке в Белгороде среди фотографий передовиков сельского хозяйства я увидел знакомое лицо. Мотя Трещева! Под портретом подпись: лучший председатель колхоза Борисовского района.

За два года комсомолка Мотя Трещева не только поставила колхоз на ноги, но и сделала его передовым в районе. Можно перечислить многие производственные показатели хозяйства: в четыре раза увеличились надои молока, вдвое повысилась урожайность полей, выстроены новые животноводческие помещения.

– На каждом столе у нас теперь белый хлеб, сало. Молоко, что называется, рекой льется, – коротко определяют рост жизненного уровня сами колхозники.

Были и тайные слезы отчаяния, когда Я чувствовала себя совсем беспомощной, были минуты ликования, когда, казалось, невыполнимая задача, наконец, решалась.

– В этом радость жизни, – говорит Мотя, – бороться и побеждать!

Вот один короткий эпизод из богатой и содержательной жизни комсомолки за эти два года. Колхоз впервые решил выращивать кукурузу. Преодолев большое сопротивление некоторых маловеров, посеяли. Пришла пора обработки посевов. Машин нет. «Накрылась кукурузка», – усмехались злопыхатели.

– Я первая берусь обработать два гектара. По два гектара получит каждый член правления, каждый работник бухгалтерии и каждый колхозник, – заявила Мотя.

Кукуруза была спасена...

В этом эпизоде – вся Мотя Трещева, умная, расчетливая хозяйка, по-комсомольски горячая и упрямая, преданная делу, которое ей поручила партия. (Песков. Мотя Трещева – председатель. 2014, т. 1: 30–31).

В очерке «Мотя Трещева – председатель» рассказывается об умной, трудолюбивой комсомолке, которая стала председателем колхоза. Основная тема «Мотя Трещева» эксплицируется при помощи следующих номинаций: *Мотя*

Трещева (а) – председатель (б) – Мотя Трещева (а) – комсомолка (в) – Мотя Трещева (а) – молодой агроном (г) – её (д) – председателем (б) – передовиков сельского хозяйства (е) – знакомое лицо (ж) – Мотя Трещева (а) – лучший председатель колхоза Борисовского района (з) – комсомолка (в) – Мотя Трещева (а) – ∅ (и) – Мотя (к) – комсомолки (в) – я (л) – Мотя (к) – Мотя Трещева (а) – умная, расчётливая хозяйка, горячая и упрямая, преданная делу (м) – ей (н). Схематически изображенная тематическая цепочка выглядит следующим образом: А б А в А г д б е ж А з в А и к в л к А м н¹² о.

Обратим внимание на номинации, в которых сочетается категория темы и оценочности: *передовик (е), лучший председатель колхоза Борисовского района (з), умная, расчётливая хозяйка, горячая и упрямая, преданная делу (м).* Эти номинации выражают авторскую оценку героини.

С целью экспликации категории оценочности автор не только использует тематической цепочке слова с положительной семантикой, например: *лучший председатель колхоза Борисовского района; умная, расчётливая хозяйка; горячая и упрямая, преданная делу*, но и другие способы. В тематическом поле текста использовано много единиц с оценочным компонентом значения. Это фразеологизм *поставить на ноги* (*за два года комсомолка Мотя Трещева не только поставила колхоз на ноги, но и сделала его передовым в районе*); оценочный стандарт *передовик сельского хозяйства* (*На областной сельскохозяйственной выставке в Белгороде среди фотографий передовиков сельского хозяйства я увидел знакомое лицо. Мотя Трещева*). Также в тексте содержатся содержательно-событийные фрагменты, связанные со скрытой оценочностью, которая прочитывается на основе социального опыта адресанта и адресата текста, например: *в четыре раза увеличилось надой молока, вдвое повысилась урожайность полей, выстроены новые животноводческие помещения.* В данном фрагменте очерка представлены достижения Моти Трещевой как председателя колхоза; на базе слов с количественными и результативными семами выражается социальная и авторская положительная оценка героини.

¹² Полужирным шрифтом выделяется номинация с оценочностью.

Итак, номинации, в которых присутствует оценочность, являются типичными для очерков о человеке. Они необходимы для выражения авторской позиции и воздействия на адресата.

Обратимся к анализу типов номинаций в тематической цепочке «Мотя Трещева». Собственное имя *Мотя Трещева* является первичной номинацией, которая появляется в заголовке очерка как сильной позиции текста. Номинация *Мотя Трещева* является базовой номинацией, которая дает полное представление о персонаже. Заметим, что этот антропоним включает в себя не официальное личное имя Матрена, а его «домашний» синоним *Мотя*, что важно в плане воздействия. В тексте номинация *Мотя Трещева* выступает в роли основной номинации, которая повторяется в тексте 6 раз, чаще других номинаций, и располагается во всех ключевых местах текста (в заголовке, начале и конце очерка).

Обобщая наблюдения, предварительно можно сделать вывод, что в портретном очерке ведущую роль в составе тематических номинаций собственное имя персонажа.

Значимость собственных имен в портретных очерках показывает анализ очерков с несколькими тематическими цепочками (основной и дополнительными). Покажем это на примере двух следующих очерков.

СОЛНЦЕ НАД ШАХТОЙ

*Хорошо греет весеннее солнце. Перед сменой можно не идти в конторку, а присесть на кучу старых досок у копра и глядеть в степь. Облака... Осенью они чуть не задевали за копер, а сейчас плывут высоко и тают. А вон то большое наверняка доплывет до родного села. Может, и друзья посмотрят на это облако. Они, наверное, думают: где ему шахту строить! Так, где-нибудь **разнорабочим**...*

*Робким был **Иван** в деревне. И потому, видно, больше всех завидовал **колодезнику Степану**, **бесстрашному человеку**...*

***Иван** улыбнулся от нахлынувших воспоминаний детства. Интересно, что бы сказали ребята, да и **сам дядя Степан**, взглянув сейчас на Иванову работу. Не какой-нибудь колодец, а самую глубокую в Донбассе шахту строит. И профессия **у него** гордая – **горняк**. Это тот, пояснил бы **он** ребятам, что самым первым в глубь земли идет. Конечно, по работе **он** пока не самый первый. Вот **Виталия Ефременко** тут «стариком» зовут. Это за мастерство, а по годам-то **он** не намного старше **Ивана**. Или **Зиновий Загрейчук** – **сильнейший «глубинник»!** **Иван**, правда, от них не отстает. Вместе с ними **его** недавно и похвалили. Так и записали в приказе: **молодому горняку Ивану Зайцеву** объявить благодарность.*

*Конечно, трудная профессия **горняка**, особенно если работать тут вот, на «**Марии Глубокой**». Одна вода чего стоит! Правда, вода тут теплая, как парное молоко. Сначала **Иван** не понимал, отчего это.*

– Глубоко забрались **мы**. Изнутри земля греет, – объяснил **Винувий Загрейчук**. – А вот когда спустимся до глубины 1200 метров – там температура за сорок. Ученые специальные охладители придумывают.

Теперь уже шесть угольных пластов прошли на «Марии Глубокой». Тут кончим – другую шахту начнем строить. Сколько их, новых, в Донбассе...

«А хорошую ли **я** все-таки себе профессию выбрал? – думает **Иван**, глядя на уплывающие облака. – **Ø** Неба не вижу, водяные капли часто за спину ползут, метан опять же...». И опять вспоминается **дядя Степан**. За что **его** так в деревне любили? Смелый **он** был. Но за смелость – это **его** ребяташки больше. А вот взрослые?..

«Да ведь **Степан** к воде путь прокладывал, а воду в степном селе умели ценить... А **я** вот к теплу путь прокладываю. Это тоже людям очень нужно. А облака... Правительство вон закон издало, чтоб под землей **человек** был только шесть часов. Заботится, чтобы и небо и солнце шахтер видел...»

Иван подставляет лицо теплу ветру и, звонко хлюпая по непросохшим лужам большими резиновыми сапогами, направляется к копру. Там в крылатых шахтерских шапках с лампочками в руках **его** поджидают друзья. Смена идет в забой (Песков. Солнце над шахтой. 2014, т. 1: 55).

В очерке «Солнце под шахтой» автор изображает шахтера Ивана, знакомит с его работой, жизнью и внутренним миром, что позволяет читателям понять сложность и значимость профессии шахтёра.

В данном очерке основной темой является «Иван», которая связана с главным героем текста. Эта тема эксплицируется с помощью следующих номинаций: ему (а) – разнорабочим (б) – Иван (в) – Иван (в) – у него (а) – горняк (г) – он (а) – он (а) – Ивана (в) – Иван (в) – его (а) – молодому горняку (д) – Ивану Зайцеву (е) – горняка (г) – Иван (в) – мы (ж) – я (з) – Иван (в) – **Ø** (и) – его (а) – я (з) – человек (и) – шахтёр (к) – Иван (в) – его (а). Схематически представить основную тематическую цепочку так: а б **В В** а г а а **В В** а д е г **В ж з В** и а з и к **В**¹³ а.

Базовой номинацией цепочки является личное имя *Иван Зайцев* (е). Основу данной цепочки составляют свёрнутая номинация *Иван* (в), которая 7 раз (из 25 номинаций) проявляется в тексте. Номинация *Иван* (в) является сквозной, расположена во всех значимых частях текста. Кроме этого, доминирование тематической номинации *Иван* (в), а не номинации *Иван Зайцев* (е), отражает непринуждённость и дружелюбие, показывает близкое и хорошее отношение автора к Ивану.

Следует отметить, что кроме собственных номинаций *Иван* и *Иван Зайцев*, автор использует разнообразные дополнительные номинации: таксономические

¹³ Полу жирным шрифтом выделяется собственное имя.

разнорабочий (б) – широкое представление о профессии; *горняк* (г), *шахтёр* (к) – синонимы, которые чётко указывает на профессию; *молодому горняку* (д) делается акцент на возрасте Ивана, что подразумевает его большой потенциал для дальнейшего профессионального развития; наиболее абстрактная таксономическая номинация *человек* (и), используется также нулевая номинация и субститут *он*. Дополнительно заметим, что именно субститут является первичной номинацией. Личное местоимение первого лица *мы* (ж), *я* (з) показывает, что в тексте цитируется прямая речь Ивана.

Наблюдения показывают, что в портретных очерках широко используются таксономические номинации.

В очерке «Солнце над шахтой» есть еще несколько микротем с персонажными тематическими цепочками. Это его дядя – *Степан* и коллеги – *Виталий Ефременко* и *Зиновий Загрейчук*. Обратимся к этим трём микротемам.

Номинации микротемы «Степан» появляются в начале и в середине повествования в составе воспоминаний главного героя текста Ивана. Реализованы следующие номинации: *колодезнику* (а) – *Степану* (б) – *бесстрашному человеку* (в) – *сам* (г) – *дядя* (д) – *Степан* (б) – *дядя* (д) – *Степан* (б) – *его* (е) – *он* (е) – *Степан* (б). Схематически это можно представить так: а **Б** в г д **Б** д **Б** е е **Б**¹⁴.

Заметим, что собственное имя *Степан* (б) базовая номинация служит основной номинацией, которая повторяется в цепочке 4 раза (чаще других номинаций) и составляет опору микротемы «Степан».

Дополнительные номинации микротемы «Степан» играют важную роль в многостороннем анализе личности персонажа. Так: номинация *колодезник* показывает профессию Степана. Перифраза *бесстрашный человек* содержит авторскую оценку персонажа. Субституты *сам*, *он* замещают опорную номинацию *Степан*. Приведенный анализ еще раз показывает, что в портретных очерках очень важны дополнительные таксономические номинации.

Особо следует обратить внимание на референтно тождественную номинацию *дядя*, которая отражает отношения данного персонажа с главным героем Иваном,

¹⁴ Полу жирным шрифтом выделяется собственное имя.

можно сказать, широкое использование номинаций, отражающих отношения между персонажами, – типичная особенность очерка о человеке. С помощью таких номинаций устанавливается связь микротем.

Повествуя о жизни дяди Степана, автор успешно создаёт его образ: бесстрашный, смелый и уважаемый всеми человек. Читатель делает вывод, что Иван также обладает этими хорошими качествами (бесстрашный, смелый, и уважаемый), поскольку Степан служит ему образцом для подражания с детства: *«Да ведь Степан к воде путь прокладывал, а воду в степном селе умели ценить... А я вот к теплу путь прокладываю. Это тоже людям очень нужно»*. Шахтёр – это нужная и уважаемая профессия в степном селе.

Чтобы наглядно продемонстрировать мастерство Ивана в работе, автор сопоставляет его с отличными горняками – *Виталием Ефременко* и *Зиновием Загрейчуком* и делает вывод: *Иван, правда, от них не отстаёт*. Микротема «Виталий Ефременко» эксплицируется за счёт следующих номинаций: *Виталия Ефременко* (а) – *стариком* (б) – *он* (в) – *них* (г) – *ними* (г). Микротема «Зиновий Загрейчук» реализуется с помощью следующих номинаций: *Зиновий Загрейчук* (а) – *сильнейший «глубинник»* (б) – *ними* (в) – *мы* (г) – *Зиновий Загрейчук* (а). По-видимому, даже в микротематических цепочках собственное имя (*Виталий Ефременко, Зиновий Загрейчук*) всё-таки выступают в качестве основной номинаций, выполняя важную текстовую роль.

Согласно результату анализа вышеприведённых очерков, мы можем вывести ещё одну общую закономерность отбора тематических номинаций в очерках о человеке – частое использование свёрнутых номинаций. Так, в очерке «Какадурды – сын гор» в цепочке о герое Какадурды базовая номинация *Какадурды Мурадов* появляется 1 раз, но свёрнутая номинация *Какадурды* – 10 раз. В очерке «Солнце над шахтой» в цепочке об Иване базовая номинация *Ивану Зайцеву* появляется 1 раз, а свёрнутая номинация *Иван* – 7 раз. Свёрнутая номинация часто занимает более важное место в силу того, что она позволяет автору сблизить свою дистанцию с героем.

Человек – существо социальное; в очерках герой изображается не отдельно и замкнуто, он часто так или иначе связан с другими персонажами. При этом номинации, отражающие социальные отношения между персонажами (референтно тождественные), играют важную роль в тематическом поле. Это наблюдается в рассмотренном выше тексте. Добавим еще один разбор.

ОТ СЫНА...

Они приходят всегда в одних и тех же голубых конвертах. Надежда Федоровна зовет Ксюшу, соседскую девочку, и та читает – старательно, громко. Когда девочка уходит, Надежда Федоровна начинает читать сама. Медленно, по слогам.

Все в письме хорошо, но матери хочется угадать, в каком настроении писал сын, что волновало его в этот день. И угадывает. На это у матерей особое чувство.

Взрослый сын у Надежды Федоровны Жуковой. Уже семь лет лесорубом работает в Архангельской области. Своей семьей обзавелся. Но для матери он всегда останется Толей. Заботливый сын у Надежды Федоровны. Раз в месяц она идет на почту, получает перевод. Но более всего радуется мать вот этим голубым конвертам... (Песков. От сына. 2014, т. 1: 84).

В данном портретном очерке два героя: Надежда Федоровна Жукова, позиционирование её социальных отношений – мать; второстепенный герой – Толя (Анатолий) – сын. Эти темы «Надежда Федоровна Жукова» и «Толя» относительно равноценны.

Тема «Надежда Федоровна Жукова» эксплицируется с помощью следующих тематических номинаций: Надежда Федоровна (а) – Надежда Федоровна (а) – сама (б) – матери (в) – ∅ (г) – у матерей (в) – Надежды Федоровны Жуковой (д) – для матери (в) – у Надежды Федоровны (а) – она (е) – мать (в). Схематически данная тематическая цепочка можно представить следующим образом: а а б **В** г **В** д **В** а е **В**¹⁵.

В тематической цепочке, связанной с темой «Надежда Федоровна», полное собственное имя Надежда Федоровна Жукова (а) является базовой номинацией. Свернутая номинация Надежда Федоровна (а) повторяется трижды: два раза в начале и в конце текста, т.е. в его ключевых позициях. Она только один раз используется в середине текста, эта номинация является основной.

Сосредоточимся на тематических номинациях, отражающих социальные отношения персонажа: номинация мать (в) появляется в тексте чаще, чем другие

¹⁵ Полу жирным шрифтом выделяется номинация, отражающая социальное отношение персонажа.

типы номинаций. В данном очерке автор уделяет большое внимания выражению любви между матерью и сыном. Частое использование номинаций, отражающих родственное отношение – *мать*, содействует созданию нежного и заботливого образа матери, акцентирует внимание на вечной любви матери к своему сыну, что также вызывает сочувствие читателей.

Тема «Сын Толя» реализуется через следующие номинации: *от сына* (а) – *сын* (а) – *его* (б) – *взрослый сын* (в) – *лесорубом* (г) – *он* (б) – *Толей* (д) – *заботливый сын* (е). Схематически данную тематическую цепочку можно представить таким образом: **а а б в г б д е**¹⁶.

В данной цепочке основной является собственное имя *Толя* (д). Это детское имя, соответствующее ему взрослое имя – Анатолий. Согласно содержанию контекста, мы извлекаем информацию о Толе: *взрослый сын, уже семь лет лесорубом работает*, при этом его нужно назвать Анатолием, но *для матери он всегда останется Толей*. Использование номинации *Толя* (д) наглядно выражает позицию персонажа – любовь матери к своему сыну. Номинация *Толя* (д) встречается один раз в окружении номинации *сын*, а взрослое имя – Анатолий – не использовано ни разу.

В тематической цепочке большую роль в экспликации темы «Толя» играют номинации, отражающие социальное отношение персонажа: *сын* (а), *взрослый сын* (в), *заботливый сын* (е). Номинация *сын* (а) является основной, так как она появляется в тексте чаще других номинаций, выдвинута на сильную позицию текста – в заголовок, где, наряду с многоточием, формирует незаконченность высказывания и вызывает ассоциации и догадки читателей. Ясно указывается адресант письма – *от сына*, это имплицитно объясняет, почему мать Надежда Федоровна Жукова читает письмо *медленно, по слогам*. К основной номинации *сын* присоединяется характеристика *взрослый*, при этом номинация *взрослый сын*. Номинация *заботливый сын* (е) отражает прямую авторскую оценку. В целом номинации, отражающие родственные отношения, помогают создать образы

¹⁶ Полу жирным шрифтом выделяется номинация, отражающая социальное отношение персонажа.

персонажей – мать Надежда Федоровна, всегда беспокоящаяся о своем сыне, и сын Толя, всегда заботящийся о матери.

Таким образом, частое использование номинаций, показывающих социальное положение, – отличительный признак очерков о человеке. Номинации этого типа играют значимую роль в реализации категории темы. Интересно, что выбор собственных имен зависит от социальных ролей героев очерка: ср. Надежда Федоровна и Толя («детское» имя.)

В тематической цепочке очерка всегда употребляется некоторое количество субститутов (особенно местоимений третьего лица) в различных грамматических формах, которые распространяются по всем тексту. Иногда это количество велико.

ЧЁРНО-БЕЛАЯ МАГИЯ

Легче всего снимать пейзажи, говорят люди, впервые взявшие фотокамеру. «Из всех фотографических жанров труднейший – пейзаж», – говорит Ансел Адамс, американский фотограф-художник, снимающий уже шестьдесят лет. В этой противоположности – суть примечательного явления: фотография общедоступна, но лишь в руках человека-художника, человека, мыслящего образами, она становится искусством.

Ансел Адамс – фотограф высшего класса. Слава его давно перешагнула границы Соединенных Штатов. Мы знали его работы. А этой зимой москвичи получили возможность увидеть их в подлинниках.

Выставка Адамса (восемьдесят четыре черно-белые фотографии) путешествует по миру уже третий год. В Москву она отправлена из Варшавы, а через пять дней будет послана в Анкару. Можно не сомневаться, что этот путь всюду отмечен успехом, ибо творчество Адамса интернационально, понятно и близко каждому человеку.

Главный объект фотографа-ветерана – природа: доступные взгляду каждого горы, деревья, лес, облака, роса на травах, ручьи и камни, обнаженные корни деревьев, тихие воды. Все это, снятое заурядно, остается обычно в домашнем альбоме фотографов. Но Адамс («снимает не объектив, снимает – сердце») так зорек, так строг и разборчив в изобразительных средствах и так умел в выборе момента съемки, что его фотографические образы поднимаются до высот философских.

Он неизменно пользуется черно-белым изображением («все чудеса мира размещены между почти белым и почти черным тонами»). На автопортрете мы видим его с громоздким треножником и большой камерой. Это отнюдь не чудачество. Только неопытный человек полагает, что дело решается нажатием кнопки на фотокамере. На самом деле обработка пленки и перевод изображения на бумагу – едва ли не половина успеха. Для Адамса таинства, совершенные при свете красного фонаря, венчают все, что добыто при солнце. Больших размеров черно-белые негативы дают художнику много возможностей повлиять на конечные результаты.

Техника его виртуозна. И один из уроков выставки для всех, кто ее посетил, – ощущение безграничных возможностей фотографии. Другой урок: за каждым снимком – величайший труд и терпение, строгая требовательность к себе, без которых даже большой талант остается у подножья горы.

Еще одно ощущение – необычайная актуальность всего, что Адамс показывает. Многие снимки сделаны тридцать и сорок лет назад, но как они созвучны всему, что нас волнует сегодня! Главная причина этому – сам объект, к которому обращены и объектив, и сердце Адамса, – Природа. Мы чувствуем волнение, испытанное художником, от красоты и величия им

увиденного. И это волнение передается нам, находит отклик в нашей душе. Искусство это времени не подвластно. С каждым годом нам все дороже будет зелень лесов, молчанье пустынь, плеск чистой воды и сияние неба. И благодарность людям, этот мир для нас открывающим, будет лишь возрастать.

Не постарели снимки **Адамса** еще и потому, что **он** избежал влияния всяческих мод, которым за долгую **его** жизнь фотография подвергалась. Строгая простота снимков, предельная четкость, вера в магию черно-белых тонов – таковы принципы **Адамса**. **Он** не поступился ими ни разу и достиг вершины в искусстве, именуемой классикой.

Все награды и звания, полученные **художником**, перечислить нет никакой возможности. **Он** почетный доктор искусствоведения нескольких университетов, автор многочисленных книг и многотомного руководства по фотографии. Но **он** признается: «Дороже всего для **меня** – простой человеческий отклик».

В Москву из Калифорнии **Ансел Адамс** приехать не мог, но на открытии выставки мы слышали **его** голос с магнитной пленки. «Для **меня** это большая честь, что мои работы увидят в Москве».

Завтра у **Ансела Адамса** день рождения. **Ему** исполняется семьдесят шесть. Это возраст, в котором и солнце, и человеческое тепло особенно дороги. И мы рады послать **ему** привет из Москвы, привет и спасибо! от всех, кто видел **его** жизнеутверждающее искусство (Песков. Чёрно-белая магия. 2014, т. 12: 8–9).

Заголовок «Черно-белая магия» передаёт эмоционально-оценочную доминанту по отношению к предмету текста (фотографу Анселу Адамсу и его творчеству). С помощью рядов слов и сочетаний, указывающих на чувства, соотносимые с понятием «магия», автор поддерживает эту эмоциональную оценку: искусство, высший класс, философские высоты, таинства, безграничные возможности, величайший труд и терпение, большой талант, волнение. Так создаётся семантическое поле положительных эмоций по поводу описываемого, выявляется тональность восхищения, уважения, радости, благодарности. Такой аналитический способ доминирует в целом тексте.

В очерке «Чёрно–белая магия» категория темы раскрывается через собственную номинацию «Ансел Адамс», имя известного американского фотографа-художника, получившего многочисленные награды и звания. В тексте используются следующие номинации, указывающие на Ансела Адамса:

Ансел Адамс (а) – американский фотограф-художник (б) – человека-художника (в) – человека, мыслящего образами (г) – Ансел Адамс (а) – фотограф высшего класса (д) – его (е) – его (е) – Адамса (ж) – Адамса (ж) – фотографа-ветерана (з) – Адамс (ж) – его (е) – он (е) – его (е) – Адамса (ж) – художнику (и) – его (е) – Адамс (ж) – Адамса (ж) – художником (и) – им (е) – Адамса (ж) – он (е) – его (е) – Адамса (ж) – он (е) – художником (и) – он (е) – почетный доктор

искусствоведения нескольких университетов (к) – автор многочисленных книг и многотомного руководства по фотографии (л) – он (е) – меня (м) – Ансел Адамс (а) – его (е) – меня (м) – Ансела Адамса (а) – ему (е) – ему (е) – его (е). Схематически номинационная цепочка, связанная с темой «Ансел Адамс» можно представить так: а б в г д Е Е ж ж з ж Е Е Е ж и Е ж ж и Е ж Е кл Е ж Е и Е Е м а Е м а Е Е Е¹⁷.

В данной цепочке представлено 40 тематических номинаций. В качестве базовой номинации выступает собственное имя *Ансел Адамс* (а), которая содержит имя и фамилию героя и точно указывает на предмет текста. Основной номинацией является свёрнутая номинация *Адамс* (ж), которая появляется в тексте 8 раз, тогда как базовая номинация *Ансел Адамс* (а) появляется в тексте 4 раза. Принцип частого использования свёрнутых номинаций действует повсеместно.

Обратим внимание на субституты – заместители опорной номинации текста. Много раз в различных грамматических формах применяется местоимение третьего лица *он*. Субституты используются в тексте 16 раз, иногда используются по два или три подряд. Также нужно отметить субститут *я* в форме *меня*. В данном очерке автор цитирует прямую речь Ансела Адамса «Дороже всего для **меня** – простой человеческий отклик»; «Для **меня** это большая честь, что мои работы увидят в Москве». По словам Г. Я. Солганика, «прямая речь – яркая стилистическая краска, важнейшее средство создания характера персонажа» [Солганик 2000: 111], отсюда можно сделать вывод, что цитирование живых голосов героя содействует представлению истинной идеи Ансела Адамса и выделению его черты характера: скромный и доступный. В итоге, количество субститутов (18 реализаций) составляет 45% из всех 40 номинаций. Таким образом, субституты как заместители опорной номинации играют важную роль в реализации темы.

Частое использование номинаций, указывающих на профессию или звание, играет значимую текстовую роль, помогает создать образ героя. Лексика данного типа часто формируют референтно тождественный или таксономический типы номинаций.

¹⁷ Полу жирным шрифтом выделяется местоимение от третьего лица.

Так, в цепочке данного очерка отмечены номинации *американский фотограф-художник* (б), *художником* (и). Очевидно, лексика, показывающая профессию героя – фотограф и художник, отражает социальный статус Ансела Адамса, что соответствует такому принципу публицистического стиля, как информативность.

Референтно тождественные номинации *человек-художник* (в), *человек, мыслящий образами* (г), *фотограф высшего класса* (д), *фотографа-ветеран* (з), *почетный доктор искусствоведения нескольких университетов* (к), *автор многочисленных книг и многотомного руководства по фотографии* (л), не только указывают на профессию или звание Ансела Адамса, но и служат для выражения авторской оценки героя и признания его вклада в сферу искусства.

Таким образом, мы можем вывести тенденцию отбора тематических номинаций в субжанрах очерка: в отличие от очерков о природе, в которых в качестве референтно тождественных часто используется образная номинация; в портретных очерках, часто используется референтно тождественная номинация, указывающая на профессию, род занятия, т.е. социальный статус героя.

Кроме предметной темы, в некоторых очерках о человеке большую роль играет *Я*-тема, которая «открывает возможность привнести в текст непосредственность восприятия, проявить личностный характер оценок, создать эффект присутствия, задать тональность изложения» [Купина, Матвеева 2013: 255]. В очерках данного типа реализуются две тематические цепочки, одна о герое, другая об авторе текста, который открыто говорит о себе, строит текст как «я и событие». Именно *Я*-тема соединяет весь текст, делает его связным и целостным. Например:

ПЯТЬ ЧАСОВ С ЮРИЕМ ГАГАРИНЫМ¹⁸

Мы не спали всю ночь. *Он* Не могли сомкнуть глаз, как, наварное, не могли этого сделать миллионы людей в ту ночь. Завтра *первый в мире космонавт Юрий Гагарин* полетит в Москву, где *его* ждут москвичи, вся страна, весь мир. *Мы* почувствовали *себя* бесконечно счастливыми, когда поздно вечером получили разрешение быть на борту самолёта, который доставит *его* в Москву.

Еще рассвет не растаял над лесом, присыпанным легким и неожиданным в это весеннее утро снегом, а *мы* уже мчались к дому, где жил два эти дня *космонавт*.

¹⁸ Ввиду большого объема используются купюры. Анализ выполнен по целому тексту. Полный текст очерка размещен в Приложении.

– Тише. Он отдыхает!.. – встретили нас в дверях. И мы поняли эту строгость. Сейчас где-то рядом отдыхает человек, сто восемь минут проработавший в космосе...

Он вышел неожиданно. Будто помолодевший за ночь, свежий, сильный. Упруго шагнул через порог и опять крепко, как тисками, пожал всем руки.

<...> Сегодня страна доверила им первого своего человека, побывавшего в космосе...

Поднимаемся на борт вслед за Юрием. Прежде чем включить двигатели, летчики, волнуясь, преподнесли ему скромный подарок – «модель того самого «Ила», на котором теперь космонавту предстояло проделать путь до Москвы. Рассаживаемся по местам, и вот уже вспыхивает надпись: «Просьба не курить, пристегнуться ремнями». Юрий глядит на эту надпись и чуть улыбается. Но порядок есть порядок. И он послушно под ласковым взглядом бортпроводницы Инны Давыдовой застегивает ремень.

– Товарищи, – говорит Инна Давыдова, больше всего обращаясь, конечно, к Юрию, – наш полет будет проходить на высоте 7 тысяч метров... <...>

Смотреть было не на что, и мы уже хотели было расспрашивать о полете, но пришел командир корабля и пригласил Юрия в кабину.

– Хотите посидеть рядом?

– С удовольствием! – по-мальчишески радостно воскликнул Юрий. – Мне это место дороже всего на свете.

В 10 часов 50 минут по Москве Бугаев вышел из кабины:

– Что на земле делается, братцы! Наши радист не может отбиться. Журналисты умоляют, требуют, просят хоть одно слово от Юрия. А вы знаете, – добавил он, – сейчас к Москве летят два самолёта: наш, с востока, и «Ильюшин» № 75716 с юга. На нем летит Никита Сергеевич Хрущев, чтобы встретить героя...

<...>

Юрий прильнул к иллюминатору. Следы волнения, счастья на его лице. И нам показалось, что если бы он даже расплакался в эту минуту, люди бы поняли его слезы...

– Юра, ты долго ждал этой минуты?

– Совсем не ждал. Не думал, что мне придется...

Скрылась Москва. «Внуково». Ушли в облака истребители. Выпущено шасси. Мы не услышали легкого касания земли. Земля, как мать, ласково приняла в объятия своего Сына... Юрий оторвался от иллюминатора, выдохнул:

– Ну, вот и дома...

...Самолет рулил туда, где возле здания аэропорта уже разлилось людское море. Сейчас, сейчас люди увидят Героя Юрия Гагарина, гражданина Союза Советских Социалистических Республик, вернувшегося на родную землю из далекого космоса... (Песков. Пять часов с Юрием Гагариным. 2014, т. 2: 108–112).

Номинации, появляющиеся в заголовке, всегда являются сильной позицией текста. «Пять часов с Юрием Гагариным» – информационный заголовок, он включает в себя фамилию и имя главного героя текста – с Юрием Гагариным, а временный показатель пять часов отражает время, в течение которого шло интервью.

В анализируемом очерке основная тема – «Юрий Гагарин», которая эксплицируется за счёт следующих номинаций: Юрием Гагариным (а) – первый в мире космонавт (б) – Юрий Гагарин (а) – его (в) – космонавт (г) – он (в) – человек, сто восемь минут проработавший в космосе (д) – он (в) – Ø (е) – его (в) – Юрий

Гагарин (а) – Ø (е) – космонавта (г) – него (в) – первого своего человека, прибывавшего в космосе (ж) – Юрием (з) – ему (в) – космонавту (г) – Юрий (з) – он (в) – Юрию (з) – Юрий (з) – он (в) – Юрия (з) – Юрия (з) – Юрий (з) – мне (и) – Юрия (з) – героя (к) – Юрий (з) – вы (л) – я (и) – он (в) – вы (л) – Ø (е) – Ø (е) – Юрий (з) – мной (и) – я (и) – я (и) – вы (л) – Ø (е) – меня (и) – Ø (е) – Ø (е) – я (и) – я (и) – Ø (е) – Ø (е) – я (и) – себя (м) – я (и) – меня (м) – Ø (е) – вы (л) – Ø (е) – вами (л) – Ø (е) – мне (и) – меня (и) – Ø (е) – Юрий (з) – вы (л) – мной (и) – я (и) – Ø (е) – своего сына (н) – он (в) – себя (м) – Юрий (з) – Ø (е) – меня (и) – Юрий Гагарин (а) – космонавта (г) – он (в) – герой космоса (о) – Юрий (з) – он (в) – Юра (п) – ты (р) – Ø (е) – Ø (е) – мне (и) – своего Сына (н) – Юрий (з) – героя (к) – Юрия Гагарина (а) – гражданина Союза Советских Социалистических Республик (с). Тематическую цепочку, связанную с темой «Юрий Гагарин», схематически можно представить так:

а б а в г в д в е в а е г в ж з в г з в з з в з з з и з к з л и в л е е з и и и л е и е и и и е и м и м е л е л е и и е з л и и е н в м з е и а г в о з в п р е и ¹⁹ н з к а с.

Плотная тематическая цепочка изобилует собственным мнением личным именем *Юрий* и субститутами.

Я-тема играет большую роль в данном тексте: именование авторского я используется в тексте 16 раз, больше, чем свёрнутая номинация *Юрий* (14 употреблений) и субститут *он*, (12 употреблений). Связующая роль *Я*-темы, несомненно, велика. Основной же номинацией в данном тексте будет являться свёрнутый трансформ *Юрий*, который расположен во всех значимых частях текста и многократно повторяется.

Еще один предварительный вывод: в портретных очерках, включающих диалоги между автором и героями текста (гибрид очерка с интервью), тематическая цепочка героя содержит большое количество местоимений первого лица, которое может претендовать на роль основной номинации текста. Конкуренции двух *Я*-тем в тексте не возникает за счет контекстной организации высказываний.

¹⁹ Полужирным шрифтом выделяется местоимение первого лица.

Я-тема усиливает воздействующую функцию текста. Авторское *Я* отражает несколько ролей: дорожный спутник, который был на борту самолёта в Москву с Юрием Гагариным; наблюдатель, который следит за словами и действиями группы людей (особенно Юрия Гагарина); интервьюер, который задаёт Юрию Гагарину несколько вопросов о полёте в космос; повествователь, который рассказывает всё, что видел и слышал во время путешествия, а также обобщает свои впечатления. Все это позволяет читателю как бы самому побывать в этом путешествии вместе с Юрием Гагариным. Использование авторского *Я* усиливает эффект присутствия и участия адресата и, конечно, функцию воздействия очерка.

Я-тема данного очерка осуществляется следующими номинациями: *мы* (а) – \emptyset (б) – *мы* (а) – *себя* (в) – *мы* (а) – *нас* (а) – *мы* (а) – \emptyset (б) – \emptyset (б) – *товарищи* (г) – *мы* (а) – *братья* (д) – *вы* (е) – *мы* (а) – *вы* (е) – *мы* (а) – *нам* (а) – *мы* (а). Схематически тематическую цепочку, связанную с «авторским *Я*» можно представить следующим образом: А б А в А А А б б г А д е А е А А А²⁰

В данной *Я*-тематической цепочке представлено 6 разных номинаций. В качестве базовой и основной номинаций выступает личное местоимение множественного числа первого лица – *мы* (10 реализаций в тексте, 56% от 18 номинаций).

Кроме номинации *мы* (а) используется нулевая номинация \emptyset (б), которая делает текст лаконичным; возвратное местоимение *себя* (в), которое помогает выразить истинное внутреннее переживание автора. Поскольку в данном очерке используется прямая речь, это «один из способов передачи чужой речи, при котором говорящий (пишущий) полностью сохраняет её особенности (лексические, синтаксические), не приспособивая её к своей речи» [Солганик 2000: 108]. Подсоединяются к реализации *Я*-темы обращение *товарищи* (г), *братья* (д), личное местоимение второго лица *вы* (е).

²⁰ Полу жирным шрифтом выделяется местоимение множественного числа от первого лица.

В итоге, в очерке «Пять часов с Юрием Гагариным» основным средством Я-тематического поля является личное местоимение, которое проявляется в тексте 13 раз, составляя 72% от всех 18 номинаций.

Стоит обратить внимание на то, что среди местоимений при широком употреблении формы *мы*, единственное число *я* не употребляется ни разу. Вероятно, в этом отражается конкретная ситуация: на встрече с Ю. Гагариным присутствует не один журналист (как минимум, есть еще и фотограф). Отметим также, что авторское *мы* способствует эффекту сближения автора с адресатом. Этот прием реализации Я-темы часто используется в очерках о человеке (особенно в очерках с диалогом).

Я-тема в очерке «Пять часов с Юрием Гагариным» является сквозной, однако расположение единиц цепочки неравномерно. В начале очерка (с первого по третий абзац) плотно расположено 7 номинаций Я-темы, занимающих 39% от всех номинаций. Далее Я-тема становится разреженной, с четвертого абзаца до конца текста (всего 54 абзаца) номинации Я-темы происходит пунктиром, их 11.

Причина такого расположение Я-темы в том, что в первых трёх абзацах текста, за счёт изложения динамики действия автора (*мы не спали всю ночь; Мне могли сомкнуть глаз; мы уже мчались к дому, встретили нас в дверях; и мы поняли эту строгость*) и внутреннего переживания автора (*мы почувствовали себя бесконечно счастливыми*) показано, как был взволнован автор перед встречей с Гагариным. Это закладывает своеобразную эмоциональную основу для дальнейшего повествования об Юрии Гагарине. В остальных фрагментах очерка именно предметная тема о Юрии Гагарине играет главную роль, Я-тема встречается существенно реже, что говорит о ее второстепенной роли. Таким образом, расположение Я-темы зависит от коммуникативной цели и замысла автора.

Таким образом, в очерках о человеке, в целях эффективного выражения субъективного отношения к герою текста и вызывания у адресата сопереживания, часто используется Я-тема. В очерках, где доминирует повествование, реализация Я-темы часто сопровождается развитием событий во времени. Основным

средством *Я*-тематического поля является личное местоимение первого лица, причём частотно множественное число (*мы*). *Я*-тема проходит через весь текст, но её плотность и распределение зависят от замысла автора.

Подведем итоги. В портретных очерках наблюдается следующее.

Действует принцип разнообразия тематических номинаций, характерный для публицистического стиля в целом. Однако тематические цепочки в портретных очерках не столь разнообразны и в них меньше образных номинаций, чем в очерках о природе.

В портретных очерках является ведущей антропоцентрическая тематическая цепочка, относящаяся к герою текста. В ней легко выделяется основная номинация, чаще всего имя собственное (личное имя).

В составе тематических цепочек используются свернутые номинации; субституты; референтно тождественные и таксономических номинации, отражающие социальные отношения между персонажами.

Кроме предметной темы, в очерках о человеке значимую роль в усилении функции воздействия текста играет *Я*-тема, причем актуально использование формы множественного числа *мы*. Это открытая авторская речь, автор вводится в число персонажей очерка. Данный прием способствует созданию психологической атмосферы текста, оттеняет его главную тематическую цепочку, которая носит персонажный характер. Кроме того, цепочка номинаций *Я*-темы является сквозной и обеспечивает композиционное развитие текста.

Выводы

Субжанровые разновидности газетного очерка (о природе и о человеке) характеризуются типичной для публицистического функционального стиля стилистической картиной использования языковых средств. В очерковых текстах наблюдается чередование стандартно-информативных и изобразительно-выразительных средств. Информационная функция языковых средств сочетается с эстетической. Названные фундаментальные признаки публицистического стиля речи в полной мере распространяются на тематические поля и тематические цепочки рассмотренных текстуально очерков.

Изобразительность и выразительность текстов обеспечивается разнообразием использованных средств. Тематические цепочки очерков обоих субжанров включают в себя разнообразные типы номинаций. Помимо базовых номинаций и сравнительно редких субститутов, зафиксированы синонимические, референтно тождественные, таксономические номинации. С целью реализации эстетической функции автором широко применяются изобразительные средства (метафоры, в том числе олицетворения, образные перифразы). При этом в очерках о природе количество выразительных средств в составе тематических номинаций существенно выше, чем в очерках о человеке.

В тематических цепочках очерков о природе высокой частотностью характеризуются таксономические номинации, которые уточняются характеристиками природных явлений, животных, растений. Для тематических цепочек очерков о человеке характерны свёрнутые номинации и таксономические номинации, отражающие социальные роли и отношения между персонажами.

Для очерков о природе характерна объектно-предметная тематическая цепочка (тексты о явлениях природы). В очерках о человеке ведущую роль играет субъектно-предметная (персонажная) цепочка; основной номинацией служит имя героя очерка.

В очерках о природе взаимосвязанными являются категории темы и хронотопа: явление природы предстает в темпоральной и локальной конкретизации.

В очерках о человеке категория хронотопа уводится в композиционную область, содержательно же сплавлены категории темы и оценочности, в результате чего создаётся положительный образ героя очерка. Я-тема в очерках о природе используется факультативно.

В очерках о человеке, кроме предметной темы субъектного характера (тема – герой очерка), нередко формируется авторская Я-тема, при помощи которой передается внутреннее переживание, психологическое состояние очеркиста. Я-тема играет не только психологическую, но и композиционную роль. На ее основе обеспечивается связность и целостность текста.

Таким образом, категория темы по-разному эксплицирована в очерках о природе и очерках о человеке, что даёт основание для выделения и сопоставления данных субжанров.

Глава 3. Категория композиции в жанре очерка

Задача данной главы – установление типологических особенностей речевой реализации категории композиции в жанре очерка, выявление устойчивых моделей очерков о природе и портретных очерков, что позволит подтвердить гипотезу о субжанровом членении очерка.

Категория композиции носит структурный характер, отражает процесс развития темы и движения мысли автора. При исследовании композиции текста нами должны учитываться последовательность композиционных частей, соразмерность рационального и эмоционального, деление и пропорция композиционных блоков (заголовков, зачин, основная часть и концовка), связи и объединение каждого блока и их отношение к цели текста. Конкретная композиционная организация определится замыслом автором и корректируется законами жанра.

3.1. Категория композиции в очерках о природе

Анализ категории композиции в тексте может рассматриваться как в статике, когда предметом внимания становится существующий текст и его композиционные блоки (параграф 3.1.1), так и в динамике, когда мы исследуем логические схемы развития мысли автора, показывая соотношение логических моделей и соответствующее им строение текста (параграф 3.1.2).

3.1.1. Речевое оформление композиционных блоков (статический подход)

Композиция текста – это процесс и результат развития темы. Средствами выражения композиции служат делимость текста на части и сами эти части. При этом нами используется понятие «композиционные блоки», которое определяется как «наиболее значимые и наиболее крупные по объёму структурно-

содержательные части текста» [Матвеева 1990: 34]. Традиционно в тексте выделяются следующие композиционные блоки – «заголовок, вступление (введение, зачин, экспозиция), основная часть, которая в свою очередь, структурирована и состоит из нескольких смысловых блоков, и концовка (заключение)» [там же: 34].

Каждый композиционный блок играет важную роль в развитии темы текста: заголовок вводит тему, зачин немного конкретизирует тему и задаёт её пространственно-временную развёртку, основная часть развёртывает тему и детализирует подтемы, концовка обобщает и свёртывает тему. Однако строение композиционных блоков и способ развития темы разнообразны в зависимости от жанра. Анализируя очерки, посвящённые природе, мы обнаруживаем, что композиционные блоки в данных очерках имеют свои характерные особенности.

Обратимся к первому композиционному блоку – заголовку. Заголовок – это проспективная единица, которая содержит в себе информацию и определяет эмоциональную тональность целого очерка. По принципу преобладания одной или другой составляющей, заголовки очерков можно подразделить на информемы, в которых преобладает объективно-логическое содержание, и прагмемы, в которых преобладает субъективно-логическое содержание [Матвеева 1990: 154]. С учетом коммуникативной цели заголовка – вызвать интерес читателей и побудить их к чтению текста – в названиях очерков о природе часто используются номинативное слово или словосочетание, включающее в себя изобразительно-выразительные средства: олицетворение, метафору, образную перифразу. Такие заголовки можно отнести к прагмемам. Приведем примеры. Так, олицетворение: *Зимние квартиранты* (Песков 2014, т. 2: 28); *Умные гуси* (Песков 2014, т. 8: 99); *Старожилы земли* (Песков 2014, т. 8: 88); *Полосатый охальник* (Песков 2014 т. 23: 14); *Враг* (Песков 2014, т. 9: 141); *Верхолазы* (Песков 2014, т. 15: 56); *Говорящая братия* (Песков 2014, т. 15: 83); *Нечаянный гость* (Песков 2014, т. 20: 93); *Барабаничик весны* (Песков 2014, т. 20: 130). Метафора: *Напёрсток с хвостиком* (Песков 2014, т. 23: 44); *Жар-птица* (Песков 2014, т. 23: 14); *Золотой плод – картошка* (Песков 2014, т. 23: 140). Перифраз: *Жук-бомбардир* (Песков 2014, т. 16:

113); *Древность зелёная* (Песков 2014, т. 21: 97); *Болотный король* (Песков 2014, т. 23: 87); *Бронированная древность* (Песков 2014, т. 23: 97). Таким образом, для очерка о природе характерно широкое распространение образной номинации в качестве заголовка, что соответствует основному принципу публицистического стиля – экспрессивности изложения.

В очерках о природе действует и другая составляющая основного принципа публицистического стиля – информативность. Заголовок в текстах данного стиля – это информативно сильная единица текста, которая чётко вводит и представляет тему текста. В заголовках очерков о природе нередко используются нейтральные номинации, которые точно и прямо показывают объект внимания автора. Такие заголовки относятся к информемам. Например, *Чёрный лебедь* (Песков 2014, т. 8); *Воробей*; *Хонорик* (Песков 2014, т. 5); *Оляпка* (Песков 2014, т. 14); *Лось* (Песков 2014, т. 17); *Мустанги*; *Коростели и «водяной бык»* (Песков 2014, т. 23). Дальнейший анализ текстов показывает, что используемые в качестве заголовка нейтральные номинации выступают в качестве базовых номинаций категории темы текста.

Категории времени и пространства, находясь в тесной взаимосвязи с категорией темы, как было отмечено в гл.2, также реализуются в заголовке очерков, посвящённых природе, образуя тематические единицы с семантикой времени или пространства. Автор нередко опирается на цикличность времени, «называет циклы, связанные с явлениями природы» [Папина 2002: 181], включая времена года, месяцы, время суток, чтобы чётко охарактеризовать природные явления, меняющиеся со временем. Например: *Январь*; *Февраль*; *Март*; *Апрель*; *Май*; *Июнь*; *Июль*; *Август*; *Как приходит зима* (Песков 2014, т. 4); *Сентябрь*; *Октябрь*; *Ноябрь*; *Декабрь* (Песков 2014, т. 4); *Зима* (Песков 2014, т. 6); *Осень*; *Летом* (Песков 2014, т. 11); *Осени середина* (Песков 2014, т. 17); *У летного пруда* (Песков 2014, т. 18). Такие заголовки, чётко называющие временной отрезок, означают, что все содержание очерка будет тесно связано с указанным временем. Темпоральная семантика единицы, появляющейся в заголовке очерка, не мешает ей выступать в качестве базовой номинации темы текста.

Семантика пространства часто проявляется в заголовке на базе географического термина или топонима, отражающего предмет текста или местоположение предмета. Например: *Встреча с Байкалом*; *Буш – африканская степь*; *В двух шагах от экватора* (Песков 2014, т. 2); *Каньон*; *Ниагара* (Песков 2014, т. 9); *У лукоморья*; *Остров Врангеля*; *Тихий Дон* (Песков 2014, т. 6); *На Оке в полдень*; *Побывавшие в Антарктиде...* (Песков 2014, т. 11); *Ключи от Волги*; *Семен-река*; *Мещера* (Песков 2014, т. 12). В вышеупомянутых случаях пространственный смысл, появляющийся в заголовке, характерен для базовой номинации, которой служит собственное имя или географический термин.

Кроме того, стоит принять во внимание, что категория пространства может эксплицироваться в заголовке за счёт имени прилагательного с локальной семой. Например: *Уральская сова*; *Олонецкие гуси* (Песков 2014, т. 22); *Воронежский лес*; *Горная нива* (Песков 2014, т. 6); *Лесное половодье* (Песков 2014, т. 7). В данных примерах пространственный показатель выступает в качестве определения, содержит добавочную атрибутивную информацию, относящуюся к местонахождению предмета речи. Тогда в тематической цепочке опорное существительное (например: *сова*, *гуси*, *лес*, *нива*, *половодье*) служит базовой номинацией, а пространственный указатель конкретизирует ее.

В заголовке очерков данного типа, чтобы вызвать любопытство и интерес читателей (основная коммуникативная цель заголовка текста), автор использует различные приёмы. Так, в заголовке используется парадокс, который показывает «1. странное, расходящееся с общепринятым мнением, высказывание, а также мнение, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу. 2. явление, кажущееся невероятным и неожиданным» [ТСРЯПС 2011: 62], например: *Апрель в январе* (Песков 2014, т. 4); *Лечебница под сосной*; *Домашние дикари*; *Волки в Москве* (Песков 2014, т. 8); *Не все мороза боятся*; *Зачем корове пятая нога* (Песков 2014, т. 18); *Селение на костях мамонтов* (Песков 2014, т. 22). Парадокс используется в заголовке очерка как средство привлечения и усиления внимания, способствует мыслительной активизации читателя.

Заголовок очерка о природе может быть также коротким вопросительным предложением, использование данного синтаксического приёма помогает задать постановочный вопрос по теме, что опять-таки способствует мыслительной активизации читателей. Например: *Все ли открыто?* (Песков 2014, т. 8); *Кто уступит?* (Песков 2014, т. 9); *Чей нос лучше?* (Песков 2014, т. 17). В итоге, используемые средства побуждают к чтению очерка и отражает рекламную функцию заголовка.

В очерках о природе нередко используются внутренние заголовки, подзаголовок или надзаголовок. Так, очерк *Пять недель в южной Африке* (общий заголовок) делится на главки: *Джентльмен из буша*; *Гиппо – «речная лошадь»*; *Баобаб*; *Две тонны плохого характера*; *Желтогривые лежебоки*; *Аристократы саванны*; *Лошадь в пижаме* (Песков 2014, т. 20: 58–76). Очевидна композиционная функция таких заголовков: они делят текст очерка на некоторые части в соответствии с общей темой (предметом текста), которая может быть сформулирована как «животный мир Африки». Заметим, что данная тема содержит пространственный указатель.

Заголовок прочитывается в контексте, заданном надзаголовком, если он есть. Приведём примеры надзаголовков: *Кошка без мышки* (заголовок) → *Север: встретилось в пути* (надзаголовок) (Песков 2014, т. 12: 106). Очевидно, что в надзаголовке автор указывает место действия очерка. *В мороз...* (заголовок) → *Обзор писем наших читателей* (надзаголовок) (Песков 2014, т. 12: 81). Очевидно, надзаголовок в данном очерке выступает в роли предварительного общего объяснения содержания данного очерка, как правило, указывает на постоянно действующий раздел (рубрику) в газете. Таким образом, надзаголовок обычно содержит добавочную информацию, предлагает читателю самодостаточный информативный предтекст.

Обратимся ко второму композиционному блоку – зачину, которое выражает авторскую целеустановку, конкретизирует тему и призван удерживать интерес читателей. Анализ зачина очерка, посвящённого природе, показывает, что автор часто использует в качестве зачина пейзажную зарисовку, которая позволяет

читателю понять общие содержательные контуры очерка. Зачин конкретизирует тему, выдвинутую в заголовке. Например: *Красота* (заголовок) → *Два снимка сделаны в Африке, третий у нас, под Курском. Вы видите венценосного журавля, антилопу геренук и двух аистов, перед отлетом навестивших свое гнездо* (зачин) (Песков 2014, т. 8: 20). Зачин данного очерка выражает авторскую целеустановку – описание этих животных и предварительно представляет три подтемы текста – «Венценосный журавль», «Антилопа геренук», «Аист».

В соответствии с принципом экспрессивности, в зачине очерка о природе часто применяются выразительные средства. Так, употребляется антитеза – «семантическая фигура речи: стилистический приём усиления выразительности за счёт резкого противопоставления, контраста понятий или образов» [Матвеева 2010: 22]. В очерках о природе В.Песков нередко усиливает контраст между человеком и природой, чтобы затем естественно перейти к описанию особенностей явлений природы. Например: *В конце пути...* (заголовок) → *Все, что рождается, неизбежно должно состариться и умереть. Таков закон жизни. **В природе, лишенной сознания, старость не так драматична, как у людей.** До глубокой старости в природе и не все доживают* (зачин) (Песков 2014, т. 8: 84). В данном микротексте автор строит рассуждение на основе антитезы, привлекает интерес читателей к тому, какая жизнь у старых животных.

Сравнение как опорная идея выразительности также часто используется в зачине очерка. Рассмотрим пример: *Старожилы земли* (заголовок) → *Есть бабочки, живущие один день. По сравнению с человеческой жизнью – это мгновение. Однако и человек выглядит бабочкой рядом с долгожителями Земли. <...> Секвойя жила с 1242 года* (зачин) (Песков 2014, т. 8: 84). Сравнивая продолжительность жизни бабочек, деревьев и людей, автор наглядно показывает, что секвойи являются старожилками Земли. При этом формула сравнения как образного средства здесь не применяется. Сравнение, на котором строится зачин, помогает образно, наглядно, ярко ввести основную тему текста – «Секвойя», подготовить её развитие.

В зачине очерка, посвящённого природе, автор нередко использует фразеологизмы или трансформацию фразеологизмов в целях лаконичного выделения темы текста. Приведём несколько примеров: *Холод не тетка* (заголовок) → *Говорят: голод – не тётка* (зачин) (Песков 2014, т. 22: 130); *Холод – не тетка* (заголовок) → *Так же, как голод, холод – не тетка* (зачин) (Песков 2014, т. 19: 131); *Запас* (заголовок) → *Зима – не тётка. И потому летом и осенью мы спешим сделать запасы: солим, сушим, варим варенье... То же самое происходит сейчас и в природе* (зачин) (Песков 2014, т. 8: 7); *Зачем корове пятая нога* (заголовок) → *«Одна голова хорошо, а две лучше»*. В случаях, о которых мы сегодня поговорим, эта поговорка выглядит иронично-кошунственной. Ну в самом деле, каково жить теленку с двумя головами. Столь уродливое отклонение от нормы в природе случается редко, но все же случается. (вступление) (Песков 2014, т. 18: 92). Очевидно, что использование в зачине фразеологизмов или их трансформации намечает дальнейшее развитие темы.

Также в зачине очерка часто используются цитаты из прецедентных текстов, что увеличивает эстетическую ценность очерка, задает тональность текста и в то же время называет основную тему. Например, цитаты из песен: *Холодок осенних песен* (заголовок) → *Утром в автобусе говорю под гитару: «Потянуло, потянуло холодком осенних песен...»* (зачин) (Песков 2014, т. 17: 64). Вставка цитаты из прецедентного текста песни помогает обозначить холодную атмосферу осени. Цитаты из стихотворения: *Мцхета* (заголовок) → *Мцхета. <...> Там, где, сливаясь, шумят, Обнявшись, будто две сестры Струи Арагвы и Куры, Был монастырь. Из-за горы И нынче видит пешеход Столбы обрушенных ворот, И башни, и церковный свод; Но не курится уж под ним Кадильниц благовонный дым...* (зачин) (Песков 2014, т. 6: 56). Автор использует цитату из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри», чтобы представить природную красоту Кавказа, настроить читателя на восприятие дальнейшего текста.

Таким образом, в зачине очерка о природе категория темы и тональности тесно взаимодействуют и находятся в неразрывном соединении с конкретными реалиями.

Обратимся к связи между заголовком и зачином в очерках о природе. Рассмотрим характерный пример: *Коростели и «Водяной бык»* (заголовок) → *В детстве две птицы занимали мое воображение – «коростель и водяной бык»* (зачин) (Песков 2014, т. 23: 49). Номинации *Коростели и «Водяной бык»* появляются в заголовке и повторяются как грамматические трансформы в зачине. Кроме повторения темы, в зачине текста объясняется авторская мотивация раскрытия этой темы.

Таким образом, в зачине очерка о природе нередко повторяется заголовок, при этом зачин играет роль «моста», который передаёт тему от заголовка к зачину, а затем от зачина к следующему композиционному блоку с помощью повторения тематической номинации, что также обеспечивает структурную связность текста.

Обратимся к третьему композиционному блоку – основной части, которая содержит развитие и развёртывание темы. Анализируя очерки о природе, мы обнаруживаем, что автор раскрывает характеристики предмета текста, используя, в основном, функционально-смысловой тип речи описание (статическое, динамическое, объективное, художественное), о котором подробно говорилось в гл.1.

В очерках о природе статическое описание, под которым понимается отражение «явления в статике (состоянии покоя, равновесия, стабильного движения или состояние)» [Матвеева 2003: 197], используется для отражения статической красоты пейзажа: *Морозное утро. День никак не может проснуться, выбраться из ледяной дымки. Солнце мягким светлым клубком повисло над перелесками. Тихое оцепенение* (Песков 2014, т. 6: 154). В данном фрагменте, используя статическое описание, автор изображает холодное, тихое, морозное утро. В описании предмета речи мы видим, что категория темы разворачивается на полевом основании, тема *морозное утро* получает воплощение через разные аспекты: *день, солнце, оцепенение*, среди которых как предметы реальности, так и состояние природы и человека. Каждое из явлений, характеризующих основную тему, получает дальнейшее развитие в тексте очерка и определяет тем самым его

композиционное членение. Аналогичная картина наблюдается и в других текстах, в том числе, построенных на динамическом описании.

Динамическое описание «строится на характеристике движения предмета, перечислении равноправных действий, последовательности элементов события, изменении точки зрения или направления взгляда» [Матвеева 2003: 198]. Оно занимает большую долю в очерках о природе, при помощи которого выделяются характеристики движения и поведения животных. Например: *Кукушка считает наши года, соловей поет о любви, а клин пролетающих журавлей – образ встреч и разлук. Мир наших чувств журавлям, понятное дело, неведом. Прилетая на родину, в глухих потаенных местах они выводят драчливых птенцов, учат их находить корм, терпеливо учат летать. Журавлиная проза жизни имеет, однако, и радости, давно человеком замеченные, – танцы весной и торжественные пролеты над родимым болотом, когда подросли журавлята, когда все готовы к осеннему путешествию* (Песков 2014, т. 15: 30). В данном примере с помощью динамического описания В. М. Песков изображает образ жизни птиц, знакомит читателей с их повадками, образом жизни, что позволяет композиционно выстроить текст, в котором каждый из блоков посвящен развитию одного из аспектов, реализуемых через подтемы.

Объективное описание, в котором «преследуется цель информационно-логической характеристики предмета» [Матвеева 2003: 198], также важный приём, который употребляется в очерках о природе. Например: *Глянем на Ниагару глазами географа. Эта река, так же как наша Нева, коротка. Как и Нева, Ниагара не имеет родниковых истоков – это водный рукав между большими озерами. Но Нева спокойна и глубока, Ниагара же катится вниз (из Эри в Онтарио) по порожистой, каменной горке. Высота горки – сто метров. Половина понижения сравнительно плавная, а потом сразу – обрыв. Поток воды в Ниагаре всегда постоянен – река несет к океану избыток воды из Великих озер. Все, что приносит весеннее половодье, вся вода бесчисленных речек, переполнив озера, льется из них только одним рукавом. В этом смысле Ниагару можно сравнить с Ангарой* (Песков 2014, т. 9: 94). Очевидно, при помощи

широкого использования объективного описания, автор точно и подробно водопад с точки зрения географии. Как и в вышеприведенных примерах, текст очерка о природе строится на тематическом развертывании значимых признаков предмета речи. Каждая подтема соответствует одному из аспектов описываемого предмета речи и реализуется через композиционные блоки.

Так как жанр очерка находится на точке пересечения публицистического и художественного стилей, в очерках о природе широко используется художественное описание, которое «нацелено на создание образа предмета, выявление его скрытого эмоционально-психологического потенциала для адресата» [Матвеева 2003: 198]. За счёт художественного описания В. М. Песков ярко и образно представляет природный ландшафт, и в то же время выражает собственные эмоции по отношению к природе. Например: *Колорадо! «Цветная река» по-испански. Когда солнце спряталось в облака, нитка воды поблекла – цвет неба и глинистый цвет потока смешались и дали мутно-зеленый цвет. Забегая вперед, скажем: то, что сверху казалось ниткой, на самом деле было могучей рекой* (Песков 2014, т. 9: 128). В данном фрагменте создан образ реки Колорадо: цвет реки – мутно-зелёный, форма реки – как нитка, особенность реки – цветная, красивая и могучая река, а также выражено авторское восхищение природной красотой.

В художественном описании часто используются изобразительно-выразительные приемы. Например, в очерке «Ниагара»: *Вода Ниагары срывается с высоты семнадцатипятиэтажного дома. Зеленоватого цвета поток вблизи Водопада несетя быстро, вскипает пеной на гребнях камней, как травинки, качаются подмытые вербы, дубки и сосны. Как веревки, змеятся в воде корни деревьев. Плот или лодка, оказавшись на этой стремнине, – обречены* (Песков 2014, т. 9: 94). В данном отрывке с помощью сравнений и метафоры автор образно описывает характеристики Ниагары – бурная, опасная, великолепная, также в нём выявляется скрытая мысль автора – необходимо уважать природу и приспосабливаться к ней.

Таким образом, для очерка о природе характерно доминирование описания, во всех разновидностях этого функционально-смыслового типа речи. Это позволяет наглядно, детально, ярко, образно представить характеристики пейзажа, животных, явлений природы. Описание выстраивает движение темы текста от ее представления в начальной части текста к характеристике граней предмета речи, каждая из которых получает воплощение в подтеме, которая, в свою очередь, реализуется в композиционном фрагменте.

Последний композиционный блок – концовка. Анализ текстов очерков В. М. Пескова, посвящённых природе, показывает, что концовка часто перекликается с заголовком или вступлением, что ещё раз подчёркивает основную тему текста.

Например: *Равновесие* (заголовок) → *В последние годы, когда речь заходит о законах природы, часто употребляется слово **равновесие**. Что оно значит?* (зачин) → *Равновесие – один из важнейших законов природы* (концовка) (Песков 2014, т. 8: 86–88). Очевидно, что в данном заголовке автор выдвигает концептуальную единицу – *равновесие*, в зачине очерка отмечает, что идея равновесия стала популярной в последние годы; в концовке текста автор акцентирует важность равновесия. Наблюдается тройное представление темы в заголовке и композиционной рамке. Первичная номинация возникает в заголовке, удерживается во вступлении, а затем возникает в заключении текста, т.е. номинации композиционно закреплены.

Подобный композиционный ход имеет варианты. Так, в очерке «Птицы ночи»: *Птицы ночи* (заголовок) → *Эти ночные птицы всегда пользовались особым почтением человека. Изображения сов мы находим на каменных плитах Египта, на старинных монетах, фасадах зданий, в виде каменных статуэток и деревянных фигурок* (зачин) → *Совы – хозяева ночи. Днём, заметив опасность, они пытаются затаиться, вытянуться где-нибудь около ствола берёзы, становятся похожими на сучок или неслышно, как тень, слетают под полог леса* (концовка) (Песков 2014, т. 15: 34–35). Концовка данного очерка соотнесена с заголовком и зачином, что обеспечивает завершённость и целостность очерка. идея

сова – хозяйин ночи как стержень пронизывает весь текст (от заголовка до конца текста), при этом таксономическая номинация *сова* соотносится с первичной на родо-видовых основаниях (*сова* – вид ночных птиц).

В концовке очерков о природе часто суммируется сказанное, выражается основное мнение автора, отражается тональность текста, выражается любовь к природе, забота о животных, гармоничное единство человека и природы. Так, в очерке «Благодарность»: *Многочисленные памятники животным и истории, с ними связанные, показывают, как тесно отношения человека с окружающим его миром природы* (концовка) (Песков 2014, т. 8: 47). Автор суммирует перечисленные памятники животным, истории и выражает свою позицию – нужно беречь природу и окружающий мир.

Также в концовке очерков о природе часто содержится призыв к читателям, выраженный формами императива: *Для птиц сейчас наступает суровое время. Спешите сделать доброе дело* (концовка) (Песков 2014, т. 8: 49); *Иногда животные на дороге проявляют необычное любопытство или их путь может забавно совпадать с нашим. Иногда они могут упрямиться и ползть на рожон. При всех ситуациях сидящий за рулём должен помнить: я сильнее, я уступлю* (концовка) (Песков 2014, т. 9: 149).

В композиционном блоке «концовка текста» экспликация основной темы может осуществляться с помощью перечисления подтем, которые развивались в основной части.

Таким образом, можно выделить следующие речетекстовые особенности композиционных блоков в очерках о природе.

Заголовки представляют собой номинативное слово или словосочетание, используется как нейтральные номинации, точно указывающие на предмет речи, так и стилистически окрашенные изобразительно-выразительные средства. Заголовок в очерках о природе, вместе с надзаголовком, образует заголовочный комплекс. Применяются внутренние заголовки, позволяющие делить текст очерка на части, соответствующие подтемам.

Зачин очерка о природе часто представляет собой пейзажную зарисовку, в которой используются изобразительно-выразительные средства, фразеологизмы и их трансформация, цитаты из прецедентных текстов.

Композиция основной части очерка обусловлена использованием разных видов ФСТР описание. Композиционные фрагменты, составляющие основную часть, отражают различные аспекты описываемого предмета речи, что обуславливает композиционное членение текста очерка.

Концовка очерка о природе с формированием кольцевой композиции, так как тематически перекликается с заголовочным комплексом и зачином. В концовке очерка о природе суммируется сказанное, выражается эмоциональное отношение автора к предмету речи. Концовка зачастую содержит призыв, выраженный формами императива.

3.1.2. Типичные композиционно-тематические модели текста (динамический подход)

Далее обратимся к композиционно-тематическим моделям в очерках о природе. Прежде всего, зафиксируем типичную, основную схему развития темы очерка о природе: автор сначала вводит тему природы (животные, пейзаж, явление природы и т. д.), затем развёртывает тему, т.е. раскрывает характеристики предмета текста с различных сторон. Так тема разветвляется на подтемы. В конце текста автор обобщает изложенную тему и ещё раз проясняет своё мнение.

Продемонстрируем данную модель на базе очерка «Запас».

ЗАПАС

*Зима – не тетка. И потому летом и осенью мы спешим сделать **запасы**: солим **Ø**, сушим **Ø**, варим **варенье**... То же самое происходит сейчас и в природе. Понаблюдайте осенью за поползнем и синицей. **Поспели семена** диких растений, и птицы целый день снуют по деревьям, **Ø** прячут в щели коры **запас**. В зимнюю стужу они разыщут свои **кладовые** и так же вот, ерзая вниз и вверх по стволу, выберут из коры **семена**.*

*Поспеют **желуди – заготовки** начнутся у соек. В дупла, под опавшие листья, в муравейники спрячут сойки **зимний запас**. Можно дивиться умению птицы находить свои **кладовые**. Ровная пелена снега, но сойка уверенно прыгает с ветки, зарылась в снегу... И вот уже **Ø** полетела с **желудем** в клюве.*

*Кое-кому приходилось, наверное, видеть в лесу **грибы**, аккуратно наколотые на сучок. Это белка сушит **грибы**. Созреют **орехи** – белка начнет выбирать самые крупные **Ø**, будет*

носить орехи в дупло, зароев в листья, спрячет где только можно, спрячет с избытком, потому что не все свои кладовые белка сумеет найти.

До ста килограммов зерна и корней запасает на зиму хомяк. Мешок зерна за щеками переносит грызун в подземную нору.

Но, пожалуй, больше всего забот в летнюю пору у маленьких, величиной с морскую свинку зверьков, сеноставок. В жаркое время сеноставки неутомимо косят и сушат траву. Стебелек к стебельку, и вот стоят на склоне горы маленькие стожки. В предчувствии дождя сеноставки укрывают стожки широкими листьями.

Бобры запасают и опускают под воду осиновые поленица. Лисы при избытке еды прячут в снегу мышей.

Все, кому предстоит пережить суровое время, запасаются продовольствием. Медведь, енот и барсук спят зимой. Но запас и у них есть. Эти звери держат запас под кожей. Прежде чем лечь и уснуть до весны, медведь и барсук усиленно кормятся, едят разнообразную пищу, чтобы вместе с жиром накопить вещества, нужные организму (именно потому барсучье и медвежье сало целебно). Если медведь за лето и осень не нагулял жиру – в берлогу он не ложится. Медведь становится шатуном. Такой зверь к весне, как правило, погибает.

Но еду иногда готовят и не к зиме, а впрок, на текущее время. Понаблюдайте за птицей сорокопутом. Лягушек, мышей и кузнечиков этот маленький хищник вялит, вешая на колючки...

Запас карман не трет. (Песков. Запас. 2014, т. 8: 7–9).

В приведённом очерке заголовок *Запас* представляет собой имя существительное (в словаре определяется так: «запас – то, что запасено, приготовлено, собрано для чего-н.» [ТСРЯПС 2011: 259], данный заголовок реализует функцию информативности.

Зачин данного очерка состоит из первых трёх предложений. В начале зачина используется трансформация русского фразеологизма «голод – не тётка». В тексте очерка читаем: *Зима – не тётка*, что отражает исторический опыт народа: зима – это суровое, трудное время года в природе, нужно относиться к ней серьёзно. Далее, опираясь на логическое умозаключение: *Зима – не тётка* (причина) → *И потому летом и осенью мы спешим сделать запасы...* (следствие), автор конкретизирует введенное понятие, ср.: *запасы – ∅* (рыба, огурцы...) – *∅* (грибы...) – *варенье*. Затем с помощью стилистического приёма сравнения автор выделяет сходный признак в жизни человека и в природе – все делают запасы к зиме. В итоге, зачин данного очерка успешно вводит тему о запасах к зиме в живой природе, а также устанавливает непринуждённый контакт с адресатом.

В основной части данного очерка автор разрабатывает тему «запас» с помощью нескольких подтем. В данном композиционном блоке опорным функционально-смысловым типом речи является описание, конкретно говоря, динамическое описание, так как автор перечисляет характеристики движения

разных животных при подготовке к зиме с помощью ряда глаголов: *спуют, прячут, разыщут, выберут, находят, прыгает, зарылась, сушит, носить, запасаает, переносит, косят, стоят, укрывают, опускают, спят, держат, лечь, уснуть, кормятся, едят, накопить, вялит*. Рассмотрим процесс разворачивания и конкретизации каждой подтемы. Они связаны с видами животных и птиц.

После зачина автор сразу обращает свой взгляд на запасы у поползня и синицы, и описывает подтему 1 «Поползень и синица прячут семена в щели коры» при помощи следующих номинаций: *семена – запас – кладовые – семена*. Стоит отметить, что композиционный блок не обязательно выражается в сегментной, расчленённой форме небольшого произведения, например, в данном очерке зачин и основная часть (подтема 1) вмещаются в рамки одного абзаца.

Затем с помощью косвенного временного показателя *поспеют жёлуди – заготовки начнутся у соек*, автор переходит к описанию подтемы 2 «Сойки прячут жёлуди в дупла», и эксплицирует её за счёт следующих номинаций: *жёлуди – заготовки – зимний запас – кладовые – с жёлудем*.

Далее автор использует неопределённое местоимение в начале третьем абзаце: *Кое-кому приходилось, наверное, видеть в лесу грибы, аккуратно наколотые на сучок*, которое выражает референтный денотативный статус слабой определённости, также выполняет интродуктивную функцию, и естественно вводит подтему 3 «Белка сушит грибы и носит орехи в дупло». Данная подтема представлена следующими номинациями: *грибы – грибы – орехи (к) – Ø (орехи) – орехи – Ø (орехи) – Ø (орехи) – кладовые*.

В начале четвёртого абзаца представлен контраст: *До ста килограммов зерна и корней запасаает на зиму хомяк*. Всем известно, что хомяк имеет маленький размер и вес (длина его тела 5–34 см, хвоста 0,7–10 см, масса тела в среднем 700 граммов), но он может запастись до ста килограммов продовольствия на зиму. Скрытая антитеза удерживает интерес адресата, она вводит подтему 4 «Хомяк запасаает зёрна и корни в подземную нору», которая эксплицирована при помощи следующих номинаций: *зерна – корней – зерна*.

Переход к подтеме 5 «Сенокосы косят и сушат траву» осуществляется с помощью противительного союза *но*: *Но, пожалуй, больше всего забот в летнюю пору у маленьких, величиной с морскую свинку зверьков, сенокосов*. Мы видим, союз *но* как логическая связка соединяет подтему 4 и подтему 5, иначе говоря, способствует переходу от известной информации (у хомячков много забот в летнюю пору) к новой информации (больше всего забот у сенокосов), поэтому в данном абзаце противительный союз *но* играет в роль композиционной связки. Подтема 5 эксплицирована с помощью ряда номинаций: *траву – стебелёк – стебельку – стожки – стожки*.

В шестом абзаце автор прямо указывает на запас у бобров – *осиновые поленца* и представляет подтему 6 «Бобры запасают осиновые поленца». Затем автор показывает еду лис – *мышей*, и представляет подтему 7 «Лисы прячут в снегу мышей». Данный короткий абзац (всего два предложения) содержит две подтемы, это ещё раз утверждает, что разделение подтем не всегда соответствует сегментной расчленённой форме.

Предложение *Все, кому предстоит пережить суровое время, запасаются продовольствием*, которое появляется в начале седьмого абзаца, служит связующим звеном. В данном предложении суммирован общий признак вышесказанного: все (поползны, синицы, сойки, белки и т.д.) запасают продовольствие (жёлуди, грибы, орехи, зёрна, корни, траву, осиновые поленца). Этим предложением закрывается большой композиционный блок. Описываемые далее животные, в отличие от вышеперечисленных, используют другие способы сделать запас, чтобы пережить зиму. Автор эксплицирует подтему 8 «Медведь, енот, барсук держат запас под кожей» при помощи следующих номинаций: *запас – запас – разнообразную пищу – с жиром – вещества – сало – жиру* и отражает особенность запаса у медведей, енотов и барсуков.

В начале восьмого абзаца представлено предложение *Но еду иногда готовят и не к зиме, а впрок, на текущее время*. Видно, противительный союз *но* опять как композиционная связка играет роль в переходе от предыдущего высказывания (для вышеперечисленных животных еда готовится к зиме) к последующему (для

сорокопутов еда готовятся впрок на текущее время). Следовательно, после этого вводного предложения автор представляет подтему 9 «Сорокопут вялит и вешает лягушек, мышей и кузнечиков» при помощи номинации: *еду – лягушек – мышей – кузнечиков*.

Отдельно стоит заметить, что цепочки подтем данного очерка разнообразны за счёт того, что автор рассказывает про разные виды запасов на зиму у разных животных. При этом мы можем выделить тематическую цепочку целого блока, связанную с субъектами, делающими запас: *поползнем – синицей – птицы – ∅ (поползни и синицы) – они – у соек – сойки – птицы – сойка – ∅ (сойка) – белка – белка – белка – хомяк – грызун – зверьков – сеноставок – сеноставки – сеноставки – бобры – лисы – медведь – енот – барсук – у них – эти – звери – медведь – барсук – медведь – он – медведь – шатуном – такой зверь – сорокопутом – хищник*. Автор последовательно описывает, как разные животные (поползни, синицы, сойки, белки, хомяки, сеноставки, бобры, лисы, медведи, еноты, барсуки и сорокопуты) готовятся к зиме. Каждая из подтем основной части реализуется через соответствующие композиционные фрагменты. В очерке используется дедуктивный логический ход, характерный для ФСТР описание: от обобщённого краткого представления события (в природе происходит действие – делать запасы) к конкретному иллюстративному ряду (белка сушит грибы, сеноставки косят траву и т. д.).

Концовка *Запас карман не трёт* – вариативный фразеологизм (в словаре «Большой словарь русских пословиц» отмечается несколько аналогичных по смыслу вариантов: «запас ни пить ни есть не просит; запас мешка не трёт; запас кожу не дерёт; запас места не пролежит; запас мешка не дерёт» [БСРП 2010: 362]). В концовке суммируется авторская идея – запас для людей и животных важен, и имплицитно выражается авторская любовь к природе, забота о животных.

Концовка данного очерка соотнесена с зачином и пронизывает весь текст – нужно иметь что-то с запасом, чтобы пережить зиму. Возникает кольцевая композиция: тема предлагается в зачине и подчёркивается в концовке ещё раз, что обеспечивает целостность и завершённость текста.

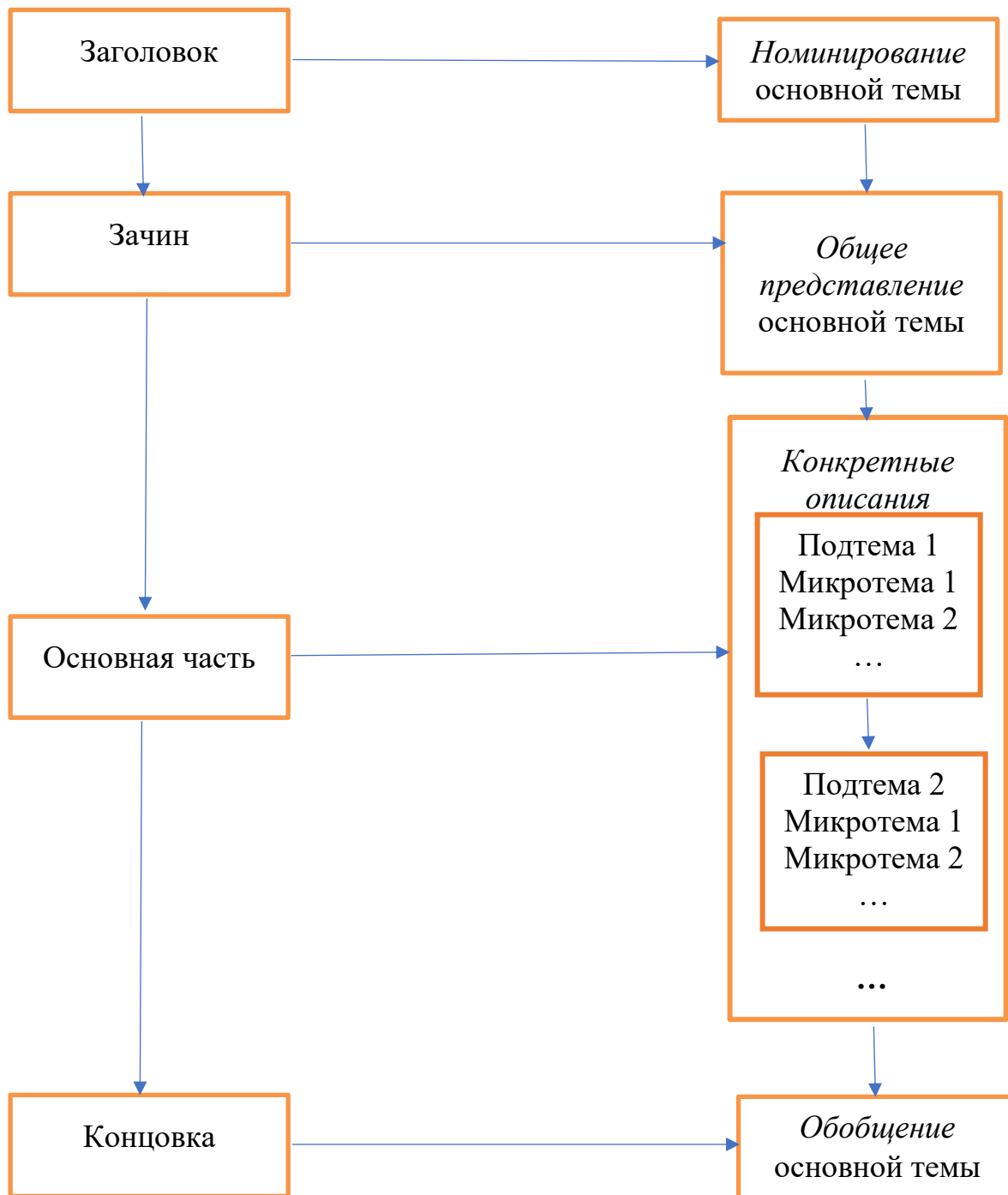
Можно сделать предварительный вывод о категории композиции в очерках о природе: 1) в большинстве очерков преобладает ФСТР описание; 2) противительный союз часто возникает на границах композиционно-тематических фрагментов и выполняет роль композиционных связок; 3) при переходе на подтемы типичен переход с целого на часть, с обобщённого понятия на ряд конкретных; 4) разделение композиционных блоков не всегда соответствует сегментной расчленённой форме текста (разделению на абзацы); 5) концовка придаёт тексту завершённость путём установления лексической связи с зачином.

Композиционно-тематическую схему в очерках, посвящённых природе, можно представить следующим рисунком (см. рис. 1).

Рассмотренная композиционно-тематическая модель строится на типичных логических основаниях: движение от явления природы (зима) к деятельности субъектов; от абстрактного понятия к его конкретизации; от обобщённого описания к подробному. Она соответствует ходу передачи информации от автора к адресату, иначе говоря, данная модель нацелена на аспектное раскрытие явления природы и выполнение функции – информативности. Наконец, финальное обобщение придает тексту признак завершенности.

Рис. 1.

Композиционно-тематическая организация в очерках, посвящённых природе
(модель с ФСТР описание)

Очерк о природе традиционно относится к области пересечения публицистического и художественного стилей, в нём часто сочетается информативность и экспрессивность, при этом стоит отметить выразительный способ – метафору, которая нередко используется в заголовке очерка, и проходит

через весь текст. Выразительные единицы текста также наделяются композиционной функцией. Рассмотрим следующий очерк:

НЕОДЕТАЯ ВЕСНА

Пора эта очень недолгая – *дней десять* всего. Снег земля скинула, а в зелень ещё не оделась. Половодье утихло, но в бочагах и канавах много воды. Вода сочится под сапогами. В посветлевшую воду глядят ивы и ольхи. Преобладающий цвет у земли – рыжевато-белёсый. Полеглые, отбелённые снегом травы, листья и бурьяны подсыхают, хрустят под ступней. А там, где снег ещё только сошёл, рыжевато-белёсая корка земли хранит отпечаток великой *мышинной жизни* под снегом: туннели, гнезда из мягких стеблей, шахты, кладовки, трассы отважных странствий. Зимой только лисы знают про *эту жизнь*. Теперь же *мышинные царства* доступны глазу. Они похожи на древние городища, лишённые жизни. Но ведь не смыли же *вешние воды мышинный народец*, где-то он тут, под ногами – затаился, укрылся от снежной воды.

Вороны, сидящие неподвижно в центре *мышинного государства*, отлично знают: терпенье вознаграждается. И вот одна из них шумно взлетела с *добычей* видно, как возле клюва мотается гибкий *мышинный хвост*.

Неодетый лес прозрачен, светел и *голосист*. Горланят *дрозды*, свищет *скворец*, рюмлит перед дождиком *зяблик*. На гулком сосновом суку творит любовную песню *дятел*, кричат *чибицы* на опушке, звенит невидимый *жаворонок*. Среди громких и сильных звуков вдруг слышишь *шорох*. Кто бы это?.. Да *муравьи*! Дубовые листья возле прогретого солнцем жилища подсохли, *муравьиный топот* по ним отчетливо слышен. Нагнувшись, видишь *муравьиные караванные тропы*. Чем жарче солнце, тем оживлённей мелкий *лесной народец*.

Лимонного цвета бабочка замелькала между деревьями. Провожая её глазами, вдруг видишь в *буроватом* сквозящем пространстве брызги *лилово-розовой краски*. Цветёт волчье лыко. Цветут в это время ещё орешник, осина, *жёлтыми звездами* на суглинистых бугорках показала *цветы* мать-и-мачеха. Но царствуют в неодетом лесу *цветущие ивы*. Семейство у этих кустов и деревьев большое – ива ломкая, ива шелюга, ива бредина... И *цветенье* многообразное: то видишь большие *жёлтые фонари*, то *жемчужную мелкую россыпь*. То большие *серебряные барашки*. Мягкая «шёрстка» на этих цветах – утепление на случай морозов.

Буровато-рыжее время... На припёках, однако, прошлогоднюю ветошь уже проткнули *зелёные шильца травы*, показалась молодая крапива, и уже до предела набухли древесные почки. Дело теперь за теплом. Два-три погожих солнечных дня – и землю накроет пахучий *зелёный дым*. *Время неодетой весны* истекает: *зелёный дым* и следом *зелёный шум*. А потом и всё остальное, что приносит на землю раньше и раньше встающее солнце (Песков. Неодетая весна 2014, т. 14: 26–27).

Метафорический заголовок *Неодетая весна* является базовой номинацией темы, которая в трансформированном виде содержится и в последнем абзаце, формируя кольцевую композицию. Следуя логическому соотношению понятий *целое – часть*, автор последовательно представляет подтемы, каждая из которых соответствует одной из граней метафоры *неодетая весна*, причем оба компонента метафоры раскрываются на протяжении всего текста. *Неодетая весна* – это определенный временной период, сема времени содержится в тематической цепочке *неодетая весна – пора – дней десять – время – время – неодетой весны*. Таким образом, основная тема «Время неодетой весны» совпадает с категории

времени текста. Она эксплицируется в заголовке, в зачине и в концовке, это помогает образовать замкнутую кольцевую структуру очерка.

Зачин *Пора эта очень недолгая – дней десять всего* прямо показывает малый временной диапазон неодетой весны – *дней десять всего*, и её характеристика – *недолгая*.

Разворачивая метафору «неодетая весна», автор использует функционально-смысловой тип речи описание и последовательно располагает в тексте очерка подтемы «Земля», «Звуки неодетого леса», «Краски неодетого леса», которым соответствуют композиционные фрагменты основной части текста.

По классификации описания мы определяем, что в данном очерке преобладает динамическое описание, которое строится на изменении направления взгляда автора, например: *теперь же мышинные царства доступны глазу; Лимонного цвета бабочка замелькала между деревьями. Провожая её глазами, вдруг видишь в буроватом сквозящем пространстве брызги лилово-розовой краски.* Описание осуществляется с помощью ряда глаголов, например: *Половодье утихло, но в бочагах и канавах много воды. Вода сочится под сапогами. В посветлевшую воду глядятся ивы и ольхи.* Автор одновременно выделяет констатирующий признак предмета, также изображает оживлённое и энергичное явление природы – время неодетой весны.

Остановимся на сказанном более подробно.

В. М. Песков начинает конкретизирующую часть очерка с подтемы 1 «Земля», с которой стаял снег: *Снег земля скинула, а в зелень еще не оделась.* Описание земли, с которой стаял снег и которая либо высохла полностью, либо на ней еще есть вода, подземного царства, в котором живет мышинный народец, позволяет раскрыть одну из смысловых частей метафоры *неодетая весна* и является первым композиционным фрагментом.

В подтеме 1 «Земля» выделяется ряд микротем. Микротема 1 «Таяние снега» эксплицируется при помощи следующих номинаций: *снег – половодье – много воды – вода – воду – снегом – снег – под снегом – вешние воды – снежной воды.*

Под землей живут *мыши*, таяние снега привело к тому, что *Теперь же мышинные царства доступны глазу*, при этом мы можем определить микротему 2 «Мыши», для экспликации которой используются следующие номинации: *мышинной жизни – эту жизнь – мышинные царства – они – мышинный народец – он – мышинного государства – добычей – гибкий мышинный хвост*.

Отдельно стоит отметить отношения между внешним расчленением текста делением темы. Анализ композиции приведённого очерка показывает, что зачин – первое предложение первого абзаца, вводит тему «Неодетая весна»; микротема 1 «Таяние снега» осуществляется в первой половине первого абзаца; микротема 2 «Мыши» эксплицируется во второй половине первого абзаца и целом втором абзаце. Таким образом, тематическое разделение темы не обязательно выражается в синтаксически расчленённой форме.

Следующая грань метафоры «Звуки неодетого леса» в качестве подтемы 2 вводится при помощи предложения *Неодетый лес прозрачен, светел и голосист*, в котором представлены описываемый предмет текста – *неодетый лес*, и его основные характеристики – прозрачный, светлый и голосистый. Логическая структура *часть – целое* помогает организовать данный фрагмент текста по разным смысловым линиям. Так, лес – это птицы, насекомые, то есть *лесной народец*. Микротема 1 «Лесной народец» представлена следующими номинациями: *дрозды – скворец – зяблик – дятел – чибисы – жаворонок – это – муравьи – муравьиный топот – муравьиные караванные тропы – лесной народец*. «Лесной народец» наполняет лес разными звуками, это еще одна смысловая линия, через которую раскрывается ключевая метафора: *неодетый лес голосист*.

Микротема 2 «Звуки леса» реализуется за счёт ряда глаголов: *голосист – горланят – свищит – рюмит – на гулком сосновом суку – творит любовную песню – кричат – звенит – слышишь шорох – слышен*. В данном композиционном фрагменте показано, что во время неодетой весны птицы и насекомые в лесу издают разные звуки.

Последний композиционный фрагмент связан с подтемой «Краски неодетого леса», которая раскрывается с помощью следующих номинаций: *лимонного цвета*

– буроватом – лилово-розовой краски – цветёт – цветут – жёлтыми звездами – цветы – цветущие ивы – цветенье многообразное – жёлтые фонари – жемчужную мелкую россыпь – серебряные барашки – буровато-рыжее время – зелёный шильца травы – зелёный дым – зелёный дым – зелёный шум. Путём использования ряда слов с разным цветовым значением автор изображает красочные и красивые пейзажи в лесу, выделяет характеристики времени неодоетой весны.

В концовке *Время неодоетой весны истекает: зелёный дым и следом зелёный шум. А потом и всё остальное, что приносит на землю раньше и раньше встающее солнце* особую значимость получают временные указатели.

Итак, метафора, вынесенная в заголовок текста, определяет тематическое и композиционное развертывание очерка о природе. «Разворачивая» ключевую метафору, автор последовательно, в соответствии с логическим принципом *часть – целое* и законами композиции, располагает подтемы, каждая из которых раскрывает одну из смысловых граней этой метафоры.

На основании проведенного анализа текста с метафорическим заглавием можно сделать следующие выводы. Развитие темы происходит с использованием логического принципа *часть – целое*, где целое – явление или событие, а часть – его элементы. Конкретизация явления отражается в композиции жанра очерка.

Метафора в очерках, посвящённых природе, влияет на экспликацию категории темы и композиции. Тематическое разветвление текста определяется конкретизацией ключевой метафоры и закрепляется в композиционных фрагментах. Композиционные части разграничиваются с помощью тематического или иного изменения (меняется подтема, точка зрения автора и т.д.).

Основная часть очерка делится на подтемы, каждая из которых, в свою очередь, состоит из микротем, имеющих относительно самостоятельное содержание. Разделение тем, подтем и микротем не связано с формально-смысловой расчленённостью текста на абзацы.

В подавляющем большинстве очерков о природе опорным ФСТР служит описание. Это становится типичным и отличительным признаком очерков данного типа. Однако существует группа проблемных очерков о природе, в которых

преобладает ФСТР рассуждение. В числе очерков В. М. Пескова проблемные очерки, посвященные природе, занимают небольшую долю. Это связано с мировоззрением автора: В. М. Песков – оптимистический и активный журналист, он любит жизнь и природу, и всегда видит хорошую сторону действительности. Кроме того, очерк как жанр публицистики зависит от политического фона и обстановки в то время, когда жил журналист. В советское время газетные материалы как средства массовой информации должны были играть положительную роль в пропаганде. Очеркисты старались избегать острых социальных вопросов. Нас интересуют проблемные очерки о природе как материал, имеющий исследовательскую ценность в экспликации категории композиции.

Анализируя текст «Укор», мы попытаемся рассмотреть, как ФСТР рассуждение функционирует в очерке о природе, как оно влияет на строение композиции.

УКОР

Природа безмолвна. Под натиском человека она отступает, гибнет. И только немой укор мы видим в ее глазах (Введение рассуждения)

Силы человека неисчислимы. И потому каждый неверный, нерассчитанный шаг несет непоправимые разрушения (Положение аргумента 1). *Два этих снимка символа нас обвиняют. Замученное малолетними шалунами животное. Пропитанная нефтью морская птица. Снимки сделаны в разных местах земли, но каждого из нас касается этот немой укор* (Обоснование аргумента 1). *Мы не можем быть равнодушными к оскудению мира, частью которого сами являемся* (Вывод аргумента 1).

Наша совесть и разум, воспитание наших детей, законодательство – все должно служить защите и покровительству существ с нами на планете Земля. *Ибо ничего нет печальней картины, чем человек в умолкнувшем синтетическом мире* (Положение аргумента 2).

Природа взывает к нашему разуму и милосердию (Тезис текста – вывод) (Песков. Укор. 2014, т. 7: 99).

В данном тексте применяется индуктивная схема рассуждения. Тезис оформляется автором только в выводе, зачин выполняет роль введения, где задается тема и тональность текста. Основная часть представляет собой два аргумента, первый из которых имеет полное строение (положение, обоснование и вывод), а второй – усеченное, содержит только положение аргумента. Остановимся на композиции очерка более подробно.

Заголовок – сильная позиция текста, *Укор* обозначает «упрёк, порицание» [ТСРЯПС 2011: 1023], так что имя темы прямо выражает тональность текста – недовольство. Номинация *укор* повторяется в тексте три раза: *Укор* (в заголовке) –

немой укор (в зачине) – *немой укор* (в середине основной части), что образует смысловую стержень содержания.

Первый абзац составляет зачин текста, в котором автор предлагает проблему взаимоотношений человека и природы: *немой укор мы видим в ее (природы) глазах*. Также зачин данного очерка ясно показывает, что тема будет раскрываться в критической тональности.

ФСТР рассуждение может строиться на дедуктивном принципе: от общего к частному, и, как правило, состоит из трёх крупных частей: тезис, аргументы и вывод [Купина, Матвеева 2013: 111]. Также существует индуктивное строение рассуждения, которое «не предполагает первоначального представления тезиса, здесь изложение фактов и аргументов предшествует тезису, а в начале ФСТР вводится только тема и цель рассуждения» [там же: 112], в этой случае, ФСТР рассуждение состоит из следующих трёх частей: введение, аргументация, заключение [там же: 112]. Очерк «Укор» строится на индуктивном принципе. В зачине данного очерка выдвигается проблема: в природе существует проблема взаимоотношений человека и природы, которая требует обоснования в дальнейшей части текста.

Основную часть текста можно разделить на две соответствии с аргументами. Так как «аргумент состоит из: (1) положения и (2) обоснования» [Волков 2009: 227], «положение (пропозиция) аргумента – формулировка мысли; обоснование – совокупность доводов, формулировок мыслей» [там же: 227], данный фрагмент текста можно разделить на более мелкие части, которые образуют следующую композиционно-тематическую схему: Аргумент 1 → Аргумент 2 → Тезис. При этом аргументы помещаются в основной части, а тезис – в выводе.

Обратимся к первому аргументу, в котором подробно описывается поведение людей, разрушающих природу, иначе говоря, разрабатывается подтема 1 «Укор». Она расположена в зачине и первой половине основной части текста и эксплицируется при помощи следующих номинаций: *укор – немой укор – непоправимые разрушения – замученное малолетними шалунами животное – пропитанная нефтью морская птица – снимки – немой укор*.

Во втором аргументе и концовке (последний абзац текста) выдвигается подтема 2 «Защита природы», которая реализуется при помощи следующих номинаций: *совесть – разум – воспитание наших детей – законодательство – защите – покровительству – разуму – милосердию*.

Концовка данного очерка ограничена отдельным абзацем, который состоит из одного предложения: *Природа взывает к нашему разуму и милосердию*, это тезис текста. Короткая, с высоким уровнем обобщения концовка очень эффектна. Здесь используется олицетворение, природа наделяется человеческими свойствами, что придаёт речи живость и выразительность, а также помогает прояснить поставленную автором цель – призвать адресата к защите природы.

Концовка очерка «Укор», с одной стороны, принимает на себя роль вывода рассуждения и логически соотносится с тезисом рассуждения. С другой стороны, концовка как конечный композиционный блок обобщает тему текста, включая подтему 1 «Укор» и подтему 2 «Защита природы», что придает тексту целостность.

Анализируя тональность данного очерка, мы обнаруживаем, что во фрагменте, посвящённом подтеме 1 «Укор» создаётся тональность тревоги и боли за всю природу и упрека человеческому поведению через сам факт (*замученное животное*). Во фрагменте подтемы 2 «Защита природы» доминируют дидактическая и воспитательная тональность при помощи побудительной интонации (*мы не можем быть равнодушными к оскудению*) и призыва к будущему (*природа взывает к нашему разуму*). Таким образом, в зависимости от развития темы меняется тональность очерка.

Отдельно заметим, что композиционные блоки в данном очерке оформляются в синтаксически расчленённой форме: зачин располагается в первом абзаце, основная часть во втором абзаце, концовка в третьем абзаце. Сводя вместе вышеизложенное, можно сделать вывод: деление композиционных блоков определяется развитием темы текста, смысловым ходом, коммуникативной целью и замыслом автора.

Проанализировав очерки о природе, построенные по модели ФСТР рассуждения, мы приходим к следующим выводам.

Проблемный очерк о природе отражает развитие проблемной ситуации. Автор сначала выявляет суть проблемы о природе, затем обсуждает пути её решения и выступает с призывом. Это обуславливает характерную композиционно-тематическую организацию: подтема 1 посвящена проблеме, подтема 2 – решению проблемы, в концовке предлагается выход из проблемной ситуации.

В проблемном очерке о природе последовательность расположенных частей рассуждения определяет путь развития темы и выполняет композиционную функцию. При этом тема данных очерков можно делиться на подтемы в соответствии со структурой рассуждения. Тезис, заявляющий основную тему, в соответствии с общими риторическими правилами, может располагаться как в зачине (дедуктивная модель изложения), так и в концовке (индуктивная модель изложения). Основная часть представляет собой последовательность аргументов, каждый из которых развивает определенную подтему. Отметим, что аргументы могут иметь полную форму (положение, обоснование и вывод) и сокращенную форму (только положение, только обоснование).

Для данных очерков типична концовка, содержащая элементы призыва, например: защищайте природу, любите животных, уважайте законы природы и так далее. Это усиливает воздействие очерка и реализует замысел автора.

Наряду с логическим содержанием, тема текста характеризуется определённой тональностью, которая должна соответствовать движению проблемы, например: тема – выявление проблемы выражается в тональности осуждения; тема – призыв – в дидактической тональности. Отдельно заметим, что негативная тональность данных очерков сдержанна, не содержит острой критики и резких обвинений.

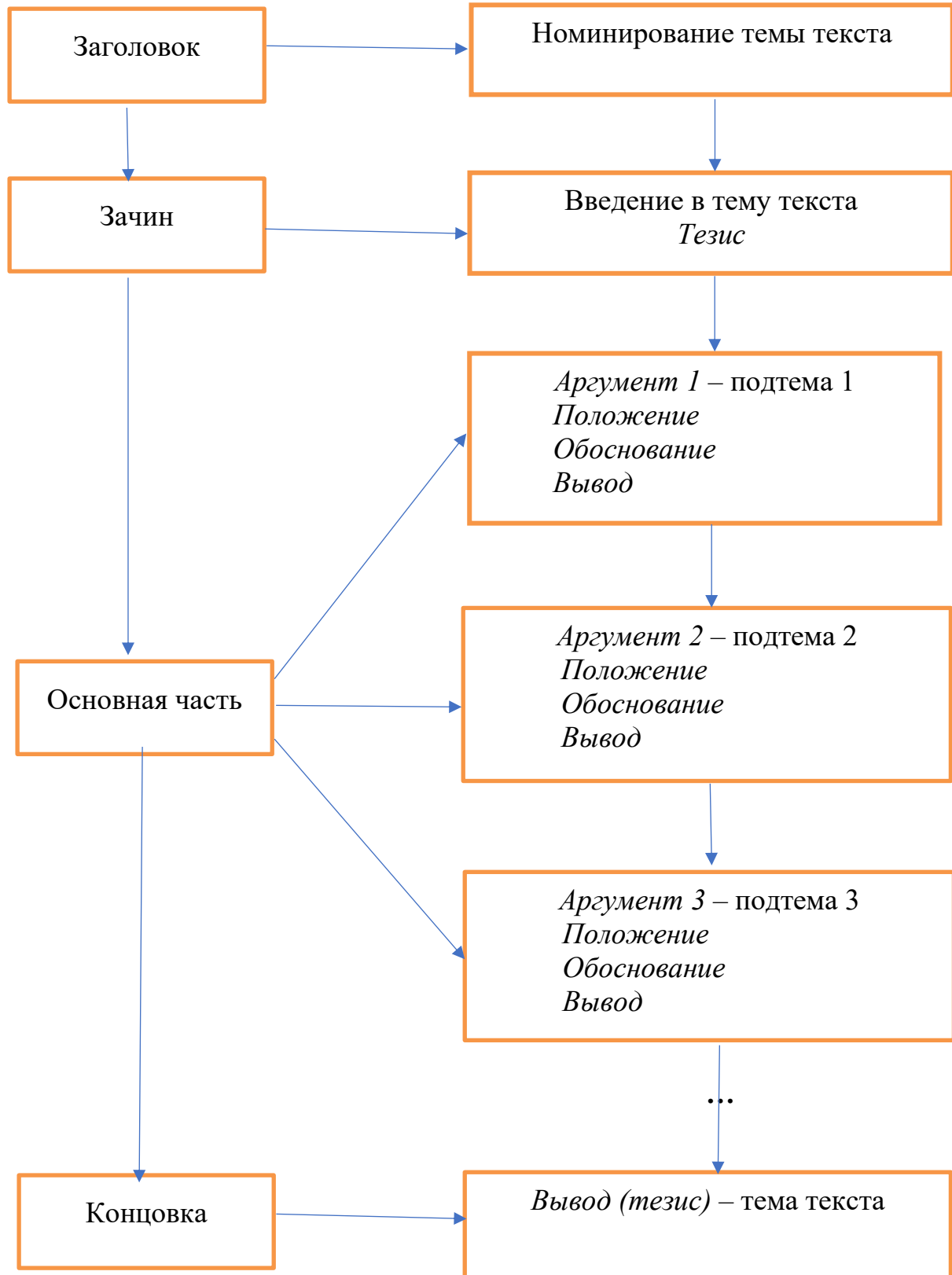
Деление композиционных блоков очерка определяется развитием темы, смысловым ходом, коммуникативной целью и замыслом автора, не зависит строго от формальной сегментации текста.

В очерке, где преобладает описание, предметы описания дополняют друг друга, складываясь в мозаику целого. В очерке, где преобладает рассуждение,

общетекстовая связь устраивается на логическом основании, авторская мысль перетекает из одной темы в другую, тесно соединяет тему и подтемы по законам аргументации.

В итоге, мы выделяем особый вид очерка, который находится на пересечении описательного очерка о природе и проблемного очерка и обладает особой композиционно-тематической организацией. Данная модель представлена на следующем рисунке (см. рис. 2).

Композиционно-тематическая организация в очерках о природе
(модель с ФСТР рассуждение)

Таким образом, способы и пути реализации темы в очерке о природе многочисленны, в нашем исследовании выделено две композиционно-тематические модели: основная модель, построенная на ФСТР описание; и достаточно редкая модель, построенная на ФСТР рассуждение. На выстраивание композиционной модели влияет ряд факторов, главным из которых является наличие или отсутствие проблемности. Описательный очерк выдвигает на первый план задачу создания определенного настроения читателя; проблемный очерк-рассуждение акцентирует аналитизм текста.

3.2. Структурирование очерков о человеке

Следуя логике анализа, показанной в предыдущем параграфе, обратимся к рассмотрению статического и динамического подхода в экспликации категории композиции. Анализ показал, что очерки о природе и портретные очерки различаются экспликацией категории композиции. Прежде всего это относится к содержанию композиционных блоков. Рассмотрим последовательно все типовые композиционные блоки текста: заголовок, зачин, основная часть и концовка.

3.2.1. Речевое оформление композиционных блоков (статический подход)

Обратимся к заголовкам очерков, посвящённых человеку. Выше в нашем исследовании мы уже говорили о информемах и прагмемах в заголовках очерков о природе. Рассмотрим, как информемы и прагмемы реализуются в очерках о человеке.

Например, информемы: *Два портрета; Трое в лодке* (Песков 2014, т. 2); *Двое на лошади* (Песков 2014, т. 6); *Человек* (Песков 2014, т. 4). Прагмемы: *Незабытые сыновья; Дочь коммуниста; Люба, Любушка...; Дорога к звездам; Звезда Ивана Назарова; Встреча с Фаустом; Звёздный пахарь* (Песков 2014, т. 2); *Грустный монолог Янишина* (Песков 2014, т. 6); *Видим звезды; Крылатые богатыри; Два*

любопытных знакомства (Песков 2014, т. 4). Мы приходим к выводу, что большинство заголовков в очерках о человеке – это прагмемы, в которых выражается отношение автора к героям очерка, задаются авторские субъективные эмоции.

Со структурной точки зрения, большая часть заголовков очерка представляет собой словосочетание из двух-трех слов. Например: *Биография аспиранта; Наш Гагарин; Наш корреспондент; Сын волги; Капитан звездолёта «Восток-4»; Повесть небесных дней; Слово космонавтов; Наш тост; Перед стартом; звезды космодрома; Космические зори на волге; Вторая встреча* (Песков 2014, т. 3); *Настоящие болельщики; Солнце под кистью; «Доктор» комбайнов; На трассе голубого огня; Мотя Трещева – председатель; Первая в Сибири; Семья Петра Гриновского; «Соперники»; Дочь тайги; Столетняя молодость; Солнце над шахтой; Рабочий Человек; Кандидат партии* (Песков 2014, т. 1). Предикативные единицы в качестве заголовка более редки: *Стыдно, Петро; Судите, кто выиграл; Здравствуй, планета; Волга встречает героев* (Песков 2014, т. 3); *Рубль тысячи бережет* (Песков 2014, т. 1); *Москву отстояли* (Песков 2014, т. 8); *Он жил, чтобы летать* (Песков 2014, т. 6); *За что умирают солдаты; Он был разведчиком* (Песков 2014, т. 4). Номинативные заголовки имеют абсолютное количественное преимущество. Они включают в себя название события, профессии, звания, заголовком может стать имя собственное, обычно это личное имя героя очерка.

В соответствии с принципом публицистического стиля, очерк о человеке должен быть озаглавлен эффектно и привлекательно. Одним из способов достижения воздействующей силы заглавия является недоговорённость. Недоговорённость – «неполное высказывание, замалчивание чего-н.» [ТСРЯПС 2011: 507]. По словам Е. Ф. Куземиной, недоговорённость как выразительность говорения и «сокрытость информации может выступать как элемент семантики слова и высказывания в имплицитных и ненормативных пропусках» [Куземина 2008: 156]. Недоговорённость часто используется автором намеренно «с целью выразить динамику событий, передаваемых в последующем тексте и заинтересовать читателя» [Карим 2003: 12]. Например: *Он видел небо...*;

«Теперь скоро...» (Песков 2014, т. 6); *За эти шесть лет...; Трое прилетели в Невон...; Вот какой у Леньки сосед...; Первая сельская...; Люба, Любушка...* (Песков 2014, т. 2); *От сына...; Если люди доверили...; Рыбак рыбу выручает...* (Песков 2014, т. 1). Использование приема недоговорённости в заголовках очерка о человеке побуждает адресата заполнить недостающую информацию своими соображением, интригует адресата.

Нередко в очерках, посвящённых человеку, используются внутренние заголовки, с помощью которых представлены явления, события в динамике (развитии во времени) и ход мысли автора. Например, очерк «Таёжный тупик» (Песков 2014, т. 14: 46–85) разделен на девять частей путём заголовков «*Рассказ Николая Устиновича*», «*Тот край*», «*Встреча*», «*Разговор у свечи*», «*Огород и тайга*», «*Добывание огня*», «*Лыковы*», «*Житье-бытье*», «*Заключение*». При помощи этих внутренних заголовков автор шаг за шагом показывает нам свое исследование жизни Лыковых в глухой тайге. Он начинает с того, как журналист услышал рассказ о необычной семье Лыковых от краеведа Николая Устиновича, как они отправились к ним, впервые встретились с семьей Лыковых. Внутренние заголовки в очерках о человеке четко выполняют функцию тематического членения, намечают этапы тематического развертывания, выделяют композиционные фрагменты основной части текста как относительно самостоятельные субтексты.

Обратимся ко второму композиционному блоку – зачину. В отличие от очерка о природе, в котором преобладает описательный зачин, выполняющий эстетическую функцию, в очерках о человеке часто используется повествовательный зачин, который работает как «зацепляющий крючок» (А. Ф. Кони), поскольку он в большей степени, чем описательный, привлекает внимание. При этом своеобразным зачином очерка о человеке может служить припоминаемый повествовательный фрагмент. Возьмём пример:

Баллада о топоре (заголовок) → Я с любопытством оглядел топор. – При Петре ковался? Старик уловил недоверие. Он взял топор, вытер рубахой ржавые пятна. – В музей сдавать не собираюсь... А вам не грех поспрошать людей, что за село наше такое ... Людка-то хороша в воду? Я похвалил лодку. – То-то же, – сказал старик. – Полюбопытствуй насчёт села... Ну пошли, Витек! Старик смахнул щепки со штанов, соскреб ногтем лепешки ила. Белоголовый

мальчишка спрятал в осоку весло, как заправский плотник, кинул топор на руку. Оставляя следы босых ног на песке, дед и внук пошли берегом в село... (зачин) → Припоминаю сейчас все подробности этой июньской встречи... (начало основной части) (Песков. Баллада о топоре. 2014, т. 2: 29).

В зачине приведённого очерка излагается увлекательная сцена: автор беседует со стариком о топоре. Диалог и ряд действий персонажей способствует развитию сюжета, наделяет очерк чертами разговорности и непринуждённой тональностью.

Очерк о человеке может иметь продолжение в других текстах, формируя цикл текстов, посвященных одному человеку или событию. В этом случае зачин последующего текста служит связующим звеном, поскольку в нём кратко суммировано содержание предыдущего очерка и введена главная тема нового.

Например:

4 мая в нашей газете был опубликован очерк «Карл, друг Петра...» В нем рассказано о встрече в Швейцарии с человеком, сохранившим трогательное чувство дружбы к русскому парню, бежавшему через Рейн из фашистского плена (Обзор содержания предыдущего очерка). Жив ли Петр Билан, о котором шла речь? Отзовется ли?.. Жив! Отозвался! Сегодня – рассказ о встрече с Петром Ильичом Биланом, рассказ об интересной человеческой судьбе (введение темы данного очерка) (Песков. Петр, друг Карла. 2014, т. 13: 37).

Зачин приведённого примера делится на две части: в первой выделена ключевая известная информация предыдущего очерка о герое: имя героя – Пётр, место проживания – Швейцария, необычное пережитое – бежать через Рейн из фашистского плена. Это позволяет читателям получить базовое представление о герое текста. Во второй части зачина показана тема, которая будет раскрыта в данном очерке, – судьба Петра. Несомненно, вторая часть зачина выполняет вводную функцию к последующей части текста.

Зачин очерка о человеке часто включает в себя источник события текста и указание на обстановку общения. В отличие от информационной публицистики, в которой часто используется шаблон: [кто заявил; сообщает какое-то учреждение; со ссылкой на какой-то сайт], в очерке о человеке нередко используется следующий шаблон: [я услышал эту историю от кого; я узнал о ком, где]. В зачине отражается, от кого и при каких обстоятельствах очеркист слышал историю, которая будет

изложена в основной части текста. Это повышает аутентичность очерка, в то же время побуждает читателя начать знакомиться с героем текста и осмыслить его историю.

*Ленька любит играть в пинг-понг, собирает марки, построил линкор в заводском клубе. Учится Ленька на три и четыре и мечтает стать моряком. **Все это я узнал от самого Леньки, когда мы сидели во дворе и катали липкие шарики из свежих тополиных листьев.***

– Так вы к дяде Ване? – сгорая от любопытства, Ленька просил поддержать фотоаппарат и уже два раза бегал на третий этаж узнать, не пришел ли дядя Ваня... (зачин) (Песков. Вот какой у Леньки сосед. 2014, т. 2: 36).

В приведённом зачине мы можем выделить следующие содержательные элементы: герой очерка – дядя Ваня, сосед Леньки; источник рассказа о дяде Ване – *от самого Леньки*; обстановка общения – *когда мы сидели во дворе и катали липкие шарики из свежих тополиных листьев*. Это закладывает основу для разворачивания истории Дяди Вани в основной части текста.

Приведем аналогичный пример:

Эту историю я услышал в далеком северном поселке с неожиданно теплым названием – Мама. В гостинице моя кровать оказалась рядом с постелью охотоведа Николая Спиридоновича Калинина, приехавшего из Иркутска ознакомиться с отловом соболей. Это был молчаливый, как и большинство таежных людей, мужчина с седыми усами и простуженным голосом.

Утром мы с ним спешили по делам службы, а вечером в жарко натопленной комнате обменивались впечатлениями дня. Николай Спиридонович больше слушал или листал обветшалые, трехгодичной давности журналы. Но однажды разговорился, и вот что я от него узнал (зачин) (Песков. Семья Петра Гриновского. 2014, т. 1: 43).

В данном зачине очерка показан источник информации о герое текста – *от охотоведа Николая Спиридоновича Калинина*; место сообщения – *в посёлке Мама в гостинице*; обстановка сообщения – *вечером в жарко натопленной комнате обменивались впечатлениями дня, однажды разговорился*. При этом зачин данного очерка вводит повествование о семье Петра Гриновского в основную часть очерка.

В зачине очерка о человеке часто раскрывается повод и причина, по которой автор обратился именно к этому герою очерка. Рассмотрим следующий очерк:

*2 декабря день рождения Георгия Константиновича Жукова. Маршала Жукова. Сегодня ему было бы восемьдесят лет... **Помня об этой дате, в редакции мы решили: опубликуем лучшую фотографию Георгия Константиновича. Выбор доверили сделать мне** (зачин) (Песков. Мгновения судьбы. 2014, т. 11: 70).*

В данном зачине чётко представлена причина выбора героя – Георгия Константиновича Жукова – в ознаменование даты его рождения: 2 декабря 1896 года, *в редакции мы решили: опубликуем лучшую фотографию Георгия Константиновича*. В то же время зачин данного очерка показывает, что тема «Георгий Константинович Жуков» будет раскрываться в тексте в тональности уважения и восхищения.

В зачине очерка о человеке автором часто используется вопросно-ответный прием: задаются вопросы о герое очерка, чтобы захватить внимание адресата, и подразумевается, что подробные ответы на эти вопросы будут представлены в основной части текста. Рассмотрим следующий пример:

Нет Гагарина.

Мне позвонили, чтобы срочно приехал в редакцию. Редактор сказал два слова: погиб Гагарин.

Сбивчивые вопросы: как? что? где? Может, это еще неточно?... Потом мы молча и тупо глядим на большие часы и, кажется, начинаем замечать, как движется большая черная стрелка. И уже в машине, через маленький приемник, я услышал то, что так не хотелось слышать (зачин) (Песков. Он жил, чтобы летать. 2014, т. 6: 100).

Первое короткое предложение зачина несло сенсационную весть: *Нет Гагарина*. Затем автор поднимает ряд вопросов о теме «Погиб Гагарин»: *как? что? где? Может, это еще неточно?* Это привлекает внимание читателя, возникает желание следить за развитием событий, чтобы найти ответы на вопросы и узнать подробности начатой темы.

Очерк часто сопровождается фотографией, визуализация быстро захватывает внимание адресата. Иногда в зачине вопросы задаются по содержанию фотографии, что пробуждает у читателей интерес к герою, мотивирует к дальнейшему прочтению текста.

Человеку за семьдесят. О чём он с увлечением рассказывает? Снимок сделан вчера в подмосковной деревне Кашино... (зачин) (Песков. Первая сельская. 2014, т. 2: 75).

(Фото автора. Д. Кашино. 13 ноября 1960 г.)

В зачине очерка задаётся вопрос: *О чём он с увлечением рассказывает?*, что привлекают читателя к выяснению людей и событий, стоящих за фотографией, то есть ему нужно продолжить чтение очерка.

«Если заголовок не даёт возможности выразить достаточно чётко своё отношение к излагаемой информации ввиду его краткости, то используется подзаголовок – зачин статьи» [Стриженко, Кручинина 1985: 47]. При этом в зачине очерка о человеке типично содержится основная информация о герое очерка, в том числе, фамилия и имя, возраст, профессия, статус, место проживания и т. д., чтобы читатель обзорно знакомится с героем очерка. Например, зачин очерка «Дочь коммуниста»:

Зовут её Галей. Девушке девятнадцать лет. Живёт в деревне Палкино, под Костромой. Год назад окончил школу, работает в совхозе. «...Приезжайте и напишите – настоящий герой» (зачин) (Песков. Дочь коммуниста. 2014, т. 2: 81).

Заголовок *Дочь коммуниста* – номинативное словосочетание – выражает информацию о герое очерка. Этой информации для читателей, конечно, недостаточно. Зачин даёт возможность выразить чуть больше информации о герое очерка: имя – Галя, пол – женщина, возраст – *девятнадцать лет*, место проживания – *в деревне Палкино, под Костромой*, образование – *год назад окончила школу*, место работы – *в совхозе*, общий оценочный образ – *настоящий герой*. Путём этого краткого обзора героя в зачине очеркист даёт предварительное представление о теме «Галя» и выражает своё отношение к ней: уважение и симпатия.

Приведём аналогичный пример:

Итак, ещё одна борозда на звездной целине <...> Кто же он, звёздный пахарь? Три дня назад мы называли его Космонавт Два. Сегодня весь мир знает имя: Герман Титов.

Я знаю о нём немного. Встречи были недолгими. Но я стоял на дороге его дома, купался в «его речке», ел яблоки в саду, где прошло его детство. Я с радостью расскажу все, что знаю о нём (зачин) (Песков. Звёздный пахарь. 2014, т. 2: 124).

Приведённый отрывок зачина отражает чёткую информацию о героя очерка: имя героя – *Герман Титов*, профессия – *космонавт*, достижение – *стал вторым космонавтом во всем мире*, сила влияния – *сегодня весь мир знает имя*. Также в

зачине выражена тональность целого очерка – гордость и восхищение, передана эмоция и настроение автора – *с радостью*. Таким образом, в зачине очерка о человеке, наряду с предоставлением основной информации о герое, автор часто выражает своё отношение к герою очерка.

Также в зачине очерка о человеке нередко используется портретная зарисовка, которая не только даёт информацию о внешности героя, но и создаёт его эмоционально-оценочную характеристику. Так происходит в зачине очерка «Находка в селе Костенки»:

Очки в железной оправе, изломанная дождями и солнцем шляпа, жесткие усы, мягкий, неторопливый голос и глаза... Про таких людей говорят: на аршин под землей видит. А он и в самом деле видит (зачин) (Песков. Находка в селе Костенки. 2014, т. 2: 84).

В данном зачине автор демонстрирует типическую характеристику героя очерка: его лица, деталей одежды, манер – *жесткие усы, мягкий, неторопливый голос и глаза; очки в железной оправе, изломанная дождями и солнцем шляпа*. Выделена и своеобразно (с помощью фразеологизма) показана внутренняя черта героя – его проницательность: *на аршин под землей видит*. Данная портретная зарисовка помогает создать живой и яркий образ героя очерка, производит на читателя глубокое впечатление.

Зачин очерка-интервью включает в себя следующие содержательные элементы: собеседники героя очерка, место и время прохождения беседы, обстановка и атмосфера общения, основная тема разговора. Зачин очерка данного типа включает в себя необходимые элементы беседы и психологическую подготовку к разговору. Рассмотрим следующий пример:

Сегодня в первой половине дня космонавты В. М. Комаров, К. П. Феоктистов и Б. Б. Егоров встретились с журналистами. Пять минут в спортивном зале гостиницы космонавтов трещали кинокамеры и щелкали фотоаппараты. А потом космонавты вместе с журналистами сели за стол. 100 минут обстоятельного, делового и дружеского разговора об экспедиции в космос. Виновники торжества в серых шерстяных костюмах, бодрые и веселые.

– Ну начинайте...

Мы начинаем (Песков. На своей земле. 2014, т. 4: 71).

В зачине приведённого очерка легко выделить следующие элементы коммуникативного акта беседы: время беседы – *Сегодня в первой половине дня* (15

октября 1964 г.); собеседники – журналист В. М. Песков и три *космонавта В. М. Комаров, К. П. Феоктистов и Б. Б. Егоров*; место – *в спортивном зале гостиницы, сели за стол*; время продолжительности беседы – *100 минут*; обстановка и атмосфера беседы – *обстоятельный, деловой и дружеский разговор, космонавты бодрые и веселые*; тема беседы – *об экспедиции в космос*. Зачин закладывает информационный и психологический фундамент беседы и привлекает внимание адресата к теме очерка «Экспедиция в космосе».

Обратимся теперь к основной части очерка, посвящённого человеку, которая содержит в себя разработку темы текста. В нём раскрываются особенности внешности персонажей, изображаются характеры, отмечаются черты характера и поведения героев (трудолюбие, настойчивость, старание, скромность, оптимистичность, терпение, аккуратность и т. д.). Характеры героев передаются путём концентрации на переломных периодах жизни персонажа, при этом используется ФСТР повествование.

Автор стремится создать яркий образ героя, который стал бы примером для читателя. Следовательно, распространённые фрагменты такого очерка – повествовательное изложение характерного конкретного эпизода из жизни героя или события в динамике (развитии во времени). Например:

Нас подобрал человек на подводе. Спросил:

– Куда надо?

– На вокзал.

Помню черную худую лошадь. Кроме нас, на подводе сидели две женщины и парнишка. Сзади повозка была покрыта брезентом. На вокзале была сутолока, женщины метались с детьми. Где-то недалеко рвались бомбы. Все спешили сесть на какой-нибудь поезд. Мы искали поезд на Белую Церковь. Там жили родственники. Нашли. Но поезд был переполнен, и нас не хотели пускать. Какой-то мужчина протянул из тамбура руку. Витя сцепился в нее, и мы оказались в вагоне. Было это часа в три дня. Поезд не очень далеко от города отошел, когда его настигли фашистские самолеты. Задние вагоны разбило в щепки. Люди кричали и плакали. Откуда-то появились военные: «Выходите!»

Из вагона вышли матери с ребятишками. Немолодой военный достал бумагу: «Есть указание всех детей старше грудного возраста эвакуировать в тыл, в Сибирь». Мы зашумели: «Эвакуировать – так всех. С ребятишками вместе!»

Я прижала к груди Витюшку. Все молчали. И военные, и матери. Потом военный стал нас уговаривать.

Взрослых становили в одну сторону, малышей – в другую. Витюшку взяли у меня последним. Он ухватился ручонками и не хотел уходить. Из тридцати ребят разного возраста он был самым маленьким. Он упал и стал колотить ножками. Я уже ничего не видела от слез... (Песков. Материнская память. 2014, т. 4: 100–101).

Повествование строится на глагольной основе, с помощью коротких простых предложений автор передает в хронологическом порядке события из жизни человека, прошедшего тяжелые испытания. Таким образом, повествование в основной части – это типичный ход в очерках о человеке.

Также в основной части очерка о человеке часто используется изложение биографии героев при помощи описательно-повествовательной контаминации. По наблюдениям О. А. Нечаевой, в таком типе ФСТР обычно «перечисляются биографические данные или черты становления, проявления характера, что тоже выражается в повествовательных формах речи» [Нечаева 1974: 200]. Например:

Ему 27 лет, родился в Москве, на Арбате, учился в школе и Первом медицинском институте, прошел все, что проходит московский студент: напряженную учебу, концерты в консерватории, выставки и хоккейные матчи, вечеринки, споры о книгах и споры о жизни. Это было совсем недавно. С институтом он попрощался в тот год, когда полетел Гагарин. Но нам любопытно отметить: он знал Гагарина гораздо раньше, он видел, как Гагарин крутился на центрифуге, он видел, как лицо Гагарина покрывалось потом в тепловой камере. Студент Егоров в то время был лаборантом в научно-исследовательском институте. В час, когда «Восток-1» облетел Землю, студент Егоров дежурил на самолете «в своем квадрате»²¹ (Песков. Крылатые богатыри. 2014, т. 4: 66).

В этом отрывке описание жизни Бориса Егорова (выделено в тексте) сопровождается перечислением черт характера, например: описание учебы отражает черты характеры – усердный, активный; описание работы отражает характер – аккуратный и ответственный. Таким образом, биологические данные героя очерка имеют контаминированную описательно-повествовательную структуру.

Любопытно отметить, что жизнь и черты характера героя очерка в этом контаминированном описании даны не в статике, а в динамике, что выражается временными указателями, например: обстоятельственные слова *совсем недавно; в тот год; в то время; в час*; придаточные союзы со значением времени: *когда полетел Гагарин; когда «Восток-1» облетел Землю*; косвенные временные указатели: *ему 27 лет; родился, учился в школе и Первом медицинском институте; московский студент; с институтом он попрощался; он знал Гагарина гораздо*

²¹ Здесь и далее с помощью цвета выделяются текстовые фрагменты, отражающие события из жизни героя.

раньше, он видел, как Гагарин крутился на центрифуге, он видел, как лицо Гагарина покрывалось потом в тепловой камере; студент Егоров. Таким образом, в случае перечисления биографических данных героя очерка важны темпоральные отношения, следовательно, возможно проследить жизнь героя от его рождения до настоящего времени с помощью временных указателей разных видов.

В основной части очерка-интервью излагаются подробности общения автора с персонажем, как правило, в хронологической последовательности, при помощи которой разрабатывается тема текста и выделяется характер героя очерка. В данном случае, диалог или полилог часто представляется прямой речью, принадлежащей героям текста. Рассмотрим следующий фрагмент очерка:

– А сколько всего трубочистов в стране? –
осведомился я, полагая, что этот вопрос останется без ответа.

– 1805 трубочистов, – сказал обермастер...

<...>

Я спросил: где же теперь добывают цилиндры?

– О, это проблема, – сказал обермастер. – На Рождество обычно приносят нам их в подарок старушки. Это все прошлый век...

– У вас, наверное, образовался запас?

– Да, есть штук пятнадцать (Песков. Ужин у трубочиста. 2014, т. 11: 74–75).

В приведённом фрагменте приводится диалог между автором и обермастером по поводу количества трубочистов и цилиндров, а также описывается характер героя очерка: профессионал с чувством юмора. В очерке-интервью предметные темы не развиваются подробно, темы быстро меняются в соответствии с замыслом автора, что характерно для разговорной речи.

Диалог между автором и персонажем построен в виде вопросно-ответной структуры. Возьмём отрывок из очерка:

Вопрос: А как выглядел штаб в Перхушкове?

Жуков: Ну, понятное дело, это не была некая «кутузовская изба». В Перхушкове был комплекс больших зданий, где размещался штаб. Тут были различные управления фронта, крупный узел связи. (Кстати говоря, связью фронта руководил тогда нынешний министр связи Николай Демьянович Псурцев.)

Вопрос: Немцы могли знать о месте нахождения штаба?

Жуков: Трудно сказать. Налеты бомбардировщиков на Перхушково были. Одна бомба попала в мой дом. Угол его был разрушен. Но я в этот день выезжал на линию фронта и разрушение увидел, когда вернулся.

Вопрос: Не было ли опасным держать управление решающим сражением так близко от фронта?

Жуков: Риск был. Ставка мне говорила об этом. Да и сам я разве не понимал? Но я хорошо понимал и другое: оттяни штаб фронта – вслед за ним оттянутся штабы армейские, дивизионные. А этого допустить было нельзя. Обстановка была такой, что командование должно было чувствовать каждый нерв ожесточеннейшего сражения, мгновенно реагировать на малейшие изменения обстановки (Песков. Москву отстояли. 2014, т. 8: 147).

В данном фрагменте основная тема «Отстоять Москву» развёртывается посредством вопросов и ответов. Напрямую цитируя слова Георгия Константиновича Жукова, автор знакомит нас с трудностями и опасностями защиты Москвы. Читатель самостоятельно делает вводы о характере полководца: умный, предусмотрительный, решительный.

Иногда содержание беседы выражается в форме косвенной речи, автор излагает информацию, которую узнал от персонажа, своими словами. Например:

В серьезной части беседы я узнал: Лейпциг у трубочистов поделен на сорок округов. В каждом округе семь тысяч труб. И чтобы в каждой из них была надлежащая тяга и не горела бы сажа, шестьдесят шесть мужчин каждое утро надевают цилиндры и начинают хождение по крышам (Песков. Ужин у трубочиста. 2014, т. 11: 74).

В данном фрагменте очерка не цитируется прямая речь трубочистов, автор выделяет нужную информацию с учетом субъективности своего восприятия. При этом в тексте представляется тема «Работа трубочистов», имплицитно выделяются и черты характера героя очерка: преданность работе и трудолюбие.

Обратимся к концовке очерка, посвящённого человеку, в ней обычно резюмируются характеристики или достижения героя, выражается авторское отношение к нему и оценка личности. Например:

Но Сергея не только за мастерство уважают. Я много слышал: «всегда поможет...», «весёлый...», «принципальный...», «друг настоящий...» Мне он тоже понравился. Немного застенчивый, чуть-чуть медлительный с открытым, добры лицом сердечного человека. Да вот весь он тут, на фотографии, сделанной в цехе у рабочего места, – наш корреспондент Сергей Усов (концовка) (Песков. Наш корреспондент. 2014, т. 3: 19–20).

В конце данного очерка автор признает мастерство Сергея и резюмирует его характеристики с помощью оценок других людей: *всегда помогает, весёлый, принципальный, друг настоящий, также немного застенчивый, чуть-чуть медлительный с открытым, добры лицом сердечного человека.* При этом автор

выражает авторскую высокую оценку, признательность и уважение главному герою очерка Сергею.

Концовка очерка о человеке также часто содержит призыв, например: уважение к ветеранам, чествование героев народа, восхищение трудящимися, обучение у космонавтов и т. д. Приведём пример:

Таким людям надо каждое утро цветы приносить (концовка) (Песков. Псковитянка. 2014, т. 3: 90).

Очевидно, что автор высоко оценил псковитянку – Алевтину Дмитриевну Золоцевскую, которая имеет много выдающихся качеств: мужество, мудрость, упорность и патриотичность. В концовке очерка *Таким людям надо каждое утро цветы приносить* выражается призыв автора уважать и почитать женщин-ветеранов, защищавших город Псков.

Очеркист как человек социальный, облечённый моральной ответственностью в конце очерка часто приводит в пример положительных персонажей, изображает идеал, образец поведения и призывает читателей учиться у героя, то есть, в концовке очерка о человеке часто отражаются ценности, имеющие воспитательное значение. Например:

Ежедневно старый токарь приходит к своему станку. Хороший пример любви к своей профессии для тебя, Борис, и для всех молодых краснопролетарцев. Гордитесь своей профессией, любите свой славный завод, дорожите честью называться краснопролетарцами, высоко несите знамя советских рабочих (концовка) (Песков. Столетняя молодость. 2014, т. 1: 51).

В качестве примера автор взял Василия Михайловича Агафонова – токаря, ему уже 72 года, но он ежедневно приходит на работу, автор выделяет выдающиеся качества героя: любовь к своей профессии, преданность делу. В последнем предложении используется побудительное предложение: чтобы воспитывать молодое поколение, нужно гордиться своей профессией, любить свой славный завод, дорожить честью называться краснопролетарцами.

Иногда очерки, относящиеся к интервью, заканчиваются некоторым прощальным высказыванием. Например:

Журналист. Этот разговор, с твоего разрешения, возможно, будет опубликован. Скажи два слова читателям «Комсомолки».

Павел Попович (берёт блокнот, пишет). «Ребята! Ничто в жизни само не даётся. И пашня, и космос требуют усилий, большой работы. Труд, труд и труд. Только он приносит победу. Попович» (концовка) (Песков. Интервью перед стартом. 2014, т. 3: 56).

В данном очерке автор завершает очерк с помощью диалога цитированием слов Поповича, адресованных читателям газеты. Такая смена адресованности хорошо подчеркивает финал очерка-интервью.

Аналогичный приём используется в очерке «Шёл солдат...»:

Вопрос: Хотите сказать еще что-нибудь молодым?

*Ответ: Скажу главное. **В нечеловечески трудной войне мы защищали Отечество, наш общий дом.** Сильны мы были великой общностью. И мы должны эту общность беречь. Только при этом условии мы осилим все трудности. Мы их осилим, как осилили в грозные сороковые годы (концовка) (Песков. Шёл солдат. 2014, т. 17: 121).*

Данный очерк заканчивается парой реплик, в ответной из которых солдат Мансур Гизатулович Абдуллин подвел итоги Великой Отечественной войны, обращаясь к молодежи. Наблюдается стандарт концовки очерка о человеке.

Иногда используется также приём отсутствия чёткой концовки, когда автор фиксирует, что история не окончена, продолжение следует. Приведём характерный пример:

Вот такая история...Мы, возможно, вернёмся к ней в новом году. Во всяком случае, писем в реки Абакан я буду ждать с нетерпением (Песков. Таёжный Тупик. 2014, т. 14: 85).

Автор заявляет, что еще раз навестит Агафью в новом году и продолжит писать очерк о необычной жизни Лыковых в тайге. Такая концовка имеет перспективный характер.

Аналогично в очерке «К шестому континенту»:

Два самолёта продолжают полёт к шестому континенту. Воздушные корабли прошли почти половину пути от Москвы до Мирного. Все агрегаты действуют безупречно. Участники экспедиции чувствуют себя хорошо. Только что связались с Мирным. Сообщают: «Ждём, готовим полосу» (Песков. К шестому континенту. 2014, т. 3: 148).

В данном очерке нет заметной концовки, автор описывает состояние полёта и заканчивает сообщением, полученным со станции Мирный «Ждём, готовим полосу», подразумевается, что далее автор продолжит писать о приземлении на станцию Мирный.

Таким образом, композиционные блоки в очерках о человеке имеют специфические черты.

Заголовки очерков о человеке подразделяются на информемы и прагмемы, причём прагмемы преобладают. Номинативные заголовки (в отличие от предикативных) имеют абсолютное количественное преимущество, они включают в себя имя героя, его профессию, возраст и т. д.

В очерках о человеке часто используется повествовательный зачин, который работает как «зацепляющий крючок». В сериях очерков зачин последующего текста служит связующим композиционным элементом для предыдущего. Зачин часто включает в себя сведения об источнике информации о герое текста и указание на обстановку сообщения (логический шаблон: кто заявил; я услышал эту историю от кого; я узнал о ком где), реже – о поводе и причине, по которой автор описал именно этого героя. Иногда в зачин включаются вопросы о герое очерка или фотография персонажа, которые выполняют проспективную роль, отсылая читателя к основной части текста. В зачине часто представляется портретная зарисовка с целью визуализации образа персонажа. Зачин очерка, построенного в виде беседы, включает информацию о компонентах коммуникативного акта (собеседники, место и время прохождения беседы, обстановка и атмосферу общения, основная тема разговора).

В основной части портретного очерка с целью выделения черт характера героя предпочитается ФСТР повествование, излагаются конкретные эпизоды из жизни героя в их развитии во времени; представление биографии героев часто осуществляется на базе описательно-повествовательной контаминации. В основной части очерка-интервью излагаются подробности общения автора с собеседником, как правило, в хронологической последовательности. Это общение эксплицируется в разных формах (обычного диалога между автором и персонажем; диалога типа «вопрос – ответ»). В очерке-интервью предметные темы не развиваются подробно, темы часто меняются, что характерно для разговорной речи.

В концовке очерка о человеке обычно резюмируются характеристики или достижения героя, открыто выражается авторское отношение к герою. Иногда

концовка содержит призыв (уважение к ветеранам, чествование героев народа, восхищение трудящимися, обучение у космонавтов), следовательно, концовка очерка данного типа имеет воспитательную ценность. Завершенность очерка, относящегося к интервью, подчеркивается выведением диалога вовне, со сменой адресата (финальное высказывание героя обращено уже не к интервьюеру, а к массовому адресату). Отметим также прием отсутствия четкой концовки, предполагающей, что история не окончена, продолжение следует.

3.2.2. Типичные композиционно-тематические модели текста (динамический подход)

Динамический аспект композиции предлагает, что «автору следует подобрать нужные компоненты, определить их отношение к цели и основной мысли текста, произвести группировку компонентов и, наконец, разместить отобранное в определённой последовательности, совмещая собственные установки и традиции жанра с интересами адресата» [Купина, Матвеева 2013: 128].

Наши наблюдения позволили выделить несколько типичных моделей развёртывания темы в очерках о человеке.

Первая из композиционных моделей – «это естественный порядок изложения, соответствующий реальному развитию события. Позднее данный композиционный ход получил название исторического, или хронологического изложения» [Купина, Матвеева 2013: 128]. Сконцентрируемся на реализации хронологического хода в очерке «Биография аспиранта»:

БИОГРАФИЯ АСПИРАНТА

Биография необычная. Родился и рос на Дону. Сенокос, ночное, рыбалка. Патронные позеленевшие гильзы и каски, найденные в балке, были игрушками детства. Десятилетка. Институт иностранных языков. Дорога Анатолия Сенникова, казалось, определилась. И вдруг круто повернула дорога в село. И даже не к Дону, в родную станицу, а в бедное село Каменку на харьковских землях.

Бабы, увидев его, заплакали:

– Так вин же птенчик. Який з него голова?..

Бабыми слезами плакало запущенное хозяйство колхоза. Анатолий должен был стать шестнадцатым после войны председателем. Он стоял, не зная, что людям сказать. Институт языков... Смешно. Комитет комсомола... Там его считали хорошим организатором. Даже очень хорошим. Потому и решили послать.

– Будем работать, – сказал он на сельском сходе...

Два года работы. Упорной работы. Он позже всех на селе ложился. Вставал, когда пастух за околицей щелкал кнутом и теплое молоко стучало в днища подойников. Если сейчас заглянуть в счетоводную книгу колхоза, то можно увидеть, как становилось на ноги хозяйство. В два с половиной раза стало больше молока, мяса – в четыре раза. Триста тысяч уток появилось на озере. В графе «трудодни», там, где писался гривенник, стали писать рубли.

Четыре лежащих рядом колхоза превратили в совхоз. Сенников Анатолий стал директором. Хорошим директором. Целый день в поле, на фермах. Изредка уезжал в Харьков сдавать экзамен – в зооветеринарный институт поступил...

– Ко двору пришелся, – говорили в райкоме.

– Золотой человек, – говорили в деревне.

И так уж повелось: тянет человек – значит, еще труднее работу находят. Под Киевом давно стоит совхоз «Яготинский». В этом совхозе гектарами меряют воду. Две тысячи гектаров воды. А где вода, там рыба и утки. Рыба и мясо. Но так уж велось хозяйство, что ни рыбы, ни мяса. Стали искать крепкую руку.

– Сенников... потянет?

– Потянет.

Приехал Анатолий к озерам.

И опять, как в Каменке, – раньше всех на ногах. Поиски молодых помощников, долгие разговоры со стариками, «съевшими собаку на утке». Ночи над книгами, а утром – выбрит, подтянут, приветлив...

Вот что сделано за год. Получал совхоз тысячу триста центнеров утиного мяса – получил в 1961 году девять тысяч восемьсот центнеров. Птичье стадо продолжает расти, оно близится к миллиону...

Вчера я встретился с Анатолием в Киеве, на съезде украинских комсомольцев. У окна стоял молодой парень. Он весело улыбался кому-то, постукивая карандашом по стеклу.

– Это вы директор?

– Это я утиный директор...

Мы присели.

– Секреты успеха? – Анатолий подумал секунду. – Люди! Надо было добиться, чтобы люди поверили в дело. А это нелегкая штука. Это – требовать и не обидеть. Это – не обещать лишнего, а уж если пообещал, выполни. Это – пример в работе. Это – четкость и честность в оплате, это подбор кадров. Это, если хотите, твоя улыбка, твоя подтянутость, ну и знание дела, конечно. Я убежден: многие неполадки в селе от неумения хозяйствовать. Учиться хозяйствовать – это, по-моему, главное для сельских ребят...

– А ваша учеба?

– Я поступил в аспирантуру. Тема все та же: «Разведение уток»... Между прочим, сколько, по-вашему, утка приносит яиц?.. Не знает. Так вот. В совхозах считают – тридцать – сорок. Наука говорила: восемьдесят, не более! А у нас... Сколько, вы думаете?.. В среднем по сто четыре яйца получаем. Здорово, а?! Тоже без всяких секретов. Продуманный уход, подбор кормов, продленный световой день... Летом к нам приезжайте. Ух, красота. Сплошные озера, камыши и наши белые стаи... Да, может, и в Москве встретимся: меня делегатом большого съезда избрали. Буду ли выступать?.. Посмотрим. Сказать есть кое-что... (Песков. Биография аспиранта. 2014, т. 3: 14–15).

Заголовок данного очерка *Биография аспиранта* входит в информационный тип заголовка, в той или иной степени раскрывающий содержание текста. В заголовке приведённого очерка показывается род занятий по уровню образования – аспирант, и основное содержание очерка – его биография.

Зачин *Биография необычная* очень короткий, но предварительная формулировка основной мысли выражена за счет емкости слова *биография* (русская калька: *жизнеописание*). Слово *необычная* четко указывает на характеристику биографии героя очерка, несёт психологическую нагрузку – у героя особенный жизненный опыт, наверное, тяжёлый. В то же время зачин данного очерка играет роль настройки, любая необычность привлекает читателей.

В основной части очерка раскрывается жизненный опыт Анатолия Сенникова в хронологическом порядке: от рождения героя до наших дней (времени написания очерка автором). Биография героя складывается из нескольких периодов, соответственно, тема «Биография Анатолия Сенникова» реализуется в последовательности нескольких подтем.

Подтема 1 «От рождения до института» эксплицируется с помощью следующих номинаций: *на Дону – сенокос – ночное – рыбалка – гильзы – каски – игрушки детства – десятилетка – институт иностранных языков*. В данном фрагменте (от *родился и рос на Дону до дорога Анатолия Сенникова, казалось, определилась.*), используя описательно-повествовательную контаминацию, автор показывает начало биографии Анатолия Сенникова (рождение – детства – школа – институт) в повествовательной форме. Мы видим, что от рождения до института жизнь Анатолия Сенникова была обычной и гладкой.

Предложение *И вдруг круто повернула дорога в село* как композиционная связка возникает на границах между композиционными фрагментами подтемы 1 и подтемы 2. Наречие *вдруг* выражает психологическую неожиданность, *повернула дорога в село* играет роль введения, подразумевается, что его дорога жизни поменялась, и в последующем композиционном фрагменте очерка будет конкретно раскрываться его работа в селе.

При этом подтема 2 «Работа и учёба в селе Каменка» эксплицируется за счёт следующих языковых средств: *Бабы, увидев его, заплакали – плакало запущенное хозяйство колхоза – должен был стать шестнадцатым после войны председателем – его считали хорошим организатором – решили послать – Будем работать – Два года работы – Упорной работы – стал директором – Хорошим*

директором – изредка уезжал в Харьков сдавать экзамен – в зооветеринарный институт поступил – Ко двору пришелся – Золотой человек. В опоре на данные элементы мы можем выделить следующие ключевые этапы: 1) Анатолия Сенникова послали работать в село Каменку, что не вызвало радости у жителей; 2) он упорно работал два года, в то же время поступил в зооветеринарный институт; 3) он был признан и высоко оценен в Каменке. Очевидно, подтема 2 «Работа и учёба в селе Каменка» встает в общий с подтемой 1 ряд.

Анализ показывает, что динамическое описание является опорным функционально-смысловым типом речи данного фрагмента очерка (с конца первого абзаца по девятый абзац). Главная роль принадлежит глаголу, причём ведущим видовременными глагольными формами являются формы прошедшего времени (*заплакали, решили, сказал, ложился, вставал, превратили, стал, уезжал, говорили*). Описываемые события происходят в прошлом, теперь о них сообщается, как об определенном этапе заданной хронологической последовательности. Таким образом, в данном композиционном фрагменте отражается двухлетняя трудовая биография героя после окончания института языков.

В данном фрагменте очерка также используется ФСТР рассуждение. Рассмотрим шестой абзац данного очерка: от *Два года работы до там, где гривенник стал писать рубли*, в этом рассуждении первые два предложения имеют оценочный характер: *Два года работы. Упорной работы.* С помощью повтора и оценочного определения автор концентрирует свою мысль. Далее в тексте излагается содержание работы Анатолия Сенникова и его достижения, что даёт обоснование для авторской оценки героя текста. Таким образом, в очерке о человеке категории темы и оценочности часто совмещены, а фрагмент-рассуждение вписывается в описание.

Начальное предложение монологического абзаца *И так уж повелось: тянет человек – значит, ещё труднее работу находят* играет роль композиционной связки при переходе от предыдущего высказывания к следующему фрагменту, в котором рассказывается о трудной работе героя. Так вводится подтема 3 «Работа у озера», которая эксплицируется при помощи следующих языковых средств: *тянет*

человек – труднее работу находят – гектарами меняет воду – искать крепкую руку – приехал к озерам – раньше всех на ногах – поиски молодых помощников – долгие разговоры со стариками – над книгами – выбрит – подтянут – приветлив – получил совхоз тысячу триста центнеров утиного мяса – получил в 1961 году десять тысяч восемьсот центнеров. Очевидно, что подтема 3 раскрывается в соответствии со следующими шагами: 1) в совхозе гектарами меряют воду; но так уж велось хозяйство, что ни рыбы, ни мяса; стали искать крепкую руку; 2) Анатолий Сенников приехал к озерам; 3) он упорно работал у озера; 4) он добился больших результатов.

Поскольку в повествовательной канве биографии персонажа важны темпоральные отношения, в данном фрагменте (с десятого по пятнадцатый абзацы) указатели времени играют важную роль, например: *Вот что сделано за год; получил в 1961 году девять тысяч восемьсот центнеров; ночи над книгами, а утром – выбрит, подтянут, приветлив.*

Во фрагменте с подтемой 3 «Работа у озера», ядерным функционально-смысловым типом речи является динамическое описание, сохраняющее в себе следы повествования (указание на последовательность событий, движение событий от действий героя к результатам этих действий), однако опять наблюдается и контаминация описания и рассуждения. В общей биографической структуре данного очерка фрагменты-рассуждения играют особую роль. О. А. Нечаева писала: «в высказывании со значением последовательности действий, выраженных в повествовательной структуре, может содержаться оттенок причинно-следственных смысловых отношений» [Нечаева 1974: 195]. В этой связи рассмотрим следующий отрывок (с середины десятого абзаца по тринадцатого абзац):

Под Киевом давно стоит совхоз «Яготинский». В этом совхозе гектарами меряют воду. Две тысячи гектаров воды. А где вода, там рыба и утки. Рыба и мясо. Но так уж велось хозяйство, что ни рыбы, ни мяса. Стали искать крепкую руку.

– Сенников... потянет?

– Потянет.

Приехал Анатолий к озерам.

В этом фрагменте семантический оттенок причинно-следственных отношений осложняет общую повествовательную линию текста. Можно сказать: *в этом совхозе гектарами меряют воду; но так уж велось хозяйство, что ни рыбы, ни мяса* (причина), **поэтому** *стали искать крепкую руку* (следствие); *Сенников... потянет* (причина), **поэтому** *приехал Анатолий к озерам* (следствие). Причинно-следственное включение помогает прояснить последовательность биографических данных.

Предложение *Вчера я встретился с Анатолием в Киеве, на съезде украинских комсомольцев* возникает в начале следующего композиционного фрагмента и переводит изложение в настоящее время. Меняется также манера изложения: данный композиционный фрагмент строится в форме интервью с героем. Вводное предложение включает в себя много полезной информации: время – *вчера* (23 марта 1962 г.), персонажи – *я* (журналист В. М. Песков) с *Анатолием*, событие – *встреча*, место встречи – *в Киеве*, ситуация встречи – *на съезде украинских комсомольцев*. Также выступает в качестве композиционной связки, вводит в ситуацию встречи.

Отдельно отметим, что вышеприведённое предложение имплицитно содержит тему путешествия. Пресуппозиция такова: известно, что журналист В. М. Песков работает в Москве, встреча же с героем очерка происходит в Киеве. Тема путешествия часто эксплицирована в очерке о человеке, и как правило, имплицитно, в расчете на понимание читателя. Объем композиционного фрагмента, отражающего тему путешествия, в большинстве случаев, невелик (примерно один-два абзаца или несколько предложений), конкретные пропорции такого композиционного фрагмента определяются замыслом автора.

В композиционном фрагменте, отражающем подтему 4 «Встреча с Анатолием в Киеве», представлены три микротемы: микротема 1 «Встреча», микротема 2 «Секреты успеха», микротема 3 «Учёба Анатолия».

Микротема 1 (с шестнадцатого абзаца по девятнадцатого) «Встреча» обеспечена следующими языковыми средствами: *встретился с Анатолием – стоял молодой парень – он весело улыбался – вы директор – я утиный директор*.

Анализируя эти номинации, мы легко выделяем следующие характеристики героя очерка: молодой, весёлый, скромный.

Микротема 2 «Секреты успеха» разворачивается за счёт рядов словосочетаний: *нелегкая штука – требовать и не обидеть – если пообещал, выполни – пример в работе – четкость и честность в оплате – подбор кадров – твоя улыбка – твоя подтянутость – знание дела – учиться хозяйствовать*. Секреты успеха – это абстрактное понятие, в описании биографии Анатолия Сенникова эта концепция воплощена как качество, поведение и действие. При этом мы можем резюмировать характеристики героя очерка: подтянутый, приветливый, честный, добросовестный, любознательный.

Микротема 3 «Учёба Анатолия» начинается с вопроса журналиста: *А ваша учёба?* и далее подробно эксплицируется при помощи следующих языковых средств: *поступил в аспирантуру – тема «Разведение уток» – утка приносит яиц – в среднем по сто четыре яйца получаем – продуманный уход – подбор кормов – продлённый световой день*. На этом основании мы можем выделить следующие качества героя: практичный, старательный, то есть, он как мудрый директор, так и хороший аспирант.

В тематической цепочке персонажа Анатолия Сенникова (говорящий) широко используется местоимение первого и второго лица (*я 3 раза, меня 1 раз, вы 1 раз*): *с Анатолием – молодой парень – он – вы – директор – я – утиный директор – Анатолий – я – я – меня*. Это указывает на использование прямой речи Анатолия Сенникова. Его высказывания оформлены в соответствии с закономерностями разговорного стиля речи.

Последние несколько предложений развернутой реплики используются в качестве концовки данного очерка. Разговор переводится в план текущего времени: *Летом к нам приезжайте <...> посмотрим*. Очевидно, временные и пространственные (*в Москве встретимся*) указатели играют важную роль в общем развитии темы очерка.

Фатическое предложение *Посмотрим. Сказать есть кое-что* – это характерная этикетная фраза для прощания, она намекает на окончание диалога.

Таким образом, концовка данного очерка по своему структурному строению сродни концовке разговорной речи.

В концовке обнаруживается описание художественного типа: *Ух, красота. Сплошные озера, камыши и наши белые стаи.* В описании автором конкретизируются пейзажные особенности в совхозе «Яготинский»: *сплошные озера, камыши и наши белые стаи.*

Концовка очерка «Биография аспиранта» содержит выразительные элементы, например: *Ух, красота*, слово *ух* – это междометие, выражающее восхищение и усиливающее эмоцию говорящего. Слово *красота* содержит открытую эмоциональную оценку того же рода.

Отметим приём проспекции: здесь речь идёт о следующей встрече *летом* (тогда как беседа состоялась 24 марта) и глаголы в форме будущего времени: *встретимся, буду ли выступить, посмотрим.* Поскольку финальное высказывание принадлежит персонажу, у читателя возникает ощущение, что история будет продолжена. Отсутствие стандартной авторской концовки как композиционного фрагмента – одна из отличительных черт очерка о человеке.

Итак, в основе очерка «Биография аспиранта» лежит общая идея повествования – движение события (здесь – события жизни героя очерка) в хронологическом порядке. Однако этапы биографии подаются результативно, они переводятся в форму динамического описания каждого из них. Повествовательность сохраняется за счет последовательности композиционных фрагментов и поддерживается динамическим характером описаний.

В целом тексте важны темпоральные отношения, поэтому обратим внимание на ось объективного времени очерка: подтема 1 «От рождения до института» (косвенно отражает время: примерно 1942–1958) → подтема 2 «Работа и учёба в селе Каменка» (два года после окончания института: примерно 1959–1960) → подтема 3 «Работа у озера» (год после работы в Каменке: пример 1961–03.1962) → подтема 4 «Встреча с Анатолием в Киеве», подтема 5 «Обсуждение следующей встречи» (23 марта 1962 г). Таким образом, тема очерка «Биография Анатолия Сенникова» развёртывается как совокупность фрагментов, расположенных в

хронологической последовательности. Данный композиционный ход распространен в очерках о человеке.

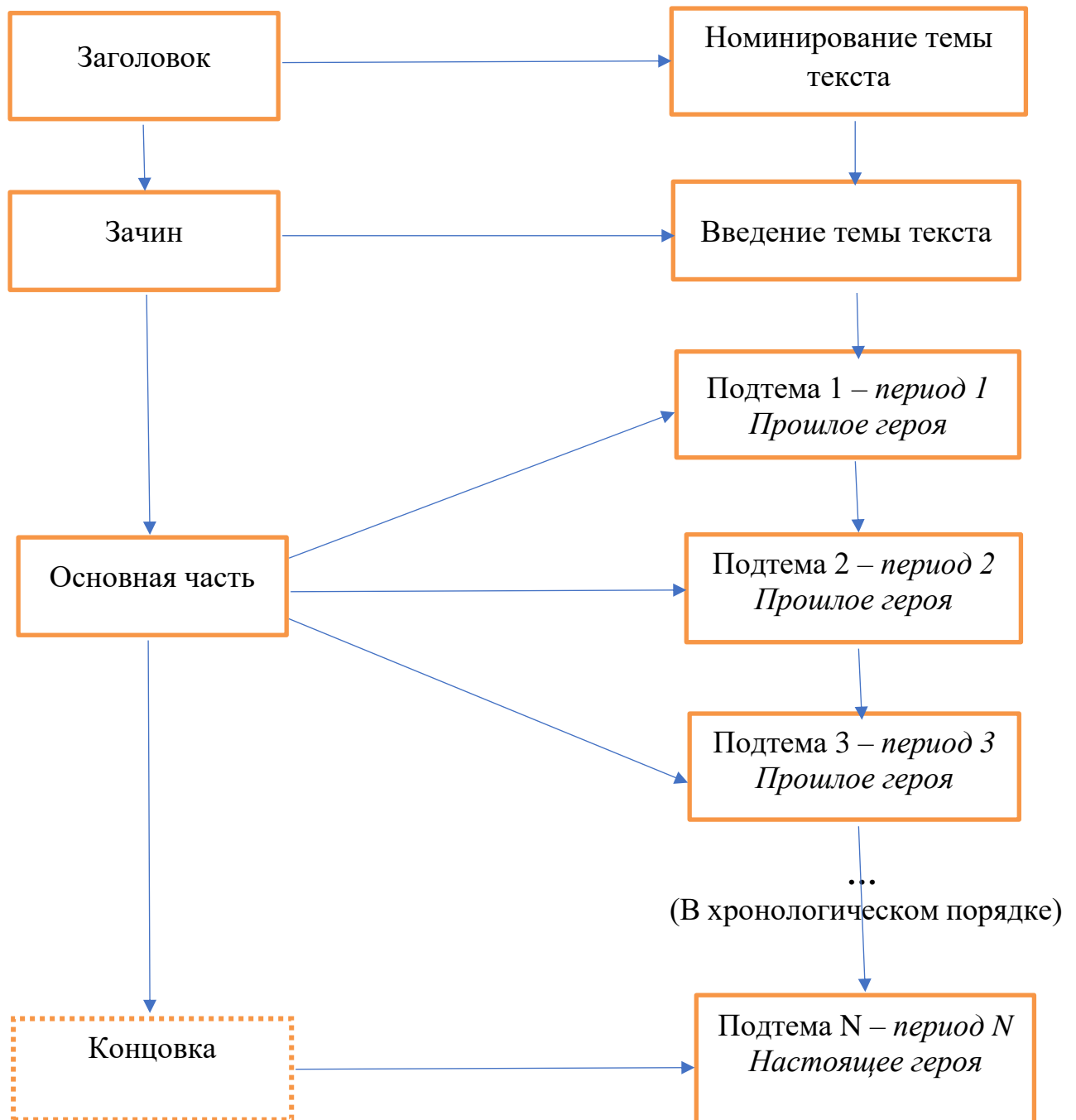
Отметим также, что при использовании повествовательной схемы текста сигналы времени и пространства наделяются композиционной функцией. Так: *Родился и рос на Дону* (далее следует изложение подтемы 1 «от рождения до института») → *И вдруг круто повернула дорога в село* (далее – изложение подтемы 2 «работа в селе Каменка») → *Под Киевом давно стоит совхоз «Яготинский», в этом совхозе гектарами меняют воду* (далее – изложение подтемы 3 «работа у озера») → *Вчера я встретился с Анатолием в Киеве* (изложение подтемы 4 «встреча с Анатолием в Киеве») → *Летом к нам приезжайте* (изложение подтемы 5 «обсуждать следующую встречу»).

Характерно, что в данной схеме играют роль не только прямые сигналы времени (*вчера, летом*), но и косвенные сигналы времени (*родился и рос*). С точки зрения категории пространства, мы обнаруживаем, что используются не только прямые сигналы пространства (*на Дону, под Киевом, стоит совхоз «Яготинский», в этом совхозе, в Киеве*), но и косвенные (*к нам приезжайте* – по контексту это означает, что приезжайте в совхоз «Яготинский»); также используются статические сигналы пространства (*стоит совхоз «Яготинский»*) и векторные (*повернула дорога в село, к нам приезжайте*). Таким образом, временные и пространственные показатели разных видов играют важную роль в композиционном строении.

В общем, доминирование повествовательного способа отражения действительности распространяется на весь очерк «Биография аспиранта». При этом на периферии функционально-смыслового типа речи располагается рассуждение, описание и контаминация повествования и рассуждения.

Таким образом, процесс развёртывания темы в очерках о человеке тесно связан с характеристиками повествования. В опоре на хронологический ход, первая композиционно-тематическая схема представляется следующим рисунком (см. рис. 3):

Композиционно-тематическая организация в очерках о человеке
(модель с хронологическим порядком)

Рассмотренная композиционно-тематическая модель строится на хронологических основаниях, то есть, цепь подтем выстраивается в общий темпоральный ряд. Процесс развёртывания темы в очерках о человеке основан на повествовании, но поэтапно реализуется как сумма динамических описаний.

Хронологическому ходу «противопоставляется модель искусственной группировки фактов, направленная на анализ излагаемого события» [Купина, Матвеева 2013: 128]. Данная модель можно назвать искусственным ходом, он имеет несколько разновидностей, в том числе, «ретроспективный ход – построение сюжета с обратной последовательностью событий – от финала к началу истории» [Серова 2015: 10].

В очерках о человеке эпизоды из жизни персонажа не всегда излагаются в хронологическом ходе, напротив, часто используется ретроспективный ход, то есть, порядок повествования определяется замыслом автора. Обратимся к анализу композиции очерка «Солнце под кистью»:

СОЛНЦЕ ПОД КИСТЬЮ

Хороша минута, когда закончена работа и можно порадоваться делу рук своих. На этом снимке вы видите бригадира маляров Шуру Фроликову. Ей немногим больше двадцати лет, но имя ее хорошо знают на стройках города Электростали.

Недавно комиссия принимала пятиэтажный дом с большим магазином в первом этаже. Люди в комиссии придирчивые, склонные больше взыскивать, чем хвалить, но тут они пожелали увидеть мастера и сказать ему спасибо: так добротно и красиво было отделано помещение магазина.

Председатель горисполкома крепко пожал девушке руку, а старый маляр, член комиссии, растрогавшись, расцеловал Шуру.

– Молодец, Шура, на большую дорогу вышла, – сказал он.

Шура хорошо поняла старого маляра. Еще девчонкой не раз она наблюдала, как где-нибудь на пятом этаже, пристроившись в зыбкой люльке, маляры красили стены. И всегда было приятно видеть, как под кистью маляров стены дома становятся нарядными, светлыми, словно на них солнышко брызнуло своими лучами. Может быть, с этого времени Шура полюбила запах краски и веселую, праздничную работу маляра. Подруги в школе мечтали стать киноактрисами, врачами и посмеялись над Шурой, когда она однажды призналась, что думает стать маляром.

Повзрослев, подруги поняли, что не все могут стать киноактрисами, и пошли на завод. Потянулась за ними и Шура...

Хорошая профессия – токарь! Не последней работницей была Шура на заводе в Ногинске. Но, возвращаясь домой, она ловила себя на том, что идет более длинной дорогой, лишь бы пройти мимо стройки. Дразнили запахи свежесыструганных досок, олифы в кладовке маляров...

– Не прогадаешь, Шура? – спросил начальник отдела кадров завода, давая девушке обходной лист расчета.

– Думаю, что нет, – возможно уверенней старалась ответить Шура. Ведь на стройку ее брали пока разнорабочей.

Если человек упорно стремится к своей цели, он непременно ее достигнет. Шура стала работать в бригаде маляров, а через год уже была лучшим маляром стройки.

В прошлом году ее послали учиться в школу мастеров при Харьковском строительном техникуме. За год девушка освоила передовые приема труда и увезла домой свидетельство мастера с отличными оценками.

Теперь Шура хорошо знает штукатурные и лепные работы, может выполнять сложную роспись потолков и стен. Глядя на ее работу, порой трудно сказать, где кончается маляр и начинается художник. О плохих художниках говорят: он маляр. О талантливом маляре комсомолке Шуре Фроликовой хочется сказать: это художник (Песков. Солнце под кистью. 2014, т. 1: 20).

В данном очерке номинативный заголовок *Солнце под кистью* носит метафорический характер и имплицитно отражает положительное отношение автора к персонажу, стимулирует воображение читателей и мотивирует их к прочтению очерка. Истинный смысл заголовка раскрывается только в середине текста, а именно в четвёртом абзаце: *И всегда было приятно видеть, как под кистью маляров стены дома становятся нарядными, светлыми, словно на них солнышко брызнуло своими лучами.*

Зачином в тексте является весь первый абзац. Начальное утверждение *Хороша минута* несёт в себе открытую положительную оценочность, проясняет исходные позиции автора и задает положительную тональность. Чтобы познакомить читателя с героиней, в зачине очеркист представляет основную информацию о героине очерка: имя героини – Шура Фроликова, профессия – маляр, должность – бригадир маляров, возраст – *немногим больше двадцати лет*, город проживания – *Электросталь*. В то же время портретная зарисовка Шуры дополняется при помощи снимка, сделанного автором: *на этом снимке вы видите бригадира маляров Шуру Фроликову*. В общем, зачин данного очерка позволяет читателю понять, что именно о маляре Шуре пойдет речь в дальнейшем тексте очерка. Весь начальный фрагмент отражает настоящую ситуацию, в которой выделяются два эпизода: «сейчас» и «недавно».

В основной части приведённого очерка автор раскрывает характер Шуры при помощи изложения конкретных эпизодов из её жизни, используя модель искусственной группировки фактов.

В тексте существует основная тема «Шура Фроликова», которая эксплицируется за счёт следующих номинаций: *бригадира маляров – Шуру Фроликову – ей – мастера – ему – девушке – Шуру – Шура – Шура – девчонкой –*

она – ∅ – Шура – Шурой – она – Шура – токарь – не последней работницей – Шура – она – ∅ – Шура – девушке – Шура – её – разнорабочей – Шура – лучшим маляром стройки – её – девушка – Шура – маляр – художник – плохих художниках – маляр – талантливом маляре – комсомолке – Шуре Фроликовой – художник. Тематическая цепочка «Шура Фроликова» имеет большую плотность и проходит через весь текст. Эта цепочка соединяет композиционные фрагменты, расположенные в искусственном порядке, с учетом замысла автора.

Обратимся к анализу текста.

При помощи временного показателя *недавно* текстовое время перетекает из настоящего в недавнее прошлое. Далее автор представляет подтему 1 «Комиссия» за счёт следующих номинаций: *комиссия – люди – в комиссии придирчивый – они – председатель горисполкома – старый маляр – член комиссии – он – старого маляра.* Подтема «Комиссия» плотно появляются во втором, третьем и четвертом абзацах текста, которые косвенно показывает нам успех Шуры и ее известность с помощью высоких оценок комиссии.

В данном фрагменте текста автором используется единственное негативное описание, а именно описание комиссии, что только усиливает положительный эффект всего произведения, так как читатель понимает, что даже очень придирчивые люди смягчились и растрогались перед работой юного маляра Шуры. Здесь используется ряд оценочных слов с положительной семантикой: *доботно, красиво, молодец*, чтобы выразить авторское восхищение Шурой и её работой.

Предложение *Шура хорошо поняла старого маляра* служит связующим звеном между подтемой 1 «Комиссия» и подтемой 2 «Работа маляра». Номинационная цепочка подтемы 2 «Работа маляра» выглядит следующим образом: *красили стены – под кистью маляров – стены нарядными – светлыми – брызнуло своими лучами – запах краски – веселую – праздничную работу маляра.* Номинации данной подтемы плотно появляются в пятом абзаце текста, в котором изображается конкретное содержание работы и значимость профессии маляра. В то же время эпитеты *стены дома становятся нарядными, светлыми, нарядными; веселая, праздничная работа* навевают нам картину радостных людей, ярких

красок. Метафора *солнышко брызнуло лучами*, как нельзя лучше описывает работу маляров.

Стоит заметить категорию времени данного фрагмента: темпоральный показатель *еще девчонкой* помогает перевести время изложения из недавнего прошлого (когда комиссия пришла) во время детства героини. Налицо нарушение хронологии изложения, однако в основной части хронология соблюдается. Обстоятельство со значением времени *с этого времени* определяет направление движения времени (в историческом порядке). Косвенный временной показатель *в школе* связан с планами героини на будущее: Шура решила стать маляром.

Мы обнаруживаем, что в данном фрагменте наблюдается включение элементов рассуждения, когда «в потоке повествовательного сообщения причинно-следственное смысловое значение как дополнительный семантический оттенок выражается на стыке самостоятельных предложений» [Нечаева 1974: 196]. Рассмотрим данный фрагмент (пятый абзац): можно сказать *Еще девчонкой не раз она наблюдала <...> словно на них солнышко брызнуло своими лучами* (причина), **поэтому Шура полюбила запах краски и веселую, праздничную работу маляра** (следствие).

Далее, в конце пятого абзаца и шестом абзацах представлена подтема 3 «Вслед за подругами», которая эксплицируется путём следующих номинаций: *подруги – киноактрисами – врачами – подруги – киноактрисами – за ними; пошли на завод*. Фраза *Потянулась за ними и Шура* держит связь последующего с предыдущим, иначе говоря, автор завершает подтему 3 «Подруги» и начинает повествовать о работе Шуры на заводе.

Первое предложение седьмого абзаца *Хорошая профессия – токарь* играет вводящую роль в развёртывании подтемы 4 «Работа на заводе». Слово *Хорошая* отражает открытую положительную оценку, выражает отношение Шуры к профессии токаря и черты её характера – активность, оптимистичность и преданность работе. Затем автор развёртывает подтему 4 за счёт следующих номинаций: *на заводе – токарь – работницей – на заводе – завода*. Данная подтема

развивается в шестом, седьмом и восьмом абзацах текста, которые отражают успешную работу Шуры на заводе.

В середине седьмого абзаца представлено предложение *Но, возвращаясь домой, она ловила себя на том, что идёт более длинной дорогой, лишь бы пройти мимо стройки*. Мы видим, противительный союз *Но* выражает перелом в сознании героини, и в данном случае играет композиционную функцию, то есть, хотя пока Шура работает на заводе, она не забывает свою детскую мечту: стать маляром на стройке.

Подтема 5 «Работа на стройке» развёртывается в седьмом, восьмом, девятом и десятом абзацах за счёт следующих номинаций: *стройки – запахи свежеструганных досок – олифы в кладовке маляров – на стройку – разнорабочей – бригаде маляров – лучшим маляром стройки*. Автор отражает рабочую среду Шуры и этапы стремления к своей цели, доказывает мнение «если человек упорно стремится к своей цели, он непременно её достигнет» на собственном опыте Шуры, также отражает её черты характера: целеустремлённая и упорная.

Далее обратимся к первому предложению одиннадцатого абзаца *в прошлом году её послали учиться в школу мастеров при Харьковском строительном техникуме*, в нём существует временный показатель *в прошлом году*, который позволит перетекать времени текста в недавнее прошлое, что поддерживается пространственными показателями *послали в школу мастеров, при Харьковском строительном техникуме*. Таким образом, временной и пространственные показатели выступают как композиционные вехи текста.

При этом в данном фрагменте (одиннадцатый абзац) эксплицирована подтема 6 «Учёба в школе мастеров» при помощи следующих языковых средств: *в школу мастеров – при Харьковском строительном техникуме – передовые приемы труда – свидетельство мастера с отличными оценками*. Говоря об успеваемости Шуры в учёбе за год, автор имплицитно отражает черты характера героини очерка: умная, талантливая, усердная и добросовестная.

Обратимся к последнему композиционному блоку – концовке, это весь последний абзац, который показывает главную мысль всего текста: если человек приложит усилия и проявит желание, он добьется очень многого. За счёт обстоятельства со значением времени *теперь* время текста переводится в план настоящего. Подтема 7 «Маляр – художник» эксплицируется следующим номинациями: *штукатурные и лепные работы – сложную роспись потолков и стен – маляр – художник – плохих художниках – маляр – талантливом маляре – художник*. Автор высоко оценивает мастерство Шуры и выражает своё мнение о том, что Шура становится не просто маляром, но и настоящим художником.

Сконцентрируемся на композиционном ходе данного очерка, то есть на том, как движется и развивается тема текста: зачин представляет основную информацию о героине (план настоящего); подтема 1 «Комиссия» косвенно показывает нам успех Шуры, ее известность (план недавнего прошлого;), подтемы «Работа маляра», «Вслед за подругами», «Работа на заводе» «Работа на стройке» в хронологическом порядке раскрывают то, как Шура шаг за шагом воплощает в жизнь свою детскую мечту и добивается поставленных целей. Подтема «Учеба в школе мастеров» возвращает изложение в план недавнего прошлого. Подтема 7 «Маляр – художник» решается в плане настоящего героини. Таким образом, композиционная схема данного очерка реализована на базе хронологического композиционного хода, но с отступлениями от единой последовательности. Хронология в данном очерке такова: зачин в плане настоящего и недавнего прошлого героини → основная часть в хронологической последовательности (от детства до зрелости героини) → концовка с переходом к недавнему прошлому и к настоящему героини.

В очерке «Солнце под кистью» повествование выполняет общую композиционную роль. Композиционное деление текста основано на восприятии и представлении действительности в её последовательно-временных связях, в очерке используются темпоральные связки (*недавно, повзрослев, в прошлом году, теперь*).

На основании модели «когда – где – событие» композиционное строение данного очерка представляется следующим образом: первый фрагмент

повествования связан с датой выхода очерка – «14 сентября 1956 г – на стройках города Электростали – журналист делает снимок Шуры». Второй фрагмент вводится связкой *«недавно (примерно в мае 1956 г.) – в пятиэтажном доме с магазином – придирчивая комиссия хвалит Шуры и её малярную работу»*. Третий фрагмент – в детстве Шура наблюдала, как работают маляры. Четвёртый фрагмент: в школе Шура думает стать маляром. Пятый фрагмент – *«после окончания школы – на заводе – Шура работает токарем»*. Шестая часть *«через год – на стройке – Шура стала лучшим маляром стройка»*. Седьмая часть *«в прошлом году (в 1955 г.) – в школу мастеров – Шура учится приёму труда»*. Восьмая часть *«теперь (в 1956 г.) – на стройке – Шура хорошо знает штукатурные и лепную работу, можно назвать её настоящим художником»*.

Мы видим, как время данного очерка из настоящего перетекает в недавнее прошлое, а затем в далекое прошлое (детство Шуры), и опять развивается до настоящего. Опираясь на временные связи между частями повествования, мы обнаруживаем, что в данном очерке используется приём ретроспекции, то есть, обращение к прошлому, обзор прошедших событий, по определению Гальперина: ретроспекция объединяет *«формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации»* [Гальперин 1981: 106]. Такой уход в прошлое помогает понять читателям, почему героиня очерка добилась больших успехов. Таким образом, в очерке о человеке автор не просто сообщает о достижениях героя, но делает акцент на важных периодах жизни персонажа, с использованием ретроспекции, создает живой образ героя.

Искусственный композиционный ход не мешает автору в раскрытии этапов становления мастерства и подготовки основной идеи этого текста: *если человек упорно стремится к своей цели, он непременно её достигнет*.

Подобный композиционный ход (с перемещением события из одного временного положения в другое) наблюдаются и в других очерках.

Итак, в очерках о человеке используется модель с искусственным композиционным ходом. Конкретное формирование этой модели имеет варианты, самым распространенным из которых является ход с проспекцией в основной части

очерка. При этом зачин и концовка отражают план настоящего, а основная часть – план прошлого героя очерка.

Текстовое время и текстовое пространство объединяются в комплексной категории локации, которая выступает в качестве композиционного стандарта на основе позиций «когда – где – что произошло».

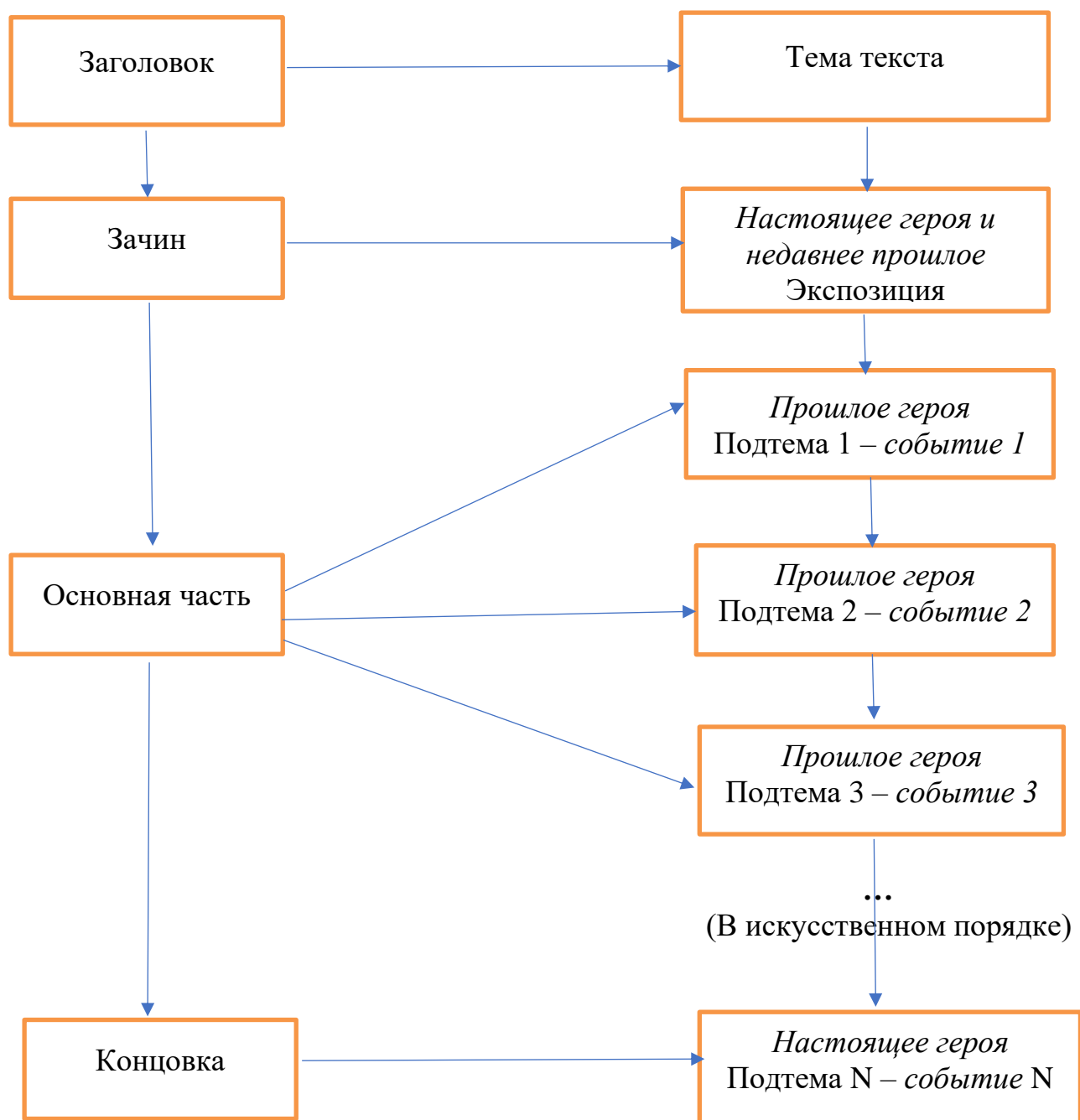
Для очерков о человеке характерна контаминация ФСТР: повествовательная база соединяется с описательными фрагментами и включение элементов рассуждения.

В концовке очерка о человеке часто содержится открытая авторская оценка героя текста, подготовленная точечным включением эмоционально-оценочных языковых средств. Распространена также открытая оценочность заголовков и зачинов данного типа очерков.

В данной модели важную роль играет ретроспекция. В целом порядок повествования зависит от авторского замысла и целеустановки очерка. В опоре на ретроспективный ход композиционно-тематическая схема представляется следующим рисунком (см. рис. 4):

Рис. 4.

Композиционно-тематическая организация в очерках, посвящённых человеку
(модель с искусственным порядком)

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о влиянии *авторского Я* на категорию композиции очерка. Рассмотрим очерк «Пять часов с Юрием Гагариным» (текст цитируется в нашей работе на с. 116–117) с этой точки зрения.

В данном тексте общую композиционную роль играет повествование. Компоненты повествования о встрече автора с героем данного очерка выстраиваются в последовательность на оси реального времени. Стоит обратить

внимание на точку отсчёта времени – «Я – сейчас», в данном тексте *авторское Я* реализуется в качестве как повествователя, так и участника события (попутчика и собеседника), при этом точка отсчёта меняется с развитием события, что позволяет читателю мысленно проходить весь путь вместе с автором.

Следуя за автором, мы выделяем следующие элементы повествования очерка: экспозицию (1-ый абзац текста – корреспондент Василий Песков получил разрешение быть на борту самолёта, который доставит Юрия Гагарина в Москву) → завязка (с 2-го по 8-ой абзац – корреспондент встретился с Юрием Гагариным в доме, потом они вместе едут на аэродром, где стоит самолёт Ил-18) → развитие действия первого этапа (с 9-го по 18-ой абзац – самолёт взлетает, корреспондент наблюдает и фиксирует ситуацию на борту самолета, особенно поведение Юрия Гагарина) → развитие действия второго этапа (с 19-го по 47-ой абзац – корреспондент и Юрий Гагарин провели разговор о полёте в космос) → психологическая кульминация (с 48-го по 59-ой абзац – недалеко от столицы вынырнула семерка реактивных истребителей, которые сопровождали самолет Ил - 18 на безопасную посадку) → развязка (60-тый абзац – наконец-то самолет приземлился в аэропорту Москвы, где уже разлилось людское море).

Таким образом, именно *авторское я* взято за основу построения очерка и определяет его композицию.

В очерках о человеке повествование не существует в одиночку, часто оно используется вместе с другими функционально-смысловыми типами речи. В очерке «Пять часов с Юрием Гагариным» повествование органически сочетается с описанием, которое конкретизирует зрелище, явление, ситуацию. Например:

И вот под крылом Москва. Сверху видно: людские реки на улицах. Алые флаги, знамёна движутся к центру, на Красную площадь, к Кремлю.

В данном описательном фрагменте можно выделить сразу ряд векторных пространственных показателей: глагол, обозначающий перемещение в пространстве *движутся*, предлоги пространственного значения *к, на*, и слова с локальной семой (включая географические названия) *центру, Красную площадь, Кремлю*, благодаря которым можно определить, что перед нами динамическое

описание. Следует отметить, что в описании используется приёмы выразительности: метафорический эпитет – *людские реки*, синекдоха (разновидность метонимии) – *алые флаги, знамёна движутся к центру*.

Хронологическое развитие текста проходит через весь очерк, а описание дополняет его, играя важную роль в реализации темы текста. Именно с помощью описаний изложение удерживает основное внимание читателя на герое очерка, а не на его авторе. Роль автора здесь – строевая, роль героя – содержательная.

Особую роль в очерках о человеке играет ФСТР «рассуждение». Обратимся к очерку «Чёрно-белая магия» (текст цитируется в нашей работе на с. 113–114), в котором наблюдается сложное сочетание функциональных смысловых типов речи – перемежаются рассуждение, описание и повествование.

Так, первый абзац текста в качестве зачина содержит ФСТР рассуждение и описание. Сначала в опоре на перечисление двух противоположных мнений (антитеза): *Легче всего снимать пейзажи, говорят люди, впервые взявшие фотокамеру. «Из всех фотографических жанров труднейший – пейзаж», – говорит Ансел Адамс*, автор выдвигает главную идею текста – *фотография общедоступна, но лишь в руках человека-художника, человека, мыслящего образами, она становится искусством*. Иначе говоря, в руках Ансела Адамса фотография становится искусством. Таким образом, мы можем определить тезис данного очерка: фотограф Ансел Адамс – искусный художник.

В зачине очерка также используется объективное описание, путём которого представляются основные сведения о Анселе Адамсе (гражданство, профессия, трудовой стаж): *американский фотограф-художник, снимающий уже шестьдесят лет*, здесь нужно заметить, что темпоральный показатель помогает выразить скрытую положительную оценку опыта Ансела Адамса: это опыт большой, богатый.

Подтема 1 «Фотограф высшего класса» выделяется во втором и третьем абзацах текста, автор сначала даёт Анселу Адамсу открытую эмоциональную оценку: *Ансел Адамс – фотограф высшего класса* (положение аргумента 1), и далее представляет некоторые конкретные факты, подтверждающие своё мнение: *Слава*

его давно перешагнула границы Соединенных Штатов. Мы знали его работы. (обоснование аргумента 1).

В третьем абзаце текста автор подробно повествует, как выставка Ансела Адамса путешествует по миру. При помощи временных показателей *уже третий год, через пять дней* и пространственных показателей *по миру, в Москву, из Варшавы, в Анкару*, всюду автор демонстрирует последовательность путешествия выставки Ансела Адамса (выставка проходила в Польской Народной Республике, проходит в СССР и пройдёт в Турции) и процесс изменения состояния. Отдельно нужно заметить, эти хронологические показатели содействуют реализации подтемы 1: выставка Ансела Адамса успешна и высоко оценивается в любой стране, также ещё раз утверждает положение аргумента, предложенный автором выше: *Ансел Адамс – фотограф высшего класса.*

С четвертого по девятый абзац в основном используется рассуждение. В начале каждого абзаца (часто в первом предложении) автор предлагает положение аргумента: *главный объект фотографа-ветерана – природа* (положение аргумента в 4 абзаце); *он неизменно пользуется чёрно-белым изображением* (тезис в 5 абзаце); *техника его виртуозна* (положение аргумента в 6 абзаце); *необычайная актуальность всего, что Адамс показывает* (положение аргумента в 7 абзаце); *он избежал влияния всяческих мод, которым за долгую его жизнь фотография подвергалась* (положение аргумента в 8 абзаце); *Все награды и звания, полученные художником, перечислить нет никакой возможности* (положение аргумента в 9 абзаце). Затем автор даёт подробные обоснования аргумента, чтобы убедительно представить великого художника Ансела Адамса неосведомлённому адресату с разных сторон.

Рассуждение составляет композиционную опору основной части данного текста. Выделены следующие подтемы текста: подтема 2 «Объект фотографии – природа», подтема 3 «Чёрно-белое изображение», подтема 4 «Виртуозная техника», подтема 5 «Необычайная актуальность», подтема «снимки не постарели».

В концовке текста (десятый – одиннадцатый абзац) используется повествование. Автор представляет цепную связь элементов сюжета в хронологической последовательности за счёт временных и пространственных показателей. Так, временные показатели: *завтра у Ансела Адамса день рождения. Ему исполняется семьдесят шесть* относятся к объективному календарному времени, при этом мы можем определить следующую информацию: точку отсчета времени – 19 февраля 1978 года (дата, указанная после текста); Ансел Адамс родился 20 февраля 1902 года; и 20 февраля 1978 года мы будем поздравлять его с днем рождения. Объективные пространственные показатели: *в Москву из Калифорнии, Ансел Адамс приехать не мог, но на открытии выставки мы слышали его голос с магнитной пленки <...> И мы рады послать ему привет из Москвы* отражает следующую информацию: исходная точка пространства – Москва; выставка Ансела Адамса проходила в Москве; запись сделана в США, и сам Ансел Адамс находится там же; магнитная плёнка привезена в Москву; привет от москвичей передает автор.

Поскольку любое событие развивается во времени, в повествовании важны темпоральные отношения, а пространственные показатели играют вспомогательную роль. Также в данных абзацах мы выделяем подтему 6 «выступление на выставке» и подтему 7 «день рождения Ансела Адамса». В аспекте построения рассуждения, данные фрагменты содержат предъявление аргументов, которые косвенно обосновывают тезис текста: Ансел Адамс – великий художник.

Также стоит отметить, что рассуждение в данном очерке строится на дедуктивном принципе (от общего к частному): в зачине текста выдвигается тезис фотограф Ансел Адамс – художник, мыслящий образами, затем излагается аргументы в области разных аспектов (виртуозной техники, актуальности фотографии, наличие наград и званий и т.д.), чтобы сделать тезис текста более убедительным.

Таким образом, в очерке «Чёрно-белая магия» применяется искусственный композиционный ход, основанный на ФСТР «рассуждение». Содержанием

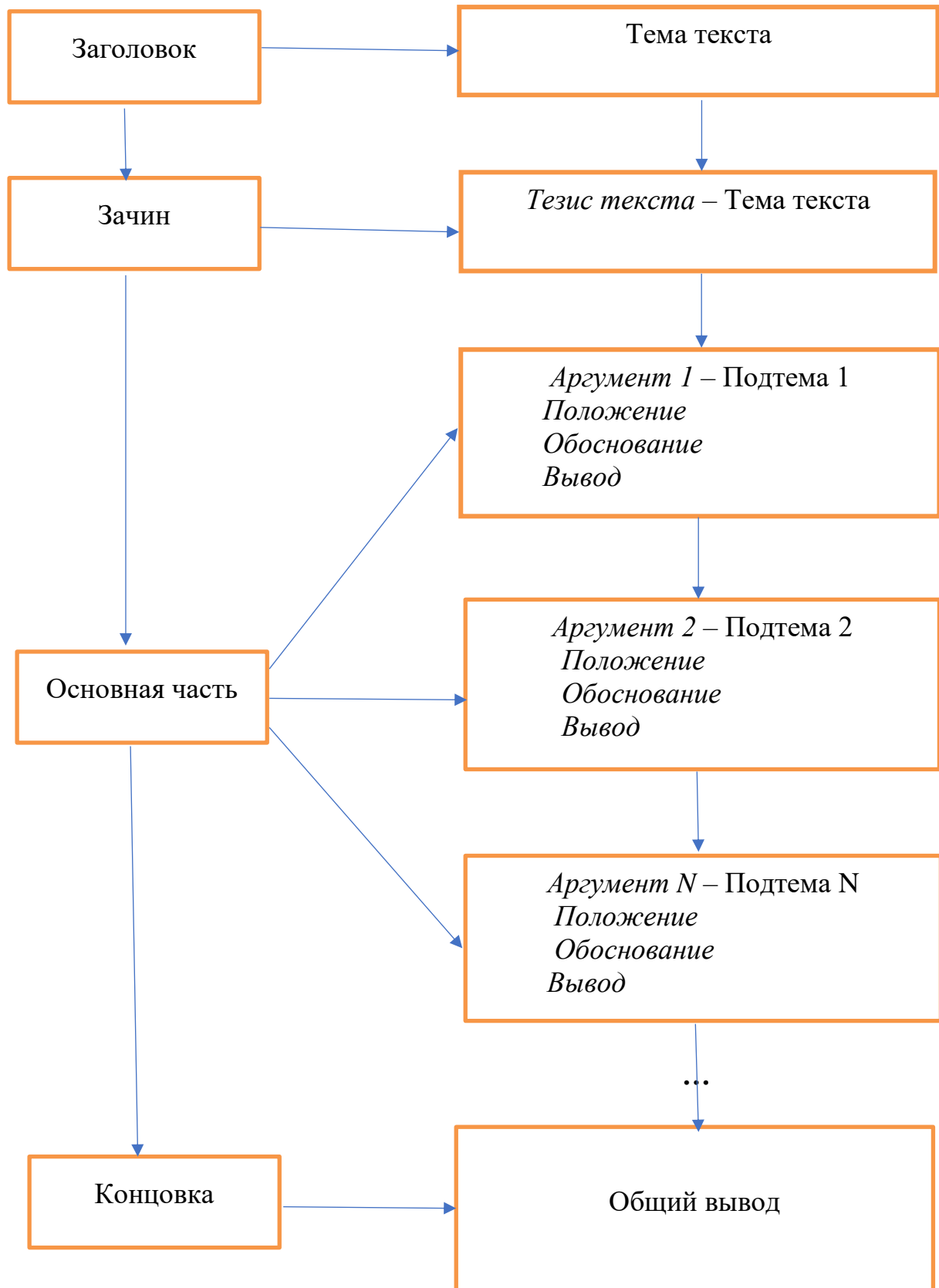
композиционных фрагментов текста является изложение элементов аргументативной структуры (положение, обоснование аргумента, вывод).

Описание и повествование включают в состав рассуждения и самостоятельной композиционной роли не играют.

Рассмотренная композиционно-тематическая схема представляется следующим рисунком (см. рис. 5):

Композиционно-тематическая организация очерков, посвящённых человеку

(модель с ФСТР рассуждение)

ФСТР рассуждение используется и в очерках о природе, и в очерках о человеке, но типичное построение у них разное. Очерки о природе зачастую строятся на дедуктивном принципе: в зачине текста автор вводит тезис, затем в основной части текста представляет аргументы, в концовке текста делается вывод (призыв) о нужности и важности защиты природы (в форме призыва). Очерки о человеке часто строятся на индуктивном принципе: в зачине текста выдвигается проблема, далее в основной части представляются аргументы, в концовке текста заявляется тезис.

Композиция очерка о человеке строится на естественной основе. Выделены два варианта композиции: во-первых, хронологическая модель, где тема текста развивается в соответствии с развитием события и жизни человека; во-вторых, искусственная модель, где развитие темы зависит от целеполагания автора, в соответствии с замыслом уместно используется ретроспекция, что позволяет подчеркнуть характеристики персонажа очерка.

Для очерка о человеке характерна контаминация повествования и рассуждения (изложение биография героев) и описательно-повествовательная контаминация в рамках композиционных фрагментов текста.

Реже в основе композиции очерка о человеке может лежать ФСТР рассуждение, которое дополняется описанием и повествованием. Такой искусственный композиционный ход помогает аргументировать авторскую оценку героя текста и делает очерк более убедительным, что соответствует требованиям и характеристикам публицистического стиля.

Помимо этого, отмечен способ композиционного оформления текста на основе авторского Я, от которой ответвляются предметные темы очерка о человеке. Этот композиционный ход особенно употребителен в очерках-интервью, но не связан исключительно с этим видом.

Выводы

Экспликация категории композиции в очерках о природе и очерках о человеке характеризуется субжанровой спецификой.

Стандартные композиционные блоки (заголовок, зачин, основная часть и концовка) в очерках о природе и очерках о человеке имеют различное содержательное наполнение. В зачине очерка о природе часто используется пейзажная зарисовка; в зачине очерка о человеке – портретное описание или повествовательный фрагмент.

Композиционное членение основной части очерка определяется доминированием одного из функционально-смысловых типов речи (ФСТР). В очерках о природе ведущим ФСТР является описание, реже – рассуждение (чаще индуктивное), а в очерках о человеке – повествование, реже – рассуждение (чаще дедуктивное).

Типичный комплекс ФСТР в очерках о природе следующий: основным ФСТР является описание, дополнительно используются рассуждение и повествование. В очерках о человеке основной ФСТР – это повествование, дополнительные – описание и рассуждение. Распространена контаминация повествования и рассуждения (при изложении биографии героев) и описательно-повествовательная контаминация.

В очерках о природе выделены две композиционно-тематических модели: типовой является модель, построенная на основе описания (рис. 1); факультативной – модель, построенная на основе рассуждения (рис. 2).

Очерки о человеке, основанные на повествовании, строятся по двум основным композиционно-тематическим моделям. Во-первых, это хронологическая модель, в рамках которой тема текста развивается в естественной последовательности (рис. 3); во-вторых, – искусственная модель, где развитие темы зависит от целеполагания автора, в связи с чем используется ретроспекция (рис. 4). Реже в основе композиции очерка о человеке может лежать рассуждение (соответствующую модель см. на рис. 5). Особый тип очерка о человеке – с

композиционной моделью на базе авторского Я (формально такой очерк представляет собой рассказ о событии в жизни журналиста). Основное содержание текста распределяется в границах выделяемых композиционных фрагментов.

В очерках о природе на выстраивание композиционной модели влияет ряд факторов: предмет текста, наличие/отсутствие метафоры в качестве идеи построения композиции, вариативность элементов описания (общее описание → конкретное → общее описание) и рассуждения (введение → аргумент → тезис), взаимодействие функционально-смысловых типов речи (описание, рассуждение и повествование).

В очерках о человеке экспликация категории композиции определяется следующими факторами: категории времени и пространства играют функциональную текстовую роль и организуют его общий ход, указывая на естественный хронологический или искусственный порядок событий; Я-тема определяет не только тональность текста, но и его композицию (своеобразие наполнения композиционных блоков).

Категория композиции, как показывают результаты анализа, по-разному эксплицирована в очерках о природе и очерках о человеке, что служит дополнительным основанием для выделения их как отдельных субжанров.

Заключение

Система жанров публицистического стиля в настоящее время трансформируется: появляются новые жанры (лонгрид, тревел), некоторые жанры, в том числе очерк, отходят на второй план.

Жанр очерка – один из наиболее репрезентативных жанров публицистического стиля. Емкий, сложный, богатый жанр публицистики, очерк является одним из самых трудных для журналиста, он требует от автора глубины и четкости мировоззренческих позиций, творческого подхода, тонкого языкового чутья, мастерства владения словом. Очерки В. М. Пескова являются образцовым материалом для лингвистического исследования, направленного на выявление жанрово-специфических черт, изучение которых способно представить полную картину жанра. Результаты такого исследования могут использоваться для продуцирования очерковых текстов, жанр очерка как достижение современной русской публицистики не должен уйти в прошлое.

Использованный в настоящем исследовании категориально-текстовый метод опирается на интегральное качество текста – суперкатеорию коммуникативности и, с уменьшением ранга абстрактности, категории связности и целостности, а далее – системы текстовых категорий, отражающих основные компоненты коммуникативной ситуации. Анализ текстового материала проводится на основе выделения речевой реализации отдельных отражательных текстовых категорий и рассмотрения особенностей состава и структуры категориально-текстового проявления в функциональном аспекте. Детальному анализу подвергнуты фундаментальные текстовые категории из числа отражательных, а именно категории темы и композиции. В качестве дополнительных рассматривались категории хронотопа и оценочности.

Привлечение для анализа теории функционально-смысловых типов речи, способных составлять композиционный каркас и целого текста, и его фрагментов, дополняет жанровую картину, установленную на категориально-текстовых основаниях, и увеличивает доказательность при выделении субжанров очерка.

На основании развернутого анализа текстовых категорий темы и композиции в диссертации выделены два субжанра очерка: очерки о природе и очерки о человеке. Каждый из выделенных субжанров имеет специфическое категориально-текстовое комплексное решение. Для очерков о природе характерен комплекс категорий темы в сочетании с категориями времени и пространства (хронотопом). Очерки о человеке характеризуются комплексом категорий темы и оценочности, тогда как категории времени и пространства выполняют функцию внешнего композиционного структурирования.

Изучение тематических цепочек текста, формирующих его целостность, показало, что для очерка в целом характерно использование разнообразных видов тематических номинаций (базовых, синонимических, референтно тождественных, таксономических, субститутных). В процессе анализа выявлена субжанровая специфика реализации категории темы. Таксономические номинации в очерках о природе используются для характеристики природных явлений, животных, растений; в очерках о человеке таксономические номинации отражают социальные роли и отношения между персонажами. Субституты сравнительно редко используются в очерках о природе, но частотность их употребления существенно возрастет в очерках о человеке.

Для жанра очерка с целью реализации эстетической функции характерно использование изобразительно-выразительных средств, их роль и объем использования в субжанрах различны: очерки о природе отличаются богатством и разнообразием метафор, олицетворений, перифраз; очерки же о человеке в этом плане существенно беднее.

В жанре очерка, как в любом публицистическом тексте, отражается объективная реальность, которая эксплицируется в субжанре очерков о природе в объектно-предметной тематической цепочке, в субжанре очерков о человеке – в субъектно-предметной тематической цепочке. Кроме того, субъектность в очерках о человеке реализуется при помощи Я-темы, которая передает эмоциональное, психологическое состояние автора, реализуя категорию оценочности.

Композиционная структура очерка строится из одинаковых блоков: заголовок, зачин, основная часть и концовка, но имеет разное различное тематическое наполнение в зависимости от субжанра.

Композиция субжанра определяется типом ведущего используемого функционально-смыслового типа речи (ФСТР). В очерках о природе доминирует описание (статическое и динамическое), существенно реже используется индуктивное рассуждение и повествование. При использовании описания композиционные блоки основной части соответствуют подтемам, раскрывающим различные аспекты описываемого явления. Характерен композиционный ход развертывания метафоры, вынесенной в заголовок очерка, когда подтемы основной части раскрывают ее отдельные грани.

Факультативными композиционными моделями для очерков о природе являются следующие: модель, построенная на повествовании, которое организует композиционную рамку текста, и модель, построенная на рассуждении (при возникновении проблемного содержания, например, при освещении вопросов экологии).

В очерках о человеке ведущим ФСТР является повествование, реже используется дедуктивное рассуждение и описание. Повествование в данном субжанре определяет типичные композиционные модели: модель с хронологическим порядком изложения (подтемы, отражающие соответствующие им события из жизни героя, расположены в естественной последовательности) и модель с искусственным порядком изложения (подтемы и события из жизни героя расположены в соответствии с замыслом и целеустановкой автора). В обоих случаях опорой композиционного структурирования является повествование.

Факультативными композиционными моделями очерков о человеке являются модель, построенная на описании (дается портрет героя), и модель-рассуждение (поступки героя получают авторское истолкование). Встречаются сочетания этих моделей: контаминация повествования и рассуждения (биография героя получает авторскую оценку), контаминация повествования и описания (текст построен на описании портрета героя и повествования о его поступках).

Таким образом, категории темы и композиции по-разному эксплицированы в очерках о природе и очерках о человеке, что даёт твердое основание для выделения названных субжанров. Субжанр очерков о природе смещен к художественному стилю, субжанр очерков о человеке (портретных очерков) – к ядру публицистического стиля.

Перспективой исследования является изучение путевых и проблемных очерков в их соотношении к названным субжанрам, а также оценка принятой классификации субжанров публицистики в свете категориально-текстового анализа. Важен также анализ образцовых очерков другого авторства, что позволит провести более четкую границу между индивидуально-авторскими и жанровыми признаками текстового материала.

Список использованных словарей русского языка

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2004. – 569 с.
2. БСЭ – Большая советская энциклопедия. в 30-ти т. – 3-е изд. – Москва : Совет. энцикл., 1969–1986. ил., карт. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/086/002.htm> (дата обращения: 30.05.2022).
3. БАС – Большой академический словарь русского языка. Том 20 / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред. У. В. Буторова, А. А. Заяц, Л. Е. Кругликова, А. С. Марина, Д. И. Панков, В. П. Фелицына, А. А. Шушков. – Москва : Санкт-Петербург : Наука, 2012. – 730 с.
4. БСРП – Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
5. Васильева Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович; отв. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Русский язык, 1995. – 175 с.
6. ЛЭС 1 – Лингвистический энциклопедический словарь / Науч. ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
7. ЛЭС 2 – Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
8. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика : Учеб. пособие / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.
9. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
10. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: Ок. 1000000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова.

- 28-е изд., перераб. – Москва : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2014. – 1376 с.
11. Русова Н. Ю. От аллегории до ямба : терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба / Н. Ю. Русова. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 301 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-terminology/fc/slovar-221.htm#zag-891> (дата обращения: 15.05.2022).
 12. Русский язык : энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая рос. энцикл. : Изд. дом "Дрофа", 1997. – 703 с.
 13. СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сквородников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 696 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://drive.google.com/file/d/0B-Osk7FH2zPJMG5TT3cyQTVqTzg/view> (дата обращения: 08.04.2020).
 14. Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Е. А. Сущенко; под ред. Л. Г. Татарниковой. – СПб.: ИД «Петрополис», 2011. – 424 с.
 15. Тимофеев Л. И. Краткий словарь литературоведческих терминов : Пособие для средней школы / Л. И. Тимофеев, Н. Венгеров; под общ. ред. Л. И. Тимофеева. – Москва : Учпедгиз, 1958. – 187 с.
 16. ТСЖВЯ – Толковый словарь живого великорусского языка / соч. В. И. Даля. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. (4 т. 1880–1882). – Санкт-Петербург : Москва : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882 – Т. 3. – 576 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003895331#?page=1> (дата обращения: 25.03.2021).
 17. ТСРЯПС – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова;

- отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
18. Толковый словарь русского языка. Том 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 848 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 03.04.2021).
19. Толковый словарь русского языка. Том 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 720 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 24.03.2021).
20. Универсальный словарь русского языка. – СПб. : ИГ «Весь», 2011. – 832 с.

Список использованной литературы

1. Адмони В. Г. Грамматика и текст / В. Г. Адмони. – Текст : электронный // Вопросы языкознания. – Москва : Российская академия наук, – 1985. – № 1. – С. 63–69. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/1985-1_63-69.pdf (дата обращения: 23.04.2020).
2. Ампилов В. А. Современный газетный очерк / В. А. Ампилов. – Минск : Наука и техника, 1972. – 238 с.
3. Андропова Е. В. Изучение творческого наследия В. М. Пескова на уроках литературы / Е. В. Андропова. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 33–36. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 07.04.2021).
4. Антипов Г. А. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. А. Н. Кочергин, К. А. Тимофеев. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1989. – 194 с.
5. Арзуманиян Д. И. Обучение студентов-журналистов использованию несобственно-прямой речи в художественно-публицистических жанрах: на примере очерка : спец. «Теория и методика обучения и воспитания» : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Арзуманиян Диана Ивановна ; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2008. – 16 с. – Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003447947#?page=1> (дата обращения: 21.03.2021).
6. Арутюнова Н. Э. Текст, риторика, дискурс: соотношение понятий / Н. Э. Арутюнова. – Текст : электронный // Научно-методический семинар

- кафедр факультета иностранных языков. Сборник научных и учебно-методических докладов и статей; под ред. И. Г. Аникеева. – Москва : Издательство «Перо», 2016. – С. 6–12. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25041703> (дата обращения: 23.04.2020).
7. Асмус В. Ф. Логика / В. Ф. Асмус / Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 386 с.
 8. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности : Монография / Е. А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 269 с.
 9. Баженова Е. А. Аксиологическое пространство научного текста / Е. А. Баженова. – Текст : электронный // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 13 – 14.
 10. Баркалова Н. В. Доминантные текстовые категории и их роль в формировании жанрового своеобразия текстов / Н. В. Баркалова. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011 а. – № 3. – С. 12–17. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16894307> (дата обращения: 01.04.2020).
 11. Баркалова Н. В. Структурирующая роль доминантности текстовых категорий в различных типах текстов / Н. В. Баркалова. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011 б. – № 6. – С. 72–76. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17687276> (дата обращения: 01.04.2020).
 12. Барташова О. А. Специфика реализации текстовых категорий в тексте песни / О. А. Барташова, Н. А. Алексеева. – Текст : электронный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 27–36. – Режим доступа: для авториз. пользователей. –

- URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17687276> (дата обращения: 01.04.2020).
13. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература. – 3-е изд. 1972. – 470 с.
 14. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследование разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Bahtin_M.M._Voprosy_literatury_i_estetiki_1975.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
 15. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; под ред. С. Г. Бочаров. – Москва : Издательство «Искусство», 1979. – 420 с.
 16. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. Перевод с французского / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике. Вып. 4. Математические аспекты структуры языка. Лингвистические направления. Доклады IX международного конгресса лингвистов / сост. В. А. Звегинцев. – Москва : Прогресс, – 1965. – С. 434–450.
 17. Беневоленская Т. А. Портрет современника / Т. А. Беневоленская. – Москва : Мысль, 1983. – 134 с.
 18. Березин Ф. М. Общее языкознание: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература» / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – Москва : Просвещение, 1979. – 416 с.
 19. Бессмертная Н. В. К вопросу о типологии текстов / Н. В. Бессмертная // Лингвистика текста и обучение иностранному языку. – Киев : Вища школа, 1978. – С. 48–55.
 20. Билинкис Я. С. О творчестве Л. Н. Толстого / Я. С. Билинкис. – Ленинград : Сов. писатель, 1959, – 414 с.
 21. Бисималиева М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М. К. Бисималиева // филологические науки. – Москва : ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ», 1999. – № 2. – С. 78–85.

22. Богомолова Е. И. Сочинение-рассуждение в системе письменных работ / Е. И. Богомолова. – Владимир : Кн. изд-во, 1963, – 56 с.
23. Богуславская Н. Е. Культурно-речевые аспекты разговорного текста / Н. Е. Богуславская, И. А. Гиниатуллин // Человек–Текст–Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", 1994. – С. 141–153.
24. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова / Мин-во образования Рос. Федерации. Том. гос. пед. ун-т. – Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2001. – 129 с.
25. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста / Н. С. Болотнова. – Текст : электронный // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 223–226. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15269496> (дата обращения: 01.02.2019).
26. Борисов А. А. Модели стилистического осмысления описания природы: композиционно-речевая форма "статическое описание" и композиционно-речевая форма "динамическое описание" / А. А. Борисов. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3-1 (33). – С. 48–52. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21144974> (дата обращения: 23.03.2021).
27. Боровикова Н. А. Категория времени: национальная специфика ценности / Н. А. Боровикова // Национальные ценности в языке и коммуникации. Тезисы докладов научного семинара с международным участием (Екатеринбург, 13 апреля 2015 г.) / под. ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2015. – С. 6.
28. Бородина Н. В. Категориально-текстовая идентификация аксиологем в английском поэтическом тексте и его переводе (на материале «семейных» ценностей в стихотворении С. Плат «Утренняя песня») / Н. В. Бородина, В. И. Бортников // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Тезисы докладов международного научного семинара

- (Екатеринбург, 13 мая 2020 г.) / под ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2020. – С. 7–11.
29. Бортников В. И. Текстовые категории как основание сравнения вариантов художественного текста / В. И. Бортников. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 75–85. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19119422> (дата обращения: 01.04.2020).
30. Бортников В. И. К вопросу о сопряжении текстовых категорий пространства и темы (на материале перевода поэмы мильтона "потерянный рай") / В. И. Бортников. – Текст : электронный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 62–69. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22760524> (дата обращения: 01.04.2020).
31. Бочкарев А. И. Текстовые примитивы / А. И. Бочкарев. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2016. – № 8 (56). – С. 9–20. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: [https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/561/9-20_Bochkarev_ND_2016_8\(56\).pdf](https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/561/9-20_Bochkarev_ND_2016_8(56).pdf) (дата обращения: 09.05.2020).
32. Бочковская Н. В. К проблеме изучения текста и текстовых категорий / Н. В. Бочковская. – Текст : электронный // Вестник Приднестровского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (37). – С. 13–16. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26715167> (дата обращения: 01.04.2020).
33. Братко А. А. Информация и психика / А. А. Братко, А. Н. Кочергин. – Новосибирск : издательство «Наука», 1977. – 198 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://bookree.org/reader?file=599300&pg=1> (дата обращения: 27.10.2019).
34. Брушлинский А. В. Мышление как процесс и проблема деятельности / А. В. Брушлинский. – Текст : электронный // Вопросы психологии. – 1982.

- № 2. – С. 28–39. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1982/822/822028.htm> (дата обращения: 27.10.2019).
35. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили / Р. А. Будагов. – Москва : Высш. школа, 1967. – 376 с.
36. Будаков В. В. Отечество и мир запечатлевший / В. В. Будаков. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 6–25. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 07.04.2021).
37. Бурвикова Н. Д. Жизнь в мимолётных мелочах / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2006. – 66 с.
38. Бухбиндер В. А. О целостности и структуре текста / В. А. Бухбиндер, Е. Д. Розанов. // Вопросы языкознания. – Москва : Российская академия наук, – 1975. – № 6. – С. 73–86.
39. Бухбиндер В. А. О некоторых прикладных и теоретических аспектах лингвистики текста / В. А. Бухбиндер // В сб.: Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. – Киев : Вища школа, 1978. – С. 30–39.
40. Бушков Р. А. Сернурские очерки Василия Пескова / Р. А. Бушков. – Текст : электронный // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 2 (17). – С. 97–102. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23942566> (дата обращения: 27.01.2020).
41. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – Москва : Прогресс, 1993. – 501 с.
42. Вакуров В. Н. Стилистика газетных жанров : Учебное пособие / В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Солганик. – Москва : Высшая школа, 1978. – 183 с.
43. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 280 с.

44. Валуйская Л. Н. Окно в природу, открытое В. М. Песковым / Л. Н. Валуйская. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 37–41. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 09.04.2021).
45. Ванников Ю. В. К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода / Ю. В. Ванников // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – Москва : Академия наук, 1984. – С. 15 – 26.
46. Варфоломеева Ю. Н. Типы описательных текстов (визуальное описание, описание-характеристика, контаминированное описание) / Ю. Н. Варфоломеева. – Текст : электронный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2019 б. – № 1. – С. 21–24. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37186841> (дата обращения: 23.03.2021).
47. Варфоломеева Ю. Н. Лингвокогнитивная модель текста типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2019 а. – № 11. – С. 34–45. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-27-39> (дата обращения: 29.03.2021).
48. Варфоломеева Ю. Н. Категоризация и концептуализация пространства в описательном тексте / Ю. Н. Варфоломеева. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2020. – № 4. – 27–39. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-27-39> (дата обращения: 29.03.2021).
49. Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов / А. Н. Васильева. – 3-е изд. – Москва : Русский

- язык, 1982. – 198 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://pl.b-ok.cc/book/3108624/7eaaa0> (дата обращения: 12.02.2020).
50. Ваулина С. С. Механизмы иронического смыслообразования в художественном тексте (на примере повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») / С. С. Ваулина, Е. В. Булатая. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2019. – № 7. – С. 56–69. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/6529/56-69_Vaulina_Bulataya_ND_2019_7.pdf (дата обращения: 09.05.2020).
51. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов. – Текст : электронный // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://issuesinlinguistics.ru/pubs/?year=1955> (дата обращения: 03.02.2020).
52. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10093525> (дата обращения: 08.02.2020).
53. Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике / В. В. Виноградов // Избранные труды. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – С. 42–54.
54. Винокур Г. О. Избранные труды по русскому языку / Г. О. Винокур. – Москва : ГУПИ МП РСФСР, 1959. – 489 с.
55. Волков А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 398 с.
56. Волковинский С. А. Определение концепта "природа" в современной философии природы / С. А. Волковинский. – Текст : электронный // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2010. – № 1. – С. 26–36. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15167749> (дата обращения: 02.10.2021).
57. Вологова Т. С. Антонимичность в поэтических текстах В. С. Высоцкого / Т. С. Вологова. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51).

- С. 18–28. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: [https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/1088/18-28_Vologova_ND_2016_3\(51\).pdf](https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/1088/18-28_Vologova_ND_2016_3(51).pdf) (дата обращения: 09.05.2020).
58. Волошина Т. Г. Ключевые текстовые категории киносценарного текста / Т. Г. Волошина, В. В. Лихачева. – Текст : электронный // Апробация. – 2016. – № 7 (46). – С. 123. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26704539> (дата обращения: 01.04.2020).
59. Вязовой М. П. Любовь его – фотография / М. П. Вязовой. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 45–48. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 09.04.2021).
60. Гадомский А. К. Религиозный язык или стиль: попытка систематизация терминологии теолингвистики / А. К. Гадомский. – Текст : электронный // филология. – 2006. – Т. 19 (58). – № 2. – С. 186–192. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/12/gadomsky_34_no187p.pdf (дата обращения: 17.05.2020).
61. Гадомский А. К. Религиозный стиль в славянской теолингвистике / А. К. Гадомский. – Текст : электронный // Актуальные проблемы стилистики. – 2020. – № 6. – С. 79–88. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44730650> (дата обращения: 16.05.2021).
62. Гальперин И. Р. О понятии «текст» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – Москва : Российская академия наук, 1974. – № 6. – С. 68–77.
63. Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики / И. Р. Гальперин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX Лингвостилистика; Сб. статей сост. Гальперин И. Р. – Москва : Изд-во Прогресс. – 1980. – 432 с.

64. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И. Р. Гальперин. – Москва : КомКнига, – Изд. 5-е, стереотипное, 2007. – 144 с.
65. Георгиевский П. Е. Руководство к изучению русской словесности, содержащее в себе: Общие понятия об изящных искусствах, теорию красноречия, пиитику и краткую историю литературы, составленное профессором Императорского Царскосельского лицея и Императорского Училища правоведения Петром Георгиевским / П. Е. Георгиевский. – Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1835. – 180 с.
66. Герасимова И. С. Средства реализации когезии в региональных документах середины и конца XVIII века / И. С. Герасимова. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 60–73. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/3936/60-73_Gerasimova_ND_2017_12.pdf (дата обращения: 09.05.2020).
67. Гиндин С. И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой связи / С. И. Гиндин // Машинный перевод и структурная лингвистика. Вып. 14. – Москва : [б. и.], 1971. – С. 114–135.
68. Гладкая Н. В. Демотивационные постеры в системе креолизованных текстов интернет-дискурса / Н. В. Гладкая // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 238–239.
69. Говорушко С. М. Влияние человека на природу: иллюстрированный атлас мира / С. М. Говорушко. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2016. – 375 с.
70. Голощапова М. В. К вопросу о текстовом времени / М. В. Голощапова. – Текст : электронный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1 (15) – С. 27–31. – Режим доступа: – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21611171> (дата обращения: 10.11.2019).

71. Горбань О. А. Динамика реализации категории текстового пространства в региональных документах XVIII века / О. А. Горбань. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2016. – № 12 (60). – С. 74–87. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: [https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/390/74-87_Gorban'_ND_2016_12\(60\).pdf](https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/390/74-87_Gorban'_ND_2016_12(60).pdf) (дата обращения: 09.05.2020).
72. Гордеев Ю. А. Жанровые разновидности современного очерка в печатных и интернет-изданиях / Ю. А. Гордеев. – Текст : электронный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 117–120. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27222339> (дата обращения: 14.08.2020).
73. Горелов И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва : Издательство "Лабиринт", 2001. – 304 с.
74. Горский Д. П. Логика : Учеб. пособие для пед. ин-тов / Д. П. Горский; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва : Учпедгиз, – 2-е изд., испр. – 1963. – 292 с.
75. Грибанская Е. Э. Функциональные стили речи, или как не попасть впросак / Е. Э. Грибанская. – Текст : электронный // Образовательные технологии. – 2017. – № 4. – С. 122–136. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: http://iedtech.ru/files/journal/2017/4/14_4-2017.pdf (дата обращения: 10.02.2020).
76. Григорьева О. Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка / О. Н. Григорьева. – Текст : электронный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования; отв. ред. М. Н. Володина. – 2003. – С. 167–180. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_raznie_51/1808.htm (дата обращения: 01.02.2019).
77. Гузанова Е. В. Эволюция жанра очерка в мордовской литературе : спец. «Литература народов Российской Федерации» : автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Гузанова Екатерина Валентиновна ; Морд. гос. ун-т им.

- Н. П. Огарева. – Саранск, 2013. – 22 с. – Место защиты: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005534784#?page=1> (дата обращения: 21.03.2021).
78. Гукасова М. М. Очерковая публицистика как часть персонализации медийного творчества Василия Пескова / М. М. Гукасова. – Текст : электронный // Научные тенденции: филология, культурология, искусствоведение : Сборник научных трудов по материалам X международной научной конференции (Санкт-Петербург, 25 января 2018 г.) / Международная Научно-Исследовательская Федерация "Общественная наука". – 2018. – С. 10–12. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32465013> (дата обращения: 07.04.2021).
79. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; под ред. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 397 с.
80. Гуревич И. С. Модальность как категория грамматики текста на материале китайских источников / И. С. Гуревич – Текст : электронный // Письменные памятники Востока. – 2016. – Т. 13. – № 3 (26). – С. 91–99. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=3853407> (дата обращения: 01.04.2020).
81. Гурленова Л. В. Содержание понятия «чувство природы» / Л. В. Гурленова // Природа и человек в русской литературе: Материалы Всероссийской научной конференции; редкол.: А. И. Смирнова (отв. ред.) и др. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-т, – 2000. – С. 5–14.
82. Демонова Ю. М. Реализация категории текстовой эмотивности в романе В. Вулф «На маяк» / Ю. М. Демонова, Н. В. Гукалова. – Текст : электронный // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2018. – № 2 (31). – С. 55–61. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36497317> (дата обращения: 01.04.2020).

83. Дзюба А. С. Своеобразие жанра очерка в прозе А. М. Горького 20-30-х годов XX века : спец. русская литература : автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Дзюба Анна Сергеевна ; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2013. – 21 с. – Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005539886#?page=1> (дата обращения: 05.04.2021).
84. Дровалёва Н. Очерк / Н. Дровалёва. – Текст : электронный // Эстетизм. Критика. – 2018. – № 1 (21). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://aesthesis.ru/magazine/january18/sketch> (дата обращения: 30.05.2022).
85. Жаббарова Ф. У. Категории текста / Ф. У. Жаббарова. – Текст : электронный // Вестник Башкирск. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 759–762. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-teksta> (дата обращения: 08.04.2020).
86. Жерноклетова Т. Е. К вопросу о контаминации и последовательном сочетании констатирующих типов речи / Т. Е. Жерноклетова. – Текст : электронный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2017. – № 1. – С. 21–25. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29197271> (дата обращения: 29.03.2021).
87. Жинкин Н. И. Психолингвистические основы развития речи / Н. И. Жинкин // В защиту живого слова : сборник статей / сост. В. Я. Коровина. – Москва : Просвещение, 1966. – 271 с.
88. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – Москва : Наука, 1982. – 159 с.
89. Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты / Н. Д. Зарубина. – Москва : Русский язык, 1981. – 113 с.
90. Зарытовская А. И. Природа, человек и страна в творчестве В. М. Пескова / А. И. Зарытовская. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции

- с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 59–64. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 09.04.2021).
91. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с.
92. Зеленина Е. В. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты / Е. В. Зеленина / Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 2. – С. 33–52. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-geroya-tsennostno-smyslovyeyevorcheskie-aspekty> (дата обращения: 23.02.2020).
93. Зильберман Л. И. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы / Л. И. Зильберман. – Москва : Наука, 1988. 156 с.
94. Золинова Е. В. Присоединительно-уступительные конструкции в русском и английском языках (на материале публицистического стиля) / Е. В. Золинова. – Текст : электронный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2005. – Т. 14. – № 2. – С. 103–106. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15129818> (дата обращения: 01.02.2019).
95. Золинова Е. В. Сопоставительно-уступительные конструкции в современном русском языке в сравнении с английским (на материале публицистического стиля) / Е. В. Золинова – Текст : электронный // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – № 3. – С. 153–157. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15129899> (дата обращения: 01.02.2019).
96. Зотов Н. В. Художественное начало в нижегородских путевых очерках конца XIX в. / Н. В. Зотов. – Текст : электронный // Международное научно-практическое периодическое сетевое издание «Форум молодых ученых». – 2018. – № 9 (25). – С. 338–345. – Режим доступа: для авториз. пользователей.

- URL: https://forum-nauka.ru/_9_25__sentyabr_2018/ (дата обращения: 26.02.2020).
97. Ионова С. В. Лингвистика текста в стремлении к точности и широте / С. В. Ионова. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 6–14. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35222484> (дата обращения: 09.05.2020).
98. Ипполитова Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе : Учеб. пособие для студентов пед. вузов / Н. А. Ипполитова. – Москва : Флинта : Наука, 1998. – 176 с.
99. Ипполитова Н. А. Русский язык и культура речи : Учеб. / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 440 с.
100. Иссерс О. С. Новые типы текстов в сфере гостиничного бизнеса / О. С. Иссерс. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 53–62. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35222491> (дата обращения: 09.05.2020).
101. Ицкович Т. В. Жанр православной проповеди в аспекте текстовых категорий / Т. В. Ицкович // Проблемы изучения религиозных текстов : Межвузовский сборник научных трудов / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород : НГЛУ, 2011 а. – С. 24–31.
102. Ицкович Т. В. Категория времени в тексте православной проповеди / Т. В. Ицкович. – Текст : электронный // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: гуманитарные науки. – 2011 б. – № 2 (90). – С. 238–248. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-temy-v-tekste-zhitiya> (дата обращения: 23.04.2020).

103. Ицкович Т. В. Категория темы в тексте жития / Т. В. Ицкович. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2013. – № 2. – С. 52–59. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-temy-v-tekste-zhitiya> (дата обращения: 23.04.2020).
104. Ицкович Т. В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди / Т. В. Ицкович; науч. ред. Т. В. Матвеева. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2015. – 150 с.
105. Ицкович Т. В. Композиция жития святых царственных страстотерпцев / Т. В. Ицкович. – Текст : электронный // Церковь. Богословие. История : материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страстотерпцев и их верных спутников (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.) / Екатеринбургская духовная семинария, Миссионерский институт. – 2019. – С. 35–41. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41189992> (дата обращения: 20.11.2020).
106. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля : Монография / Т. В. Ицкович. – Москва : Финта, 2021. – 400 с.
107. Кадырова Г. Х. Феномен очерков «Таёжный тупик» Василия Пескова в современном контексте журналистского сторителлинга / Г. Х. Кадырова. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 73–78. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 09.04.2021).
108. Казарин Ю. В. Гармония как гравитационный функционально-эстетический центр системы признаков поэтического текста / Ю. В. Казарин. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 43–58. – Режим доступа:

- для авториз. пользователей. – URL: https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/7228/43-58_Kazarin_ND_2019_12.pdf (дата обращения: 09.05.2020).
109. Кайда Л. Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция / Л. Г. Кайда // Язык современной публицистики: Сб. статей; под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Флинта: Наука. – 2005. – С. 58–66.
110. Каллистратидис Е. В. Русскоязычные интернет-тексты антимилитаристской тематики: аксиологическая составляющая / Е. В. Каллистратидис // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 130–132.
111. Капитан Т. Ф. Природа и человек в творчестве В. Пескова / Т. Ф. Капитан, А. В. Цишкевич. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 78–81. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 09.04.2021).
112. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.
113. Карим С. М. Заголовок – вопрос на газетной полосе : спец. «Русский язык» : автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Карим Салим Муртада ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2003. – 24 с. Место защиты: ВГУ. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cheloveknauka.com/v/90847/a?#?page=1> (дата обращения: 17.05.2022).
114. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич – Москва : Наука, 1988. – 311 с.

115. Кашкин С. Н. Выдающийся журналист и писатель земли воронежской / С. Н. Кашкин. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 82–84. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 09.04.2021).
116. Кечерукова М. А. Прагматический текст в методике обучения иностранным языкам / М. А. Кечерукова, А. М. Тевелевич. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2016. – № 5 (53). – С. 214–224. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: [https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/927/214-224_Kecherukova_ND_2016_5\(53\).pdf](https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/927/214-224_Kecherukova_ND_2016_5(53).pdf) (дата обращения: 09.05.2020).
117. Ким И. Е. Ценностные основания аргументации в научно-популярном тексте / И. Е. Ким, Д. В. Ильина // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», – 2019. – С. 244–246.
118. Ким М. Н. Основы творческой деятельности журналиста : Учебник / М. Н. Ким. – СПб. : Питер, 2011. – 393 с.
119. Киров Е. Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении / Е. Ф. Киров. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 15–25. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35222486> (дата обращения: 09.05.2020).
120. Клинг В. И. Композиционно-тематический аспект обзорной научной статьи / В. И. Клинг // Текст в функционально-стилевом аспекте. – Москва : МГИИЯ, – 1988. – Вып. 309. – С. 66–73.
121. Клобукова Л. П. Обучение языку специальности: Учеб. пособие / Л. П. Клобукова. – Москва: Изд-во МГУ, 1987. – 77 с.

122. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. – Москва : Издательство МГУ, – 2003. – С. 269–289.
123. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – Москва : МедиаМир, 2008. – 244 с.
124. Коган П. С. Теория словесности для средних учебных заведений / П. С. Коган. – Москва : т-во "В. В. Думнов - насл. бр. Салаевых", 1915. – 119 с.
125. Кожевникова Н. А. Из истории типов повествования в русской литературе 19–20 вв. / Н. А. Кожевникова // Стилистика художественной речи : Межвуз. тем. сб.; отв. ред. Р. Р. Гельгардт. – Калининград : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1982. – С. 102–119.
126. Кожевникова Н. А. О соотношении типов повествования в художественных текстах / Н. А. Кожевникова. – Текст : электронный // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. – С. 104–114. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1985-4.pdf> (дата обращения: 28.03.2021).
127. Кожевникова Н. А. Типологические характеристики художественного текста на фоне традиций русской литературы XIX – XX вв. // Человек–Текст–Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", – 1994. – С. 170 – 173.
128. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина; М-во высш. и сред. образования РСФСР. Перм. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь : [Кн. изд-во], 1968. – 251 с.
129. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. Яз. и лит.» / М. Н. Кожина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Просвещение, 1993. – 224 с.
130. Кожина М. Н. Понятие «текст» и «целый текст» (в аспекте стилистики текста) / М. Н. Кожина // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Стилистика научного текста (общие параметр). – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, – 1996. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 92–106.

131. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : Учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2008. – 464 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2374541/c6c61e> (дата обращения: 02.02.2020).
132. Кожин В. В. К проблеме литературных родов и жанров / В. В. Кожин. – Текст : электронный // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. – 1964. – Т. 3. – С. 39–49. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/87> (дата обращения: 25.03.2021).
133. Колосов Г. В. Поэтика очерка : Учебно-методическое пособие к спецкурсу «Проблемы современного очерка» / Г. В. Колосов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 77 с.
134. Колшанский Г. В. Текст как единица коммуникации / Г. В. Колшанский // Проблемы общего и германского языкознания. – Москва : Изд-во МГУ, – 1978, – С. 26–37.
135. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1980. – 149 с.
136. Колшанский Г. В. О языковом механизме порождения текста / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – Москва : Российская академия наук, – 1983. – № 3. – С. 44–51.
137. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структурная языка / Г. В. Колшанский; отв. ред. Т. В. Булыгина. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.
138. Колшанский Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения / Г. В. Колшанский // Иностранные язык в школе. – Москва : Просвещение, – 1985. – № 1. – С. 10–14.
139. Кондаков Н. И. Логика / Н. И. Кондаков; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 512 с.
140. Кондаков Н. И. Введение в логику / Н. И. Кондаков. – Москва : Наука, 1967. – 327 с. – Режим доступа: авториз. пользователей. –

- URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/daa/vvedenie%20v%20logiky.pdf> (дата обращения: 02.12.2019).
141. Конторович В. Я. Заметки писателя в современном очерке / В. Я. Конторович. – Москва : Сов. Писатель, 1962. – 371 с.
142. Кореньков Е. В. Русский язык и культура речи: учебник / Е. В. Кореньков, Н. В. Пушкарева. – Москва : Проспект, 2010. – 384 с.
143. Кортун Е. А. Категории «время» и «пространство» как один из способов интерпретации культурного пространства / Е. А. Кортун. – Текст : электронный // Science time. – 2015. – № 1 (13). – С. 246–248. – Режим доступа: – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23942566> (дата обращения: 13.08.2020).
144. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе : некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – Москва : Издательство МГУ, 1971. – 267 с.
145. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2019. – 293 с.
146. Краковяк А. С. Архетипы сознания и литературный жанр: в поисках источников жанра инвективы / А. С. Краковяк. – Текст : электронный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 11 (61). – С. 92–101. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15112068> (дата обращения: 03.04.2021).
147. Краснов Г. В. Очерк – малая повествовательная форма / Г. В. Краснов. – Текст : электронный // Вестник Чувашского университета. 2006. – № 6. – С. 260–265. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11837605> (дата обращения: 09.05.2020).
148. Краснова Е. А. Об актуальном направлении лингвопоэтики: русские союзы на текстовой службе (к истории вопроса) / Е. А. Краснова. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2019. – № 7. – С. 70–88. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL:

- dialog.ru/assets/userfiles/6529/70-88_Krasnova_ND_2019_7.pdf (дата обращения: 09.05.2020).
149. Кривошапова Н. В. Речевая экспликация темы и композиции в жанре православной проповеди (на примере проповедей архимандрита Кирилла (Павлова) / Н. В. Кривошапова. – Текст : электронный // Вестник Приднестровского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (43). – С. 14–19. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26941793> (дата обращения: 20.07.2020).
150. Кручевская Г. В. Журналы биографий: типологические особенности / Г. В. Кручевская // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции. (Москва, 9–11 февраля 2010 г.) / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. журналистики, Науч.-методический центр преподавателей и исследователей журналистики; отв. ред. Е. Л. Вартанова, Я. Н. Засурский. – Москва : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. – С. 167–168.
151. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория : Учеб. пособие / О. А. Крылова. – Москва : Высшая школа, – 2-е изд., 2008. – 319 с.
152. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин; отв. ред. Ю. Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1989. – 186 с.
153. Кубрякова Е. С. О Связях между лингвистикой текста и словообразованием / Е. С. Кубрякова // Лингвистические проблемы текста. – Москва : МГЛУ, 1983. – Вып. 217. – С. 50–57.
154. Кубрякова Е. С. О разных подходах к изучению СМИ / Е. С. Кубрякова // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак.; отв. ред. М. Н. Володина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та. – 2003. – Ч. 1. – С. 20–23.
155. Куземина Е. Ф. Молчание как выразительность говорения / Е. Ф. Куземина. – Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. – 2008.

- № 1. – С. 154–157. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13756375> (дата обращения: 17.05.2022).
156. Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке: художественный текст при изучении русского языка как иностранного / Н. В. Кулибина. – СПб : Златоуст, 2001. – 263 с.
157. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н. А. Купина. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. – 160 с.
158. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек–Текст–Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", 1994. – С. 214–233.
159. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка : Учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Москва : Издательство Юрайт, 2013. – 415 с.
160. Купина Н. А. Газеты уральской провинции в аксиологическом освещении / Н. А. Купина // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов научного семинара с международным участием (Екатеринбург, 12–13 мая 2016 г.) / под ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2016. – С. 26–27.
161. Куроедова М. А. Лексическая репрезентация концепта «радость» в творчестве публициста В. Пескова / М. А. Куроедова – Текст : электронный // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2005. – № 3. – С. 1–15. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-reprezentatsiya-kontseptaradost-v-tvorchestve-publitsista-v-pesкова> (дата обращения: 19.02.2020).
162. Куроедова М. А. Экспрессивный синтаксис как средство выражения личностного начала публициста / М. А. Куроедова. – Текст : электронный // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2010. – № 48. – С. 155–157. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18994023> (дата обращения: 27.01.2020).

163. Куроедова М. А. Поэтический синтаксис как средство выражения индивидуально-речевой манеры публициста (на примере очерков В. Пескова) / М. А. Куроедова. – Текст : электронный // Вестник амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2015. – № 68. – С. 167–171. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23373467> (дата обращения: 27.01.2020).
164. Кустова Л. А. Уроки информатики и фотографии Пескова / Л. А. Кустова. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 84–87. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 09.04.2021).
165. Лаппо М. А. Глубина понимания художественного текста и ценностные установки читателей / М. А. Лаппо // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 179–181.
166. Ленкова Т. А. К проблеме публицистического стиля и письменного дискурса СМИ / Т. А. Ленкова. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 13 (194). – С. 94–98. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15575235> (дата обращения: 01.02.2019).
167. Ленобль Г. Проблемы очерка / Г. Ленобль, В. Канторович. – Текст : электронный // Вопросы литературы. 1958. – № 1. С. 202–213. – Москва : Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://portalus.ru/modules/travelling/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1295871845&archive=1295896553&start_from=&ucat=& (дата обращения: 30.05.2022).

168. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста / А. А. Леонтьев // Лингвистика текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – Москва : Наука. – 1976. – Вып. 103. – С. 60–70.
169. Леонтьев А. А. Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике / А. А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия; под ред. Ю. А. Жлуктенко, А. А. Леонтьева. – Киев : Вища школа, 1979. – С. 7–18.
170. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1997. – 287 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: http://pedlib.ru/Books/3/0307/3_0307-5.shtml#book_page_top (дата обращения: 16.12.2019).
171. Лосева Л. М. Как строится текст : Пособие для учителей / Л. М. Лосева; под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Просвещение, 1980. – 96 с.
172. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.
173. Лотман Ю. М. Риторика / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту : ТГУ. – 1981. – Вып. 12. – С. 8–12.
174. Лотман Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман. – Текст : электронный // Образовательные технологии. – 2014. – № 1. – С. 30–42. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://www.iedtech.ru/files/journal/2014/1/lotman-text-in-text.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).
175. Майданова Л. М. Практическая стилистика жанров СМИ : Учебное пособие / Л. М. Майданова, С. О. Калганова. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2006. – 336 с.
176. Малышев А. А. Лексико-семантические средства передачи звука в очерках В. М. Пескова «Любовь–Камчатка» / А. А. Малышев. – Текст : электронный // Медиалингвистика. – 2014. – № S3. – С. 142–145. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22589252> (дата обращения: 27.01.2020).

177. Мартянова И. А. ИмPLICITное выражение оценки в тексте отечественного киносценария / И. А. Мартянова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 253–255.
178. Маслова Н. М. Путевые записки как публицистическая форма: (Становление и развитие жанра "путешествия" в публицистике) / Н. М. Маслова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 115 с.
179. Матвеева Г. Г. Письменный текст: подходы к выявлению скрытой прагматики / Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина. – Текст : // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 26–32. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35222487> (дата обращения: 09.05.2020).
180. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
181. Матвеева Т. В. Непринужденный диалог как текст / Т. В. Матвеева // Человек–Текст–Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", 1994. – С. 125–140.
182. Матвеева Т. В. Лингвистика текста и аксиология разговорного диалога / Т. В. Матвеева // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 40–42.
183. Межова Л. А. Географические образы Аляски Василия Михайловича Пескова / Л. А. Межова, А. М. Луговской. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. II (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020.

- С. 269–275. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44343477> (дата обращения: 07.04.2021).
184. Мельник Г. С. Основы творческой деятельности журналиста : Учебное пособие для студентов 1-го курса факультетов журналистики / Г. С. Мельник, А. Н. Тепляшина. – СПб : Питер, 2006. – 271 с.
185. Миночкина Л. И. Национальная тема в путевых очерках Мамина-Сибиряка для детей / Л. И. Миночкина. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 1997. – Т. 2. – № 1. – С. 54–58. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26087194> (дата обращения: 24.01.2020).
186. Михеева С. Л. Оценочность как онтологическое свойство художественного текста / С. Л. Михеева // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 183–185.
187. Мишланов В. А. Классификационный научный текст в ценностном измерении / В. А. Мишланов // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 44–46.
188. Москальская О. И. Семантика текста / О. И. Москальская // Вопросы языкознания. – Москва : Российская академия наук, 1980. – № 6. – С. 32–42.
189. Москальская О. И. Грамматика текста : Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.
190. Мурзин Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Издательство Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
191. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура / Л. Н. Мурзин // Человек–Текст–Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", 1994. – С. 160–169.

192. Муссурова Е. Н. Лингвистические средства репрезентации эмотивных смыслов в художественном тексте (на материале рассказов Андрея Платонова) / Е. Н. Муссурова. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22). – С. 28–35. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/310/Mussurova_28-35.pdf (дата обращения: 09.05.2020).
193. Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении / В. В. Налимов. – Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1978. – 83 с.
194. Нечаева О. А. Функционально-смысловые смысловые типы / О. А. Нечаева; под ред. Л. М. Орлова. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1974. – 261 с.
195. Никольский В. А. Сочинения в средней школе : Пособие для учителей / В. А. Никольский. – Москва : Учпедгиз, 1955. – 216 с.
196. Новиков А. И. Семантика текста и её формализация / А. И. Новиков. – Москва : Наука, 1983. – 215 с.
197. Овчаренко М. В. Историко-краеведческие аспекты изучения наследия В. М. Пескова в рамках внеурочной деятельности обучающихся / М. В. Овчаренко. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. II (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 29–32. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44343477> (дата обращения: 07.04.2021).
198. Одесский М. П. В. М. Молотов – Л. М. Леонов – А. О. Авдеенко: очерки советской «публичной культуры» (август–сентябрь 1940 г.) / М. П. Одесский. – Текст : электронный // Вестник РГГУ. серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 7 (28). – С. 36–46. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30382748> (дата обращения: 24.01.2020).

199. Одинцов В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – Москва : Наука, 1980. – 263 с.
200. Озерова А. А. О самостоятельности сочинений учащихся / А. А. Озерова; под ред. Г. К. Бочарова / Академия педагогических наук РСФСР, Институт методов обучения. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. – 74 с.
201. Опарина А. В. Модальность как текстовая категория и особенности ее проявления в древнерусских текстах / А. В. Опарина. – Текст : электронный // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2010. – № 6. – С. 59 – 64. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17304893> (дата обращения: 01.04.2020).
202. Останина Е. В. Специфика публицистики Василия Пескова / Е. В. Останина, А. В. Чутчева. – Текст : электронный // Медиаисследования. – 2014. – № 1. – С. 211–218. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23102481> (дата обращения: 24.01.2020).
203. Осьмухина О. Ю. Проблема типологии повествований в отечественном литературоведении XX столетия / О. Ю. Осьмухина. – Текст : электронный // Конференциум АСОУ : Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2017. – № 3. – С. 108–115. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32837820> (дата обращения: 28.03.2021).
204. Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста : Учеб. пособие / М. И. Откупщикова. – Ленинград : ЛГУ, 1982. – 103 с.
205. Панцеров К. А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра : спец. 10.01.10 «Журналистика» : автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Панцеров Константин Арсеньевич ; С.-Петербург. гос. ун-т. – Петербург, 2004. – 24 с. – Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.dissercat.com/content/putevoi-ocherk-evolyutsiya-i>

- khudozhestvenno-publitsisticheskie-osobennosti-zhanra (дата обращения: 01.06.2022).
206. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категория / А. Ф. Папина. – Москва : УРСС, 2002. – 367 с.
207. Петрова Н. В. Текст и дискурс / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – Москва : Российская академия наук, 2003. – № 6. – С. 123–131.
208. Познин В. Ф. Художественное пространство и время в экранном хронотопе / В. Ф. Познин. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 93–109. – Режим доступа: – URL: <https://artsjournal.spbu.ru/article/view/4861/4274> (дата обращения: 13.11.2019).
209. Покровская Е. В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики : спец. русский язык : автореферат дис. ... доктора филологических наук / Покровская Евгения Васильевна ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2004. – 43 с. – Место защиты: Москва. Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Режим доступа: – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002733909#?page=1> (дата обращения: 10.03.2020).
210. Полетаев А. А. Характеристика типов текстов в рамках функционально-смыслового типа речи "рассуждение" / А. А. Полетаев. – Текст : электронный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 1 (65). – С. 93–96. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17361047> (дата обращения: 29.03.2021).
211. Полякова Т. А. Текст как смыслопорождающее устройство в концепции Ю. М. Лотмана / Т. А. Полякова. – Текст : электронный // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 3. – С. 72–79. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20201787_15557382.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

212. Пономарева Е. В. В. М. Песков – это человек, открывший нам «Окно в природу» / Е. В. Пономарева. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. II (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 32–35. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44343477> (дата обращения: 07.04.2021).
213. Пражский лингвистический кружок: сборник / ред. Н. А. Кондрашов. – Москва : Прогресс, 1967. – 559 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38397> (дата обращения: 14.05.2021).
214. Проскурина Н. В. Изучение творческого наследия В. М. Пескова в школе / Н. В. Проскурина, П. С. Проскурин. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. II (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 40–44. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44343477> (дата обращения: 07.04.2021).
215. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохватилова; М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-т, 1999. – 362 с.
216. Прохватилова О. А. Практическая и функциональная стилистика русского языка : Учеб. пособие / О. А. Прохватилова, С. А. Чубай / Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. Гос. Ун-т», Каф. лит., изд. дела и лит. творчества. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 272 с.
217. Прохватилова О. А. О специфике речевой организации современной православной проповеди / О. А. Прохватилова. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета.

- 2014. – №. 18 (704). – С. 58–66. – Режим доступа: – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22796645> (дата обращения: 16.05.2021).
218. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика английского языка : Учеб. пособ. для студ. ин-тов и фак. иностр. яз. / Н. М. Разинкина. – Москва : Высш. шк., 1989, – 182 с.
219. Ратегова О. А. Категориально-текстовая специфика новостной заметки: спец. «Русский язык» : дис. ... магистра филологических наук / Ратегова Ольга Алексеевна ; УрФУ. – Екатеринбург, 2018. – 137 с. – Место защиты: УрФУ. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/64714/1/m_th_o.a.rategova_2018.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
220. Репонь А. Очерк как прозаический жанр / А. Репонь. – Текст : электронный // CCS&ES. – 2021. – № 1. – С. 22–31. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kak-prozaicheskiy-zhanr> (дата обращения: 01.06.2022).
221. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский– 4-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука. 2006. – 512 с.
222. Романова О. И. Диалектизмы в лексической структуре художественного текста (на материале произведений Б. Екимова) / О. И. Романова. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2016. – № 9 (57). – С. 83–196. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: [https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/749/83-96_Romanova_ND_2016_9\(57\).pdf](https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/749/83-96_Romanova_ND_2016_9(57).pdf) (дата обращения: 09.05.2020).
223. Рябуха О. В. Проблема типологии интертекстуальных включений и их роль в структуре интертекста (на материале журнальных и газетных статей) / О. В. Рябуха, А. В. Трошина. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2018. – № 4. – С. 134–146. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: http://old.nauka-dialog.ru/assets/userfiles/4494/134-146_Ryabuha_Troshina_ND_2018_4.pdf (дата обращения: 09.05.2020).

224. Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» / Н. К. Рябцева. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языковедение. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 15–25. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35222488> (дата обращения: 09.05.2020).
225. Сабурова Н. В. Оценочная функция слов в публицистическом стиле (на примере журнальной статьи) / Н. В. Сабурова. – Текст : электронный // Вестник Якутского государственного университета. – 2005. – Т. 2. – № 2. – С. 124–126. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11769318> (дата обращения: 01.02.2019).
226. Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики / Л. В. Сахарный // Человек–Текст–Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", 1994. – С. 7–59.
227. Сергодеев И. В. Опыт анализа и синтеза контекстных значений доминантной единицы поэтического текста У. Блейка «The Lamb»: интертекстуальный аспект / И. В. Сергодеев. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 158–174. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/7348/158-174_Sergodeev_ND_2020_1.pdf (дата обращения: 09.05.2020).
228. Серебровская Е. С. Три биографических очерка Толстого: очерки, составленные Софьей Андреевной со слов Толстого и им выправленные / Е. С. Серебровская. – Текст : электронный // Литературное наследство. – 1961. – Т. 69. – № 1. – С. 497–518. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28791948> (дата обращения: 24.01.2020).
229. Сидоров Е. В. Коммуникативный принцип исследования текста / Е. В. Сидоров // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Москва : Издательство «Наука», 1986. – Т. 45, – № 5. – С. 425–432.

230. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров; отв. ред. В. Н. Ярцева / АН СССР, Науч. совет "Теория сов. языкознания", Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1987. – 138 с.
231. Сидорова М. Ю. Русский язык и культура речи : Учебник / М. Ю. Сидорова, В. С. Савельев. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 512 с.
232. Сиротинина О. Б. Тексты, текстостиды, дискурсы в зоне разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Человек–Текст–Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", 1994. – С. 105–124.
233. Скибицкая Л. В. Современный очерк: проблема внутрижанровой типологии / Л. В. Скибицкая. Текст : электронный // Слова ў кантэксте часу : да 85-годдзя прафесара А. І. Наркевіча: зб. навук. прац. – 2014. – Т. 1. – С. 299–307. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/106207> (дата обращения: 24.01.2020).
234. Слобожанин А. В. Развитие культурно-экологического туризма в тульской области ("природа и культура тульского края: путешествие сквозь века") / А. В. Слобожанин, С. А. Егорычева. – Текст : электронный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 10–2. – С. 218–220. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27162460> (дата обращения: 02.10.2021).
235. Смурыгина С. Н. Терминологическая антонимия как средство создания стилистического эффекта в газетно-публицистическом стиле / С. Н. Смурыгина. – Текст : электронный // Вестник Ставропольского государственного университета – 2008. – № 2. – С. 149–153. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11658092> (дата обращения: 01.02.2019).
236. Солганик Г. Я. Стилистика текста : Учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – 2-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2000. – 256 с.

237. Солганик Г. Я. Стилистика современного русского языка и культура речи: Учеб. пособие для студ. фак. журналистики / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. – 3-е изд., стер. – Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
238. Солганик Г. Я. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации / Г. Я. Солганик, Н. И. Клушина. – Текст : электронный // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). – 2014. – С. 499–501. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24495105> (дата обращения: 01.02.2019).
239. Сон Х. Средства выражения необходимости в современном русском языке (на материале текстов газетно-публицистического стиля) / Х. Сон – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – № 1-2. – С. 164–169. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12846739> (дата обращения: 01.02.2019).
240. Сорокин Ю. А. Текст: цельность, связность, эмотивность / Ю. А. Сорокин // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста; отв. ред. Н. А. Слюсарева. – Москва : Наука, 1982. – С. 61–74.
241. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста : спец. Теория языка : диссертация ... доктора филологических наук / Сорокин Юрий Александрович ; – Москва : Наука, 1985. – 168 с.
242. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр; под ред. А. А. Холодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.
243. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф. Соссюр; пер. с фр. Б. П. Нарумова; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 2000. – 274 с.
244. Социально-философские проблемы экологии / И. В. Огородник, Н. Н. Киселев, В. С. Крисаченко, И. П. Стогний; под общ. ред. И. В. Огородника. – Киев : Выща шк., 1989. – 269 с.

245. Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов; АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1971. – 167 с.
246. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – Москва : Просвещение, 1975. – 271 с.
247. Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1 : Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. – Москва : Издательство Юрайт, 2016. – 325 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25860332> (дата обращения: 11.06.2021).
248. Стриженко А. А. Об особенностях организации текстов, относящихся к разным функциональным стилям / А. А. Стриженко, Л. И. Кручинина. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, – 1985. – 172 с.
249. Сухомлинова Л. В. Виды оценочности в газетно-публицистическом стиле речи / Л. В. Сухомлинова, О. С. Синепупова. – Текст : электронный // Учёные записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 8 (84). – С. 222–225. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17066644> (дата обращения: 01.02.2019).
250. Сушкова О. Ю. Вклад В. Пескова в развитие географической культуры (на примере школьного краеведения) / О. Ю. Сушкова. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. II (Воронеж, 20 – 21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 49–52. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44343477> (дата обращения: 07.04.2021).
251. Сычёва Е. В. Интерференция художественного и публицистического дискурса (на материале путевых очерков В. Пескова) / Е. В. Сычёва. – Текст : электронный // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2012. – №. 3 – С. 118 – 121. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://pgu.ru/editions/vestnik/detail.php?SECTION_ID=374&ELEMENT_ID=4854 (дата обращения: 10.05.2021).

252. Тагиров Э. Р. Человек и природа / Э. Р. Тагиров. – Текст : электронный // Актуально. – 2015. – № 1. – С. 8–9. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://ua-ekonomist.com/archive/2015/1/Tagirov.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).
253. Телегина А. В. Национальные парки и другие охраняемые природные территории США в произведениях В. М. Пескова / А. В. Телегина. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. II (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 275–280. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44343477> (дата обращения: 07.04.2021).
254. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1991. – С. 8–35.
255. Терехова Г. Х. Категории мотива, темы и метатемы в рамках телеологического подхода к анализу произведения / Г. Х. Терехова. – текст : электронный // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 4 (68). – С. 145–148. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17282889> (дата обращения: 02.08.2020).
256. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : Учеб. пособие для вузов / А. А. Тертычный. – 6-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2017. – 320 с.
257. Тлехурай М. К. Сложное синтаксическое целое и его логико-композиционная структура / М. К. Тлехурай // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – № 4. – С. 1–7. – Режим доступа: для авториз. пользователей. –

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnoe-sintaksicheskoe-tseloe-i-ego-logiko-kompozitsionnaya-struktura> (дата обращения: 29.03.2020).
258. Трунова О. В. Художественный текст как проекция аксиологического мироосмысления / О. В. Трунова, Н. В. Трунова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. : Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 197–198.
259. Трушков К. О. Публицистический стиль как один из функциональных стилей китайского языка / К. О. Трушков. – Текст : электронный // Амурский научный вестник. – 2016. – № 2. – С. 227–233. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26231759> (дата обращения: 01.02.2019).
260. Тулупов В. В. Универсальный журналист Василий Песков / В. В. Тулупов. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 25–28. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 07.04.2021).
261. Тураева З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика) / З. Я. Тураева. – Москва : Просвещение, – 1986. – 127 с.
262. Укуева Б. К. Характеристика и разделение художественных очерков на структурно-типологические типы / Б. К. Укуева, С. К. Жусуева. – Текст : электронный // Образование и наука в современных условиях. – 2016. – № 2 - 2 (7). – С. 138–141. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26148453> (дата обращения: 24.01.2020).
263. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 347 с.
264. Устюжанина Л. А. Структура рекламного текста в социальной сети Instagram / Л. А. Устюжанина // Молодые голоса : сб. тр. / Уральский

- федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; под ред. И. В. Шалиной. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2019. – С. 67–72.
265. Фатеева Н. А. Грамматические инновации в современной поэзии как проявление лингвокреативности / Н. А. Фатеева. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 44–52. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35222489> (дата обращения: 09.05.2020).
266. Фёдоров В. В. К вопросу об онтологии публицистического стиля / В. В. Фёдоров. – Текст : электронный // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2006. – № 2 (8). – С. 53–71. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9481471> (дата обращения: 01.02.2019).
267. Федотов В. И. В. М. Песков как географ-страновед без специального географического образования (к 90-летию со дня рождения) / В. И. Федотов, С. В. Федотов. – Текст : электронный // Журналистика и география : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том. I (Воронеж, 20–21 марта 2020 г.) / Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 28–32. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44357935> (дата обращения: 07.04.2021).
268. Федотова А. А. Нарративный дискурс в историческом очерке Н. С. Лескова / А. А. Федотова. – Текст : электронный // Человек в информационном пространстве : материалы Междунар. конф. (Ярославль, 13–15 ноября 2014 г.) / Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; под ред. Н. В. Аниськиной. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, – 2014.

- С. 169–174. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26052860> (дата обращения: 24.01.2020).
269. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 336 с.
270. Фуникова С. В. Хронотоп в поэтике очерков «Записки охотника» И. С. Тургенева и «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина / С. В. Фуникова. – Текст : электронный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 101–107. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12330741> (дата обращения: 24.01.2020).
271. Хайруллина О. Н. Очерк второй половины 19 века: Жанрово-стилевая характеристика; на материале очерков о российском Дальнем Востоке : спец. 10.01.01. «Русская литература» : диссертация ... кандидата филологических наук / Хайруллина Ольга Николаевна ; Дальневосточный государственный университет. – Владивосток, 2001. – 172 с. – Место защиты: Дальневосточный государственный университет. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.dissercat.com/content/ocherk-vtoroi-poloviny-19-veka-zhanrovo-stilevaya-kharakteristika-na-materiale-ocherkov-o-ro> (дата обращения: 01.06.2022).
272. Храпченко М. Б. Текст и его свойства / М. Б. Храпченко. – Текст : электронный // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С. 3–9. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://studylib.ru/doc/2080770/voprosy-yazykoznanija%С2%BB-N2-1985> (дата обращения: 21.02.2021).
273. Черепанов М. С. Работа над очерком / М. С. Черепанов. – 2-е изд., перераб. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 95 с.
274. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 115 с.
275. Чернухина И. Я. Виды речемыслительной деятельности и типология текстов (на материале лирических стихотворений) / И. Я. Чернухина // Человек–Текст–

- Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : АО "Полиграфист", 1994. – С. 60–80.
276. Чжан Ю. Лексические особенности публицистического стиля русского языка на современном этапе / Ю. Чжан. – Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 2. – С. 58–62. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16316635> (дата обращения: 01.02.2019).
277. Чиговская-Назарова Я. А. К проблеме выделения текстовых категорий русского научного текста / Я. А. Чиговская-Назарова. – Текст : электронный // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2014. – № 10. – С. 138–140. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21809753> (дата обращения: 01.04.2020).
278. Шалаев В. П. "Человек–природа–человек": глобальный конфликт или глобальная перестройка (системно-синергетический анализ) / В. П. Шалаев. – Текст : электронный // Конфликтология. – 2014. – № 1. – С. 87–102. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21890099> (дата обращения: 02.11.2020).
279. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Н. Ю. Шведова, С. Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н. Ю. Шведова / Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. – Москва : Наука, 1970. – 767 с.
280. Шевцова Д. А. Образы будущего в колумнистике газеты «Московский комсомолец» / Д. А. Шевцова. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2016. – № 8 (56). – С. 97–106. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: [https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/561/97-106_Shevцова_ND_2016_8\(56\).pdf](https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/561/97-106_Shevцова_ND_2016_8(56).pdf) (дата обращения: 09.05.2020).
281. Ширинкина М. А. Типология тематических номинаций в деловой переписке / М. А. Ширинкина. – Текст : электронный // Социо-психолингвистические исследования. – 2018. – № 6. – С. 95–101. – Режим доступа: для авториз.

- пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36685298> (дата обращения: 02.08.2020).
282. Ширинкина М. А. Категориально-текстовый подход к описанию письменного дискурса исполнительной власти / М. А. Ширинкина. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 69–80. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37317971> (дата обращения: 01.04.2020).
283. Шкловский В. Кончился ли роман? / В. Шкловский. – Текст : электронный // Иностранная литература. – 1967. – № 8. – С. 218–231. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://disk.yandex.ru/d/vZjPLAdJebVYu> (дата обращения: 04.04.2021).
284. Щеглова Е. А. Стилистические особенности путевых очерков В. М. Пескова «Путешествие с молодым месяцем» как поликодового текста / Е. А. Щеглова. – Текст : электронный // Медиаскоп. – 2017. – № 3. – С. 2–11. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30508164> (дата обращения: 24.01.2020).
285. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба; под. ред. М. И. Матусевич / Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 188 с.
286. Щербатский Б. М. Занятия по стилистике в старших классах средней школы : Пособие для учителей / Б. М. Щербатский. – Москва : Учпедгиз, 1951. – 183 с.
287. Юзифович В. А. Способы выражения сравнений в цикле очерков В. Пескова «Таёжный тупик» / В. А. Юзифович. – Текст : электронный // Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа: IV Международный научно-практический семинар (Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2015 г.) / Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ; под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб : Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. 2015. – С. 268–272. – Режим доступа: для

- авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24270908> (дата обращения: 24.01.2020).
288. Яковлева Ю. В. Сопоставительный анализ основных стилеобразующих элементов научного и публицистического стилей (на материале текстов экономической тематики) / Ю. В. Яковлева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 5. – С. 81–85. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11452715> (дата обращения: 01.02.2019).
289. Якубинский Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский. – Текст : электронный // Русская речь : Сборники статей; под ред. Л. В. Щербы. – 1923. – Вып. 1, – С. 96–194. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004890157/ (дата обращения: 19.03.2021).
290. Ян Ц. Прагматическая программа текста лекции / Ц Ян. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2017. – № 8. – С. 154–167. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: https://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/3124/154-167_Yan_Cin_ND_2017_8.pdf (дата обращения: 09.05.2020).
291. Ян Ц. Приемы речевого воздействия в жанре лекции (стилистические фигуры, способы диалогизации) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ц. Ян ; – Место защиты: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2018. – 188 с. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/58832> (дата обращения: 11.06.2021).
292. Яхиббаева Л. М. Категории цельности / целостности и связности как основные признаки текста / Л. М. Яхиббаева. – Текст : электронный // Лингвокультурология. – 2008. – № 2. – С. 209–214. – Режим доступа: для авториз. пользователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-tselnosti-tselostnosti-i-svyaznosti-kak-osnovnye-priznaki-teksta> (дата обращения: 02.12.2019).

293. Beaugrand de R. Introduction to Text Linguistics / R. Beaugrande de, W. U. Dressler. London : Longman. 1981. – 290 p.
294. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einf. in Grundbegriffe u. Methoden / K. Brinker. – 2., durchges. u. erg. Aufl. Berlin : Schmidt, 1988. – 151 c.
295. Brown G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. Cambridge : Cambridge University Press. 1983. – 288 p.
296. Eda E. Telling ELT Tales out of School “In this paper I will discuss...”: Current trends in academic writing / E. Eda // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. – United States : Elsevier LTD. – 2010. – Vol. 3. P. 121–126.
297. Evans S. Structural patterns in empirical research articles: A cross-disciplinary study [Online] / S. Evans, L. Lin // *English for Specific Purposes*. – 2012. – Vol. 7. P. 150–160. – Available: <https://www.researchgate.net/publication/251600598> (date of access: 06.10.2022).
298. Graesser A. C. Discourse comprehension / A. C. Graesser, K. K. Millis, R. A. Zwaan // *Annual Review of Psychology* / ed. by Schulz R. – New York : Academic Press, 1997. – № 48. – P. 89–163.
299. Halliday M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. London : Longman, 1976. – 374 p.
300. Hartmann P. Text als linguistisches Objekt / P. Hartmann // *Beiträge zur Textlinguistik* / ed. by W. D. Stempel. – München : Fink, 1971. – P. 9–29.
301. Heinemann W. Textlinguistik heute – Entwicklung, Problems, Aufgaben / W. Heinemann // *Wiss. Zeitschrift Karl-Marx-Universität*. – Leipzig : Universität Leipzig, 1982. – P. 210–221.
302. Kinneavy J. L. A Theory of Discourse: the aim of discourse / J. L. Kinneavy. Englewood Cliffs (NJ) : Prentice-Hall International, 1971. – 478 p.
303. Mann W. C. Rhetorical structure theory: description and construction of text structures / W. C. Mann, S. A. Thompson // *Natural Language Generation*; ed. by G. Kempen. – Los Angeles : University of Southern California's Information Sciences Institute, 1987. – P. 85–95.

304. Martin J. R. The language of evaluation: appraisal in English / J. R. Martin, P. R. R. White. – New York : PALGRAVE MACMILLAN, 2005. – 278 p.
305. Renkema J. Discourse studies: an introductory textbook / J. Renkema. – Amsterdam : Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1993. – 141 p.
306. Schiffrin D. Conversation analysis text / D. Schiffrin // Approaches to Discourse / ed. by D. Schiffrin. – Cambridge : Cambridge university press, 1988. – P. 251–276.
307. Tomankova V. Lexical bundles in legal texts corpora – Selection, classification and pedagogical implications [Online] / V. Tomankova // Discourse and interaction. – 2016. – Vol. 1. P. 75–94. – Available: <https://www.researchgate.net/publication/312081940>(date of access: 06.10.2022).
308. 郭明. 篇章范畴与小说研究 : 专业 «俄语语言文学»: 俄语学院博士毕业论文 / 郭明; 黑龙江大学. – 哈尔滨, 2010年. 252页. – 答辩学校: 黑龙江大学. Го Мин. Категория изучения текста и романа : спец. «Русский язык и литература»: диссертация кандидатской российской академии наук / Го Мин ; Хэйлунцзянский университет. – Харбин, 2010. – 252 с. – Место защиты: Хэйлунцзянский университет.
309. 胡壮麟. 语篇的衔接与连贯 / 胡壮麟. – 上海 : 上海外语教育出版社, 1994年. 235页. Ху Чжуанлин. Когезия и когерентность текста / Ху Чжуанлин. – Шанхай : Издательство Шанхайского образования иностранных языков, 1994. – 235 с.
310. 胡壮麟. 有关语篇衔接理论多层次模式的思考 / 胡壮麟 // 上海外国语大学学报. – 上海 : 上海外国语大学出版社. 1996年. 第1期 (总第101期). 第1–8页. Ху Чжуанлин Мысли о многоуровневой модели теории текстовой когезии / Ху Чжуанлин // Вестник Шанхайского университета международных исследований. – Шанхай: Издательство Шанхайского университета международных исследований. – 1996. – № 1. (101). – С. 1–8.
311. 黄国文. 语篇分析概要 / 黄国文. – 长沙 : 湖南教育出版社, 1988年. 221页. Хуан Гуовен. Очерк анализа текста / Хуан Гуовен. – Чанша: Хунань образование пресс, 1988. – 221 с.

312. 黄国文. 语篇分析的理论与实践 — 广告语篇研究 / 黄国文. — 上海:上海外语教育出版社. 2001年. 418页. Хуан Гуовен. Теория и практика анализа текста — Исследование рекламного текста / Хуан Гуовен. — Шанхай: Шанхайская образовательная пресса иностранных языков. 2001. — 418 с.
313. 李天贤. 认知框架视角下的语篇连贯研究: 专业《语言学及应用语言学》: 人文学院博士毕业论文 / 李天贤; 浙江大学. — 浙江, 2012年. 253页. — 答辩学校: 浙江大学. Ли Тяньсян Дискурсивная когерентность: когнитивно-каркасный подход: спец. «Лингвистика и прикладная лингвистика»: дис. ... канд. филос. наук / Ли Тяньсян; Университет Чжэцзян. — Чжэцзян, 2012. — 253 с. — Место защиты: Университет Чжэцзян.
314. 吕叔湘. 汉语语法分析问题 / 吕叔湘 // «吕叔湘选集». — 长春: 东北师范大学出版社. 1979年. 第120–200页. Лу Шусян Проблемы китайского грамматического анализа / Лю Шусян // «Антология Лю Шусяна». — Чанчунь: издательство Северо-Восточного педагогического университета. — 1979. — С. 120–200.
315. 茅盾. 关于“报告文学” / 茅盾 // 时代报道. — 天津: 《天津日报》. — 1979年. 第6–8页. Мао Дунь. Об «очерке» / Мао Дунь // Отчёт о времени. — Тяньцзинь: «Тяньцзинь Daily». — 1979. — С. 6–8.
316. 孟安茹. 瓦西里·佩斯科夫报告文学《越冬》汉译实践报告: 专业H35《俄语笔译》: 外国语学院硕士学位论文 / 孟安茹; 吉林大学. — 吉林, 2018. — 53 с. — 答辩学校: 吉林大学. Мэн Анру. Отчёт по переводческой практике — на примере документальной литературы Василия Пескова «Зимовка»: спец. H35 «Русский перевод»: диссертация магистерских филологических наук / Мэн Анру; Цзилиньский университет. — Цзилинь, 2018. — 53 с. — Место защита: Цзилиньский университет.
317. 张德禄. 系统功能语法概论 / 张德禄, 胡壮麟, 朱永生. — 长沙: 湖南教育出版社, 1989年. 432页. Чжан Делу. Введение в функциональную грамматику

системы / Чжан Делу, Ху Чжуанлин, Чжу Юншен. – Чанша : Хунань образование пресс, 1989. – 432 с.

Список источников

1. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 1. В соболинном краю / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
2. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 2. С Юрием Гагариным / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
3. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 3. Ржаная песня / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
4. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 4. Туманные острова / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
5. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 5. Мощные реки / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
6. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 6. У Лукоморья / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
7. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 7. Мир за нашим окном / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
8. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 8. Мир за нашим окном / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
9. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 9. За порогом весны / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
10. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 10. Река и жизнь / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.

11. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 11. Друзья из берлоги / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
12. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 12. Ключи от Волги / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
13. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 13. Запечатленные тайны / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
14. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 14. Таёжный тупик / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
15. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 15. Чудеса лунной ночи / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
16. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 16. В час высокой воды / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
17. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 17. Зимние перезвоны / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
18. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 18. Посиделки на закате / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
19. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 19. Про братьев меньших / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
20. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 20. Золотые закаты / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.

21. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 21. Мир на ладони / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. –160 с.
22. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 22. Прогулки по опушке / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.
23. Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т. 23. Лесные жители / В. М. Песков. – Москва: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014. – 160 с.